

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ТРИБУНА

МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПРАВА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

г. ИРКУТСК
15 мая 2026

Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Трибуна молодых исследователей права

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
(15 мая 2026 г.)

Иркутск
2026

УДК 34
ББК 67
Т67

Издается по решению редакционно-издательского совета
Восточно-Сибирского института МВД России

Редакционная коллегия:

Председатель – заместитель начальника института по научной работе полковник полиции **Мещеряков Александр Николаевич**.

Заместитель председателя – начальник научно-исследовательского отдела подполковник полиции **Расторопова Анастасия Сергеевна**.

Члены редакционной коллегии:

начальник кафедры основ российской государственности и цивилистики полковник полиции **Белозерцева Виктория Владимировна**; начальник кафедры судебно-экспертной деятельности полковник полиции **Шеков Анатолий Александрович**; начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД полковник полиции **Лузько Дмитрий Николаевич**; доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД полковник полиции **Вытовтов Александр Евгеньевич**; начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД подполковник полиции **Перетолчин Артем Павлович**; доцент кафедры административного права и административной **Власова Елена Львовна**; начальник кафедры информационных технологий подполковник полиции **Джурук Дмитрий Сергеевич**; профессор кафедры информационных технологий полковник полиции **Руденко Максим Борисович**; заместитель начальника кафедры криминалистики полковник полиции **Милюс Александр Иозосович**; доцент кафедры криминалистики подполковник полиции **Усачев Сергей Игоревич**; заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии капитан полиции **Сидорова Екатерина Закарьевна**; профессор кафедры уголовного права и криминологии **Лисаускайте Валентина Вlado**; начальник кафедры уголовного процесса полковник полиции **Шелегов Юрий Владимирович**; доцент кафедры уголовного процесса майор полиции **Михайлова Тамара Николаевна**; заместитель начальника кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин подполковник полиции **Недзельский Алексей Евгеньевич**; преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин младший лейтенант полиции **Михаэлис Дмитрий Владимирович**; научный сотрудник научно-исследовательского отдела лейтенант полиции **Кузнецова Дарья Андреевна**; главный специалист научно-исследовательского отдела **Зайцева Татьяна Викторовна**.

Ответственный секретарь – научный сотрудник научно-исследовательского отдела капитан полиции **Браташ Евгения Сергеевна**.

Электронное издание сетевого распространения. Трибуна молодых исследователей права: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. (Иркутск, 15 мая 2026 г.) ; Восточно-Сибирский институт МВД России / Отв. ред. А. С. Расторопова. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2026.

В настоящий сборник включены материалы докладов участников Всероссийской научно-практической конференции «Трибуна молодых исследователей права», состоявшейся 15 мая 2026 г. в Восточно-Сибирском институте МВД России.

Все включённые в сборник статьи представлены в авторской редакции.

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования:
процессор с частотой 1,3 ГГц (Intel, AMD); оперативная память 256 МБ,
свободное место на винчестере 335 МБ; Windows (XP, Vista, 7 и т. п.)

Программное обеспечение: Acrobat Reader, Foxit Reader
либо любой другой их аналог

В авторской редакции
Компьютерная вёрстка: Браташ, Е.С., Кузнецова, Д.А.

Подписано к использованию: 20.05.2026
Формат PDF; 3 Мб

ФГКОУ ВО ВСИ МВД России
664074, ул. Лермонтова, 110.
(3952) 41-07-49

ОГЛАВЛЕНИЕ

Баирова Т.В. Информационные технологии как средство разрешения коллизий и пробелов в уголовном судопроизводстве	7
Барабан А.Е. Дистанционное участие в уголовном процессе: баланс между доступностью и непосредственностью исследования доказательств в Российской Федерации	10
Белоногова Е.Н. Информационные технологии как фактор осуществления криминалистической идентификации пользователя «даркнет»	12
Буколов А.В. Искусственный интеллект в реализации задач организации расследования преступлений	15
Васильев Г.С. Роль психологических знаний в решении задач допроса несовершеннолетнего	18
Волкова Б.Б. Сравнительный анализ традиционных ценностей России и Монголии	21
Гаврилов А.А. Нейросеть как средство оптимизации работы следователя с процессуальными документами	24
Гармаев Н.Э. Искусственный интеллект как инструмент реализации специальных знаний эксперта-криминалиста	27
Гарц Я.М. Криминологическая характеристика лиц, совершающих преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних	30
Гоммершмидт М.Г. Конкуренция составов превышения и злоупотребления должностными полномочиями при корыстном мотиве: анализ новеллы п. «е» ч.3 ст.286 УК РФ	33
Демин В.И. Некоторые аспекты повышения эффективности взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества	37
Доброходский А.С. Информационная безопасность и защита персональных данных в цифровом уголовном процессе	41
Дубинина Д.А. Фрустрация несовершеннолетних как психологический фактор осуществления допроса	44
Жильцов Е.А. Особенности расследования и раскрытия преступлений, связанных с интернет-мошенничеством	47
Иванов И.Д. К вопросу об уголовной ответственности за нарушение правил обращения с животными	50
Ильина Д.И. Уголовная ответственность за утечки баз данных: усиление защиты коммерческой тайны или введение ответственности за незаконный оборот компьютерной информации	53
Кириллова В.В. Влияние цифровой среды на формирование ценностных ориентаций современной молодежи: социально-психологический аспект	56
Кодзоев М.-А.А. Речевая агрессия: понятие, формы проявления и типологии	59
Коломыцина Е.А. Уголовная ответственность за организацию незаконной миграции	62

Корольков О.А. Использование искусственного интеллекта в анализе доказательственной базы.....	67
Коротовская А.Г. Проблема дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних за сбыт и хранение наркотиков в крупном размере	70
Котова С.И. Информационные технологии как фактор повышения эффективности борьбы с незаконной вырубкой леса.....	74
Кулаков М.С. Актуальные проблемы правоприменения и квалификации в Уголовном законодательстве Российской Федерации: пути их решения.....	77
Лобкова С.П. Виктимологические аспекты домашнего насилия	81
Лотикова Я.А. Автоматизированный перевод в уголовном судопроизводстве: пределы и проблемы внедрения	83
Лыков А. Н. Тактика следственного эксперимента в цифровой среде: верификация алгоритмов и действий пользователя	86
Лычагин А.А. Уголовно-правовой анализ обмана и злоупотребления доверием при совершении мошенничества	89
Лябина А.В. К вопросу об уголовно-правовом статусе администратора маркетплейса в даркнете.....	94
Мамедов А.Э. Дипфейк и их влияние на криминогенную обстановку	96
Мельниченко О.А. Установление сервитута в связи с давностным пользованием	100
Молчанова М.В. Цифровизация наркопропаганды и сбыта наркотиков как угроза национальной безопасности Российской Федерации.....	102
Нестеренко Н.И. Роль и значение невербальной коммуникации	105
Огородникова Я. А. Проблемы квалификации преступлений в сфере цифровой экономики: анализ сложности разграничения хищения в виртуальной среде и классических составов	106
Орлова А.Н. Психологическая характеристика инфантицида, или убийства матерью новорожденного ребенка	111
Пеньков И. А. Выявление сокрытия высокотехнологичных преступлений ...	114
Перевалова Ю.С. Многонациональные федерации и их конституционно-правовые признаки	118
Першуков М.Д. Актуальные вопросы отграничения незаконного оборота оружия от смежных составов преступлений	121
Петров Р.В. Проблемы работы с электронными носителями доказательств в уголовном судопроизводстве	125
Пешков М.С. Институт экономически значимых организаций как инструмент деофшоризации: гражданско-правовой аспект	127
Пожидаева Д.Д. Фальсификация истории как философская проблема	130
Прокопьев Н.Ю. Проблемы квалификации служебного подлога (292 УК РФ), как коррупционного преступления	133
Прыгунова К.А. Правовой режим криптовалют в системе гражданского права.....	136
Пыхтина В.В. Традиционные ценности в российской государственности и их влияние на гражданское право.....	138

Ратнер Е.М. Совершенствование системы противодействия преступности в криптовалютной сфере.....	141
Русаков С.С. Участие специалиста при изъятии электронных носителей	144
Садовникова Е.А. Добровольное освобождение похищенного как основание освобождения от уголовной ответственности: пробелы статьи 126 УК РФ.....	147
Самусенко Р. Р. Институт права собственности в российском гражданском праве: исторические истоки и современное состояние.....	147
Свиридов С.И. Применение ВКС органами дознания и следствия: проблемы допустимости доказательств и пути их решения.....	154
Свободный Т.Д. К вопросу о подмене следственного эксперимента дополнительным осмотром места происшествия	157
Ситников А.Е. К вопросу об учёте прерывания беременности при решении вопроса об отмене отсрочки отбывания наказания	160
Ступина Е.Н. Образование в цифровую эпоху	163
Суконько И.С. Теоретические аспекты разграничения разбоя и смежных составов преступлений: проблемы квалификации	165
Сырбу С.Г. Информационные технологии как фактор повышения эффективности уголовного судопроизводства в сфере работы с вещественными доказательствами.....	168
Тамкович Р.А. Незаконная добыча золота и его последствия для экологии по материалам Амурской области	171
Таюрский Д.С. Искусственный интеллект в досудебном производстве: правовые рамки и пределы применения	174
Телятьева А.А. Психологические особенности допроса террористов.....	177
Титов Д.В. Сохранение нравственных начал российского судопроизводства в условиях цифровизации.....	180
Туц М.В. Информационные технологии как фактор обеспечения задач криминалистической диагностики	183
Фабиянский Д.А. Зарубежный опыт применения информационных систем в уголовном процессе: уроки для цифровой трансформации Российской юстиции	186
Хаванская А.А. Тактические основы предъявления для опознания в условиях «цифровой амнезии»: проблемы и решения.....	186
Чернышева И.Р. Интеграция детей мигрантов в российское общество.....	193
Чернявская Л.Н. Современное состояние российского уголовного законодательства: проблемные аспекты и перспективы совершенствования..	196
Чуйко С.Р. Преступление без потерпевшего: исторический тупик или будущее уголовного права (от декабристов до цифрового контроля XXI века).....	198
Шмаленко С.А. Проблемы системного взаимодействия институтов приостановления и прекращения уголовного преследования участников специальной военной операции	201

УДК 343.13

Баирова Т.В., курсант 3 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России

Научный руководитель –

профессор кафедры уголовного процесса, доцент, кандидат юридических наук,
председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной
отставке, заслуженный юрист Иркутской области, И.П. Попова

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ КОЛЛИЗИЙ И ПРОБЕЛОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В современных реалиях законодательное урегулирование общественных отношений отстает от их непрерывного и динамичного развития. Сталкиваясь на своем пути с неизбежными проблемами любой правовой системы – противоречиями между отдельными нормами и отсутствием норм по конкретному вопросу, законодатель и правоприменитель вынуждены находить способы их разрешения, которые будут отвечать новым требованиям технологического прогресса. Несмотря на отсутствие единого мнения ученых о цифровом переходе уголовно-процессуальных форм, каждый подход обоснован и требует особого внимания.

Ряд исследователей отмечают, что необходимо переосмыслить стремительно растущий технологический прогресс и его влияние на объекты правовой науки и практики [1, с. 149]. В.С. Латыпов и П.В. Фадеев считают, что научные исследования в области цифровизации уголовного процесса должны быть направлены на выдвижение практических предложений о внедрении новейших технологий и ни в коем случае, не противодействовать этим механизмам [2, с. 85].

Развитие отечественных продуктов искусственного интеллекта, по словам Президента РФ В.В. Путина, имеет принципиально важное значение для национальной обороны и безопасности. Они должны разрабатываться исключительно российскими инженерами, быть конкурентоспособными и обладать максимальной суверенностью. Кроме того, глава государства отметил, что руководители министерств и ведомств обязаны ежегодно представлять результаты внедрения искусственного интеллекта в своих областях¹ [3]. Так, Министр внутренних дел России В.А. Колокольцев указал, что снижение нагрузки на сотрудников возможно «за счет сокращения документооборота и цифровизации рутинных функций»² [4].

Согласно Указу Президента РФ от 10 октября 2019 г. под искусственным интеллектом понимается «совокупность технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека и достигать результатов, как

¹ Официальный Сайт Президента РФ [электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения 10.03.2026 г.)

² Официальный Сайт Президента РФ [электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения 11.03.2026 г.)

минимум сопоставимых с человеческим интеллектом, что также включает в себя способность к самообучению и поиску решений без заранее заданных алгоритмов»¹ [5].

Л.Д. Матросова, М.Н. Таршева и Д.М. Кокин одним из основных направлений использования новейших технологий в уголовном судопроизводстве считают разработку систем информационно-аналитического и документационного сопровождения уголовно-процессуальной деятельности [3, с. 6]. Представляется, что слияние данных систем с опциями искусственного интеллекта может стать новеллой информационных технологий, способных выявлять правовые пробелы и коллизии уголовных и уголовно-процессуальных норм, и вследствие этого, моделировать решения по их преодолению.

Предлагается внедрить искусственный интеллект в юридическую технику как средство борьбы с коллизиями и пробелами. Создание автоматизированных информационных систем и баз данных с внедренными функциями искусственного интеллекта на основе структурированного и четко заданного анализа законодательства и широкой следственно-судебной практики позволит «вычислять» в правовой среде действующие коллизии и пробелы. Таким способом законодатель и правоприменитель будут своевременно осведомлены о существующих недостатках правового регулирования и способны правильно оценить возникшие трудности. Ко всему прочему, перспективным элементом считается возможность искусственного интеллекта спрогнозировать юридические последствия применения конкретных норм и найти наиболее рациональный выход из сложившейся ситуации. К примеру, искусственный интеллект может предлагать законодательные корректировки, исходя из выявленных противоречащих или пробельных норм, актуальность и необходимость которых будет оцениваться людьми.

Управление столь сложными системами необходимо тщательно контролировать. Не стоит забывать о рисках и угрозах, возникающих при использовании таких передовых технологий, с учетом их колоссального влияния на жизнь общества и государства. Любой цифровой механизм не застрахован от кибератак, программных ошибок, утечек и сбоев, поэтому проблемы защищенности и кибербезопасности при разработки данных систем являются первостепенными [2, с. 88].

Необходимо также учитывать, что искусственный интеллект не способен заменить человеческий. Он должен выступать лишь вспомогательным средством, ускоряющим затянутые функции и облегчающим поиск нужных материалов. Работа российских следователей, дознавателей, прокуроров и судей состоит, в том числе из принятия решений, от которых будет зависеть судьба человека, поэтому вопрос доверия подобных полномочий искусственному интеллекту исключается.

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства Российской Федерации». – 2019. — № 41. — Ст. 5700.

Определение пределов применения искусственного интеллекта правоохранительными и судебными органами должно быть четко установлено в законе. Федеральный законодатель, создавая правовую базу, должен настроить регулирование таким образом, чтобы оно не сдерживало разработку и внедрение искусственного интеллекта во все сферы деятельности, в том числе уголовно-процессуальную, а наоборот, стало инструментом для роста [3].

Трансформация уголовного судопроизводства в сторону цифровизации и автоматизации принесет практическую пользу. Сегодня активно выступают за введение электронного документооборота и электронных уголовных дел, которое минимизирует канцелярские и бумажные затраты, создаст условия для безопасного хранения материалов дел и иных документов [4, с. 102]. Востребованность информационных технологий прослеживается при собирании доказательств по уголовному делу, производстве оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий, а также в процессе фиксации, изъятия и исследования объектов цифрового поля и предметов, относящихся к компьютерным устройствам, электронным носителям информации [3, с. 8]. По мнению Б.Я. Гаврилова, реализация искусственного интеллекта в работе следственных и судебных органов обеспечит оперативное реагирование на заявления и сообщения о преступлениях и принятие по ним законных и обоснованных решений и вследствие этого повысит доступ к правосудию и гарантирует компенсацию причиненного им ущерба [5, с. 89].

Представляется, что разрешение коллизий и пробелов с помощью искусственного интеллекта позволит органам правопорядка и правосудия эффективно и рационально справляться со стоящими перед ними задачами в разумные сроки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мордовцева Т.В., Полякова Е.В. Пробелы и коллизии в праве эпохи цифровых технологий // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. – 2024. – Т. 16, № 1. – С. 146–155. DOI: https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024_1/146-155
2. Латыпов В. С., Фадеев П. В. Проблемы внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство России // Вестник Московского университета МВД России. – 2025. – № 3. – С. 84–90. <https://doi.org/10.24412/20730454-2025-3-84-90>. EDN: LLETNR.
3. Матросова Л. Д., Таршева М. Н., Кокин Д. М. К вопросу об использовании информационных технологий в отечественном уголовном процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 4. – С. 5–10.
4. Зуев С.В. Информационные технологии и принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 4 (31). – С. 98–105.

5. Гаврилов Б. Я. Уголовно-процессуальное обеспечение применения информационных технологий в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. – 2025. – № 2 (74). – С. 89–99.

УДК 343.1

Барабан А.Е., курсант 3 года обучения переменного состава
Воронежского института МВД России
Научный руководитель –
преподаватель кафедры уголовного процесса
Косарева Елена Александровна

ДИСТАНЦИОННОЕ УЧАСТИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: БАЛАНС МЕЖДУ ДОСТУПНОСТЬЮ И НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬЮ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цифровая трансформация судебной системы достигла той стадии, когда технологии перестали быть вспомогательным инструментом и начали формировать новую реальность уголовного судопроизводства. Федеральный закон от 29 декабря 2022 года № 583-ФЗ расширил применение ВКС и веб-конференций, но это столкнулось с принципом непосредственности исследования доказательств.

Пандемия COVID-19 ускорила внедрение дистанционных технологий¹, но в уголовном процессе возник острый вопрос баланса доступности и качества правосудия. Ст. 241.1 УПК РФ позволила дистанционное участие, но вызвала споры о полноценном восприятии доказательств.

Широкая судебская дискреция порождает риски. Российская модель регулирования несистемна, суды не всегда мотивируют отказ в личном участии. Возможность участия «по инициативе суда» может привести к «удалению» подсудимого, нарушая презумпцию невиновности и право на защиту.

В Австрии дистанционное участие приравнивается к отсутствию, ВКС – мера чрезвычайного характера. Российский законодатель либерализовал подход, что требует усиления процессуальных гарантий.

Принцип непосредственности (ст. 240 УПК РФ) предполагает, что суд должен воспринимать доказательства из «первых рук»: видеть реакцию подсудимого, улавливать интонации свидетеля, наблюдать за поведением участников процесса. Именно личное наблюдение позволяет судье оценить не только что говорит участник, но и как он это делает, сформировать внутреннее убеждение. Дистанционное участие, особенно в формате веб-конференции, неизбежно накладывает «цифровой фильтр».

Исследователи выделяют ряд проблем:

¹ ФЗ от 29.12.2022 №583-ФЗ «О Внесении изменений в УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс»

1. Психологическая дистанция. Человек перед камерой ведет себя иначе, снижается уровень психологического давления, которое в очном процессе помогает установить истину (например, при перекрестном допросе).

2. Технические ограничения. Качество связи, задержка звука, низкое разрешение видео — все это мешает оценить мимику, жесты, микровыражения лица, которые в криминалистике и судебной психологии имеют огромное доказательственное значение.

3. Оpozнание и очные ставки. Наиболее остро проблема стоит при проведении следственных действий, требующих визуального контакта. Статья 189.1 УПК РФ допускает дистанционный допрос, опознание и очную ставку. Но как можно провести опознание по видео, если качество изображения не позволяет разглядеть черты лица? Как провести очную ставку, когда участники не видят друг друга в полный рост, а синхронизация изображения нарушена? [2, с.100-101] А.Р. Белкин высказывает серьезные сомнения в возможности соблюдения процессуальных гарантий при таких действиях.[1]

Таким образом, цифровая форма неизбежно обедняет содержание процесса. Судья вынужден оценивать не живое доказательство, а его цифровую копию, что противоречит сути непосредственного восприятия.

Помимо фундаментальных принципов, существует ряд конкретных правовых коллизий. Например, ст. 311 УПК РФ предписывает немедленно освободить подсудимого «в зале суда» в случае оправдания. Но что означает «немедленно» и «в зале суда», если подсудимый участвует по ВКС из СИЗО в другом регионе? Формально он не находится в зале, и процедура его освобождения займет часы, а то и дни. Законодатель эту коллизию пока не разрешил.

Другой аспект — закрытые судебные заседания. Использование ВКС и веб-конференций в закрытом режиме не допускается в силу риска утечки информации. Это разумное ограничение, но оно создает проблемы для дел, содержащих государственную или иную охраняемую тайну, когда участники физически находятся в разных городах.

Представляется, что путь лежит не через расширение, а через дифференциацию применения дистанционных форматов.

Во-первых, необходимо четко разграничить стадии процесса. Отказ в личном присутствии должен быть мотивирован исключительными обстоятельствами и подлежать апелляционному обжалованию.

Во-вторых, следует ввести законодательный запрет на дистанционное проведение следственных действий, требующих визуального контакта высокого качества (опознание, очная ставка), либо установить для них повышенные технические требования (профессиональное оборудование, присутствие понятых по обе стороны связи).

В-третьих, необходимо технологически и процедурно решить проблему удостоверения личности для веб-конференций.

В-четвертых, Верховному Суду РФ следует дать развернутые разъяснения, унифицирующие практику применения ст. 241.1 УПК РФ, четко прописав

критерии, когда «обстоятельства исключают возможность участия», и обязав суды подробно мотивировать свои решения.

В заключение можно сказать, что статья 241.1 УПК РФ — это не просто техническая норма, а отражение глубинного конфликта между традицией и инновацией в праве. Дистанционное участие в процессе — это благо, когда речь идет о допросе свидетеля из другого региона, экономящем время и бюджет. Но это риск, когда речь идет о судьбе человека, лишенного свободы. Баланс между доступностью и непосредственностью — это не поиск «золотой середины», а постоянная работа по сохранению качества уголовно-процессуальной формы. Технологии должны служить правосудию, а не подменять его. Пока же мы можем наблюдать лишь то, что удобство суда ставится выше полноты исследования доказательств. Задача законодателя и правоприменителя — выровнять этот баланс, не допустив, чтобы экран монитора стал стеной, отделяющей суд от истины.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белкин А.Р. Использование видео-конференц-связи в следственных действиях: технические преимущества и процессуальные проблемы // Уголовное судопроизводство. 2022. № 4. С. 12-16

2. Одноралова Ю.В. Видео-конференц-связь как средство формирования доказательств: проблемы интеграции в уголовное судопроизводство // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2025. № 1. С. 99-107.

3. Коновалов С.Г. Дистанционное участие подсудимого в уголовном процессе: опыт Австрийской Республики // Уголовное судопроизводство. 2024. № 4. – С.22-27

УДК 343.98

Белоногова Е.Н., командир отделения 4 года
обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент, О.В. Трубкина

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ «ДАРКНЕТ»

Стремительное развитие технологий и анонимность ряда сегментов сети «Интернет» на сегодняшний день привели к возникновению новых форм противоправной деятельности. Особую общественную опасность представляет платформа «Даркнет». Несмотря на то, что доступ к данному ресурсу ограничен для обычных пользователей, существуют пути подхода к нему, требующие

специальных знаний и программного обеспечения, успешно используемые обывателями.

А.А. Фролов и Д.С. Сильнов отмечают, что анонимность в данной сети достигается благодаря использованию промежуточных узлов между пользователем и серверов, в результате чего идентифицировать пользователя по IP-адресу становится практически невозможным [1, с. 217]. То есть, вопросы внедрения и актуального совершенствования информационных технологий, направленных на реализацию задач идентификации пользователей сети «Даркнет», в условиях значительного выявления преступлений, являются, безусловно, актуальными. Так, в 2025 году зарегистрировано 675,4 тысячи преступлений, совершенных посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе, «Даркнет»¹.

Ключевая проблема идентификации пользователя в «Даркнет» заключается в том, что происходит маскировка IP-адреса. Но, как указывают Ю.А. Бондаренко и Г.М. Кизилев, практика расследования преступлений в сфере компьютерной информации выработала несколько способов выявления и дальнейшего исследования следов преступления этой группы [2].

В криминалистической практике выделяют два технических подхода к деанонимизации личности в цифровой среде: пассивный и активный. Относительно «Даркнет» данные подходы имеют особое значение, так как помогают сотрудникам определить тактику и целесообразный характер своих действий.

Пассивные действия представляют собой совокупность методов сбора и анализа информации об идентифицируемом объекте без его участия и уведомления. Это позволяет исключить факт принятия мер для сокрытия следов с его стороны. Основное преимущество этого способа – проведение технических мероприятий в скрытом режиме.

Пассивный мониторинг дает возможность анализировать трафик пользователя, основанный на установлении временной взаимосвязи и установки выходного соединения, но, к сожалению, это приводит к утрате большого количества ресурсов. Напротив, с помощью специализированных программных средств, которые позволяют анализировать нагрузку трафика внутри сети, они не приводят к большому затрачиванию ресурсов.

Активные действия предполагают взаимодействие с объектом идентификации целенаправленно. С процессуальной точки зрения эти методы носят гласный характер. Активный метод характерен тем, что сотрудник выбирает тактику, после чего вступает в диалог с объектом и пытается спровоцировать его на раскрытие сведений.

В качестве примера возможно рассмотреть механизм преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ в условиях цифровизации. Как верно подчеркивает С.И. Усачев, в таких

¹ Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 05.04.2026).

ситуациях преступники используют различные возможности цифровых технологий для удаленного распространения наркотиков. Одной из таких возможностей является организация онлайн-рынков, как в «Даркнете», (скрытой сети, соединения которой устанавливаются только между доверенными пользователями, с использованием нестандартных протоколов и портов), так и путем создания каналов или групп в популярных мессенджерах, например «Telegram». Такие торговые площадки часто используют технологии шифрования для защиты личности покупателей и продавцов и затрудняют правоохрательным органам выявление и мониторинг деятельности по незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ [3, с. 174].

Правоохранительные органы, как правило, не имеют возможности отследить данную покупку, поскольку шифрование скрывает все данные покупателя и продавца [4, с. 58]. Поэтому на данный момент сотрудники активно проводят мониторинг мессенджеров, а именно «Телеграм», что создает определенные сложности сокрытия для преступника своих действий, однако, безусловно, требует технического совершенствования.

Как верно указывают В.А. Родивилина, И.П. Родивилин и В.В. Коломинов, для эффективного противодействия рассматриваемому виду преступности, прежде всего, необходимо развитие технических возможностей доступа к необходимой информации, при эффективном сотрудничестве на международном уровне и грамотном использовании имеющихся сил и средств [5, с. 73].

Таким образом, существующие специальные знания и технические возможности идентификации пользователя в «Даркнет» на сегодняшний день не обеспечивают высокой эффективности, требуя дальнейшего тщательного изучения цифровой среды, совершенствования методик экспертиз и тщательного исследования возможностей применения искусственного интеллекта в решении задач правосудия, который для современной правоохранительной системы РФ - не просто новый инструмент для борьбы с цифровой преступностью в целом, но и достаточно перспективное средство для совершенствования судебно-экспертной деятельности, в том числе для раскрытия и расследования буквально любых, а не только цифровых преступлений [6, с. 33].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фролов А.А., Сильнов Д.С. Исследование механизмов распространения запрещенного содержимого в DARKNET // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2017. Т. 13. № 4. С. 216-224.
2. Бондаренко Ю. А., Кизилев Г. М. Проблемы выявления и использования следов преступлений, оставляемых в сети "Darknet" // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vyyavleniya-i-ispolzovaniya-sledov-prestupleniy-ostavlyayemyh-v-seti-darknet> (дата обращения: 29.04.2026).

3. Усачев С. И., Завьялов А. Н. Особенности раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в условиях цифровизации // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 1 (104). С. 172-177.

4. Лемзяков Д. В. Особенности расследования преступлений, связанных с распространением синтетических наркотических средств в информационной сети // Вестник магистратуры. 2019. № 10-1 (97). С. 58-60.

5. Родивилина В. А., Родивилин И. П., Коломинов В. В. Проблемы противодействия использованию анонимности в сети интернет в преступных целях // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 4 (20). С. 68-76.

6. Сафатова К. Д. Использование инструментов искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности // Правовой альманах. 2026. № 2 (51). С. 30-38.

УДК 343.98

Буколов А.В., курсант 4 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент, О.В. Трубкина

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время современное общество характеризуется активной цифровизацией практически всех сфер жизнедеятельности, включая предварительное следствие. Технологии искусственного интеллекта поэтапно внедряются в процесс предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. В 2024 году Указом Президента Российской Федерации была утверждена Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, определяющая основные его направления до 2030 года, которая включает в себя технологии искусственного интеллекта [1]. Однако, как отмечает А.Ю. Головин, положительный результат использования искусственного интеллекта может быть достигнут только с присутствием значимых результатов прикладных исследований [2, с.25]. Особую роль в этой связи приобретает вопрос его применения в организации расследования, как системной деятельности, включающей планирование, выдвижение версий, координацию и информационное обеспечение.

Согласно официальным данным статистики Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2025 году было зарегистрировано более 1,7 миллионов преступлений, значительную часть которых составляют преступления в сфере

компьютерных технологий, зафиксирован рост преступлений, связанных с наркотиками, террористического характера, экстремистской направленности¹, что свидетельствует о необходимости совершенствования методики расследования преступлений, ее актуализировании, согласно требованиям современности, чему, безусловно, может способствовать искусственный интеллект.

Термин «искусственный интеллект» (далее – ИИ) закреплен в упомянутой выше Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, где под ИИ понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [1].

Организация расследования преступлений, по мнению В.Д. Зеленского, представляет собой процесс упорядочения деятельности его участников посредством определения и конкретизации ее основных взаимосвязанных структурных элементов, создания условий для качественного производства следственных действий, взаимодействия участников уголовно-процессуальной деятельности и руководства расследованием [3, с.735].

Целесообразную взаимосвязь ИИ с организацией расследования преступлений можно определить в нескольких значениях: во-первых, где ИИ является средством сбора, обработки и анализа больших массивов криминалистически значимой информации, во-вторых, ИИ способен выявлять закономерности и прогнозировать развитие следственных ситуаций, в-третьих, ИИ может использоваться с целью оптимизации распределения ресурсов, планирования и координирования работы разных подразделений [4].

Так же искусственный интеллект способен выдвигать и проверять следственные версии. По результатам экспериментов, ИИ использовали в детальном анализе и планировании следственно-оперативных мероприятий. Он смог выдвинуть версии и разработал программу расследования, которая на начальном этапе была ничем не хуже, а иногда и более подробная, чем план следователя. Это вызвано способностью ИИ исключать субъективные факторы и неумением пропускать и искажать фактические данные. Важное направление применения ИИ — это помощь в автоматизации рутинных действий. Алгоритмы ИИ с целью распознавания преступных деяний анализируют огромный массив данных, документов, сайтов и другой информации и ищут в них признаки

¹ Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 05.04.2026).

преступлений, способствуя в плане организации расследования, аналитической работе [5, с.98].

В качестве технологической, организационной базы для реализации предиктивной деятельности в МВД можно назвать единую информационно-аналитическую, оперативно-розыскную систему (подобно системе Интерпола INSIGHT) [6, с.55].

Еще одна важная возможная задача ИИ заключается в прогнозировании преступности с учётом местности, её особенностей, учёта проблемных зон. Это позволяет более точно и эффективно скоординировать силы и средства при предупреждении преступлений. Использовать ИИ нужно ответственно, чтобы задействовать весь его потенциал, но при этом не стать его «заложником». Для этого необходимо понимать и учитывать, что у ИИ отсутствует сознание, он зависит от качества данных, не учитывает субъективную информацию, и не всегда можно понять и «прочитать» его алгоритмы [4].

Подводя итоги, можно сказать, что искусственный интеллект имеет значительный вспомогательный потенциал при организации расследования уголовных дел. Стоит учитывать, что его внедрение должно происходить при сохранении значительной роли человека, то есть ИИ способен оказать существенную и по-настоящему эффективную помощь, но никак не сможет полностью заменить следователя. Для успешного внедрения ИИ необходимо осуществление ряда мероприятий: создание соответствующих потребностям организации расследования программ ИИ, обеспечивающих достоверность и полноту решения задач правосудия, осуществление подготовки сотрудников правоохранительных органов по применению ИИ. Безусловно, что с приходом ИИ необходимо привлечение новых сотрудников – специалистов по программированию, машинному обучению. Технологии ИИ имеют огромный ряд преимуществ и существенные затраты на его внедрение и освоение себя окупят.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. от 15 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
2. Головин А.Ю. Технологии искусственного интеллекта в криминалистике: задачи, которые необходимо решить // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. №2 (44). С.25-33.
3. Зеленский В.Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4. С. 734–744.
4. Хамидуллин Р. С. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений с использованием технологий искусственного интеллекта // Технологии XXI века в юриспруденции : Материалы Шестой

всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 24 мая 2024 года. Екатеринбург, 2024. С. 131-135.

5. Берова Д. М., Тутуков А. Ю. Потенциал искусственного интеллекта в расследовании преступлений: за или против // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. №3. С. 96-100.

6. Озеров К. И. Использование современных цифровых технологий в раскрытии и расследовании преступлений // Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства : Материалы научно-практической конференции, Москва, 10 июля 2024 года. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2024. С. 54-57.

УДК 159.9

Васильев Г.С., слушатель 5 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент, О.В. Трубкина

РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Допрос является одним из важнейших следственных действий, от полученной при его умелом производстве информации зависит эффективность дальнейшего расследования уголовного дела, полнота сбора доказательств, определение новых фигурантов, формируется понимание механизма преступных действий, сопутствующих преступлению обстоятельств, а также планируются последующие следственные действия. Задачей допроса является получение от допрашиваемого лица информации, входящей в предмет доказывания. Данное обстоятельство, согласно статье 421 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), устанавливающей расширенный предмет доказывания при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, предопределяет более значительное количество подлежащих допросу лиц, а также более глубокое изучение личностных характеристик виновных, в том числе, посредством истребования у них информации. Для производства грамотного и полного допроса в таких ситуациях следователь обязан обладать знаниями не только в сфере уголовного и уголовно-процессуального права, но и психологии, глубоко понимать личностные характеристики подростков, особенности их восприятия, памяти, мотивации, способов коммуникации. Знания следователя в области психологии несовершеннолетних – важный аспект в успешном производстве следственных действий [1, с. 42].

Согласно данным официальной статистики Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ), в 2025 году был выявлен 22231

несовершеннолетний, совершивший преступление, что на 5,5 % больше, чем в 2024 году; 29065 преступлений (на 10, 1 % больше, чем в 2024 г.) совершено несовершеннолетними лицами или при их соучастии¹, впервые за последние десять лет выявлен рост преступности несовершеннолетних, одним из факторов которого является недостаточное использование и применение следователем и специалистами знаний психологии, что обуславливает актуальность темы исследования.

Для успешного производства допроса несовершеннолетнего следователю необходимо учитывать множество психологических особенностей: ограниченность жизненного опыта подростка, эмоциональную неустойчивость, конформизм, а также типы темперамента личности. Например, ограниченность жизненного опыта несовершеннолетнего зачастую проявляется в неадекватной оценке своего поведения, не осознании последствий поступков, успешности негативного влияния со стороны взрослых. А. Н. Халиков отмечал, что «...незначительный жизненный опыт, недостаточная объективность впечатлений, суждений и убеждений приводит к тому, что потребности несовершеннолетних становятся своеобразными, а интересы неустойчивыми. Следователь должен учитывать эти особенности при выборе тактики допроса [2, с. 95]». Психика подростков сложена совершенно иным, чем у взрослых лиц, образом. Так, их типичный конформизм обуславливает, что, вопреки своим возрастным особенностям, они стремятся подстраиваться под мнение окружающих, склонны лгать, бояться, не договаривать, легко поддаются внушению и психологическому давлению, шантажу. Достаточно часто преступления совершаются «трудными» детьми, состоящими на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, испытывающими стойкую фрустрацию, проявляющуюся в асоциальной направленности, агрессивном поведении к окружающим и, соответственно, сотрудникам правоохранительных органов. Объективные и субъективные сложности истребования информации в таких ситуациях предопределяют острую необходимость обладания следователем психологическими знаниями в области формирования личности несовершеннолетних, умением выявлять фрустрацию, оценивать ее степень, определять фрустраторы, мотивацию поступков, формирование умысла и целесообразные особенности продуктивного процессуального общения с такими детьми. Безусловно, что активное участие психолога в таких ситуациях необходимо.

Анализ поведения подростка, его вербальных и невербальных характеристик: в какой позе он сидит, отводит ли глаза, часто ли сглатывает слюну, не сбивается ли у него речь и не дрожит ли голос при ответе на вопросы, проявляет ли он агрессию либо заторможенность, дрожь в руках и ногах, покраснение лица – оценка темперамента, в том числе, помогает найти правильный подход к ребенку, определить последовательность задаваемых

¹ Состояние преступности в России: статистические данные МВД России за 2025 г. // Министерство внутренних дел РФ: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 20.04.2026). Режим доступа: свободный

вопросов, понять, какая линия поведения более целесообразна: проявить сочувствие, сопереживание или угостить чем-то сладким, чтобы вызвать доверие [3, с. 269]. Существует четыре основных вида темперамента: сангвиник (оптимистичный и общительный, быстро адаптируется, обладает высоким темпом реакции), холерик (импульсивный, энергичный, зачастую вспыльчивый, в стрессовых ситуациях, например, при допросе может испытывать трудности с контролем), флегматик (спокойный, уравновешенный, терпеливый человек, действует последовательно, но бывает во многом предсказуем), меланхолик (чувствительный, ранимый, не переносит стресс). По нашему мнению, последний тип темперамента несовершеннолетнего требует от следователя проявления особой осторожности при допросе.

Первичная психологическая задача следователя – установить психологический контакт с несовершеннолетним, добиться его расположения, доверия, уважения и стремления к коммуникации. Безусловная тактичность и внимательность следователя, стрессоустойчивость при провокациях несовершеннолетнего и агрессивном поведении, собственная значимость при отсутствии надменности и высокомерности, обуславливают успех установления контакта. Задавая вопросы, следователь обязан учитывать возрастные и психологические особенности несовершеннолетних, чтобы избежать ошибок, связанных с внушаемостью, склонностью к фантазированию и неумением отделять главное от второстепенного [4, с. 166].

Как верно указывает И.Е. Козырева, характер деяний несовершеннолетних обуславливает осуществление современной юридической психологией глубокого анализа их девиантного поведения [5, с. 92]. Таким образом, активное применение психологических знаний следователем при подготовке в проведении допроса несовершеннолетних лиц обеспечивают эффективность следственного действия, достижение поставленных целей, получение объективных и достоверных показаний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шпет К. Е., Опалей А. В., Белова Д. Д. Допрос несовершеннолетних: методология, психология и правовые аспекты // Студенческий вестник. 2024. № 45-8 (331). С. 42-43.
2. Халиков А. Н. Расследование преступлений в аспекте применения психологических знаний // Мир криминалистики. 2023. № 2. С. 93-98.
3. Мельник С. Л. Психологические аспекты допроса несовершеннолетнего // Современные вызовы правосудия и правоприменения : Материалы международной научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов, Смоленск, 05 декабря 2023 года. Смоленск: ООО "Свиток", 2024. С. 268-273.
4. Беликов, А. М. Психология и особенности допроса несовершеннолетних по уголовному делу / А. М. Беликов // Традиции и новации в системе современного российского права : Материалы XXI Международной

конференции молодых ученых. В 3-х томах, Москва, 15–16 апреля 2022 года. Том 3. – Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 166-168.

5. Козырева И.Е. Учет психологических особенностей девиантного поведения несовершеннолетних при расследовании и профилактике преступлений // Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 35-летию кафедры криминалистики Института права БашГУ: Криминалистика как наука и учебная дисциплина: история, настоящее и перспективы развития. Башкирский государственный университет, 2017. С. 90–98.

УДК 316.4

Волкова Б.Б., курсант 1 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
старший преподаватель кафедры основ российской
государственности и цивилистики Жалене Ю.С.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИИ И МОНГОЛИИ

Традиционные ценности играют важную роль в стабилизации общества, поддержании социального порядка и формировании культурной идентичности. Россия и Монголия, обладая богатым историко-культурным наследием, активно ориентируют свою государственную и правовую политику на сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, закрепляя соответствующие положения в нормативных правовых актах. В данной статье рассматривается проблема сохранения и передачи этих ценностей последующим поколениям, а также проводится их сравнительный анализ в обеих странах. В качестве основы исследования используется Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее - Указ Президента РФ).

В условиях глобализации и научно-технического прогресса передача и целостное сохранение традиционных ценностей в связи с активной экспансией иных культурных порядков приобретают особую актуальность, поскольку усиливается влияние массовой культуры, нередко транслирующей унифицированные модели поведения и мышления. Указанное воздействие способно оказывать дестабилизирующее влияние на систему традиционных духовно-нравственных ориентиров, способствуя утрате специфических черт национального менталитета и ослаблению сложившихся общественных устоев.

Традиционные ценности России и Монголии получают нормативное закрепление в основных источниках национального права, что свидетельствует о целенаправленной государственной политике по их сохранению и развитию. В Российской Федерации ключевыми актами являются Конституция Российской Федерации (далее - Конституция РФ) и Указ Президента РФ. Последний нормативный акт определяет традиционные ценности как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»¹. В числе базовых традиционных ценностей, составляющих духовно-нравственный фундамент общественной жизни, выделяются: 1) права и свободы человека; 2) патриотизм; 3) приоритет духовного над материальным; 4) историческая память и преемственность поколений; 5) единство народов. Указ Президента РФ также фиксирует угрозы и риски для традиционных ценностей, формулирует цели, задачи и инструменты реализации государственной политики по их сохранению и укреплению.

Основным актом, закрепляющим и описывающим традиционные ценности в Монголии, выступает Конституция Монголии. Положения Указа Президента РФ о традиционных духовно-нравственных ценностях соотносятся с рядом норм Конституций РФ и Монголии, что позволяет выявить общие смысловые акценты. Так, ценность «единство народов», закрепленная в Указе Президента РФ, корреспондирует с нормами Конституции России о гарантиях права народов на сохранение родного языка (ст. 68) и защите культурной самобытности всех народов (ст. 69), а также с положениями Конституции Монголии, согласно которым государственные символы выражают единство монгольского народа (ст. 12, п. 2), а Президент Монголии является символом единства народа (ст. 30, п. 1). Тем самым в конституционных текстах обеих стран консолидирующая роль традиционных ценностей подтверждается как на уровне принципов, так и через систему государственных символов.

Сравнительный анализ конституционных положений России и Монголии, проводимый с опорой на ценностные ориентиры, выделенных в Указе Президента РФ, позволяет выявить как общие черты, так и специфику национальных акцентов. К числу общих черт относятся: 1) признание прав и свобод человека и гражданина в качестве высшей ценности, а их признание, соблюдение и защита - в качестве обязанности государства; 2) закрепление социальной направленности государственной политики и обеспечения социальной защиты; 3) конституционное установление обязанности граждан по защите Отечества; 4) внимание к сохранению исторической памяти и охране памятников истории и культуры.

¹ Указ Президента Российской Федерации "Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей"" // Российская газета

Одновременно выявляются и различия в акцентировках. В Монголии особо подчеркивается значимость экологической безопасности, бережного отношения к природным ресурсам и духовным богатствам, что соотносится с ее исторически сложившейся культурной идентичностью. В Российской Федерации вопросы охраны окружающей среды и благоприятной окружающей среды для жизни человека также закреплены на конституционном и законодательном уровне, при этом Конституция РФ более детально регламентирует элементы правового статуса личности и фиксирует неотчуждаемость прав и свобод граждан. В конституционном строе Монголии принцип справедливости занимает центральное место и закреплен на уровне государственной символики, выражая основы государственного устройства.

Традиционные духовно-нравственные ценности России и Монголии, ориентируясь на сохранение культурного наследия, во многом совпадают. Для воспроизводства ценностей необходимо их внедрение в жизнь молодежи через образование и культуру.

В связи с этим целесообразно проводить социологические исследования. Анкетирование может включать вопросы о восприятии традиций, их значении в личной и общественной жизни, об участии молодежи в культурных и общественных практиках, взаимосвязанных с сохранением наследия. Важно определять содержание образовательных программ на предмет полноты и актуальности информации об истории, традициях и духовно-нравственных ориентирах народов двух стран. Дополнительно требует анализа практика проведения культурных мероприятий, направленных на популяризацию традиционных ценностей (фестивали, тематические уроки, конкурсы, проекты межкультурного обмена), с целью установления уровня участия молодежи и эффективности этих мероприятий как инструмента передачи обычаев.

Подводя итоги вышесказанному, можно констатировать, что Россия и Монголия демонстрируют во многом сходный подход к закреплению традиционных духовно-нравственных ценностей в конституционных и иных нормативных актах. Конституции обоих государств играют большую роль в развитии их дальнейшего гуманитарного сотрудничества, в усилении значимости традиционных ценностей в российском и монгольском обществах, в том числе в молодежной среде.

Молодежь является социально-возрастной группой, на которую государство обращает особое внимание. Комплексная политика по поддержанию и сохранению ценностей через образование, культуру и мониторинг нравственных устоев молодежи – способствует укреплению основ общественной жизни, повышению устойчивости к национальным угрозам, обеспечению единства российского общества и сплочению монгольского народа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принятая всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) – М.: Проспект, 2025. – 64 с.
2. Конституция Монголии (принята 13.01.1992 с изменениями, внесенными 24.12.1999, 04.12.2000, 14.11.2019, 25.08.2022 и 31.05.2023) — Улан-Батор: Великий государственный хурал, 2025. — 70 с.
3. Дугарова Т.Ц., Бадиев И.В. Культурно-ценностные ориентации российских (русских и бурят) и монгольских студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. - 2017. - №2. - С. 190–200.
4. Грунтовский И.И. Духовно-нравственные ценности – стратегический ориентир государственной политики Российской Федерации (Обзор законодательства) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право. - 2025. - №4. - С. 51–61.

УДК 343.98

Гаврилов А.А., курсант 4 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент, О.В. Трубкина

НЕЙРОСЕТЬ КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ДОКУМЕНТАМИ

Современное общество, в связи с появлением одного из самых инновационных изобретений человечества в виде нейросетей, объективно представляя и оценивая их перспективы, активно пытается внедрить их в различную профессиональную деятельность, решив тем самым вопрос уменьшения трудозатрат. Работа следователя, насыщенная процессуальными требованиями, акцентирующими внимание на чётком соблюдении сроков, грамотности составления процессуальных документов и анализе проведения следственных действий, значительно влияющая на физическую и психологическую нагрузку сотрудников, в этой связи не является исключением. Возможности нейросетей, при грамотном их использовании, способны существенно снизить нагрузку следователя. При безусловно безграничных ее возможностях нами представляются некоторые перспективные направления данной инновации, в частности, в виде анализа и исключения технических ошибок процессуальной документации уголовного дела, автоматизации проведения следственных действий, а также поиска оптимальных путей

разрешения следственных ситуаций, выдвижении версий, планировании расследования.

Цель нашего исследования – теоретическое обоснование внедрения искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство для оптимизации и автоматизации работы следователя в период ощутимого роста массива обрабатываемой информации и активности преступной деятельности.

В документообороте уголовного судопроизводства, как и в любой деятельности, связанной с составлением документов, существует ряд проблем, значительно уменьшающих ее эффективность. Одной из ключевых из них является значительное количество находящихся одновременно в производстве следователя уголовных дел, в каждом из которых может быть несколько сотен документов (протоколы, постановления, ходатайства и т. д.). Исследование А. Р. Шишкиной подтвердило, что нормативной регламентации расчёта оптимальной для следователя нагрузки не существует, что непосредственно влияет на уровень расследования уголовных дел и психоэмоциональное состояние сотрудника [1, с. 464]. Следует учитывать, что в работу следователя входит грамотное оформление процессуальных документов, к примеру, как считают Д. Р. Биджиева и К. К. Дадар-оол, осмотр места происшествия требует фиксации каждой детали произошедшего с использованием протокола. Однако затрачиваемое на это время значительно. Использование лазерного сканирования в 3D формате позволяет уменьшить время его проведения, получить более точную информацию о расположении предметов и деталей произошедшего, сократить продолжительность заполнения протокола [2, с. 170]. Органам предварительного следствия крайне необходимы нейросети как один из способов автоматизации заполнения следственных документов уголовного судопроизводства, что положительно скажется на качестве и сроках расследования.

Большинство языковых нейросетей обладают достаточно большим функционалом для обеспечения эффективной деятельности следователя в работе с документами. Как точно отмечено в научной статье А. Н. Ильяшенко и Р. В. Костенко, ИИ-агенты обладают способностью к контекстному анализу значительных массивов информации, генерации релевантных ответов на запросы и поддержке сложных интеллектуальных процессов [3, с. 2]. Основными функциями в указанном ранее направлении выступают: переработка устной речи следователя в письменный текст с учётом всех правил русского языка и документооборота без потери смыслового содержания; анализ всего объема информации уголовного дела с целью поиска нестыковок и противоречий при сборе доказательственной базы, процессуальных недочётов в результате проведения следственных действий. Д. В. Теткиным и Д. Д. Даниленко была предложена идея интеграции программы, в функционал которой будут входить предоставление шаблонов процессуальных документов: «...во-первых, это приведет к единообразию документов, во-вторых, ускорит составление документов, следователю не нужно будет придумывать данные фразы и самостоятельно их печатать [4, с. 483]». Допрос является одним из самых

трудоёмких и ресурсозатратных следственных действий. Автоматизацию фиксации информации, полученной в процессе допроса, способен осуществить нейросетевой модуль, одной из функций которого является транскрибация текста [5, с. 128]. Так, нейросеть будет различать речь всех участников следственного действия и автоматически, с учётом правил русского языка и документооборота, заполнять протокол допроса.

На сегодняшний день существует множество функциональных моделей нейросетей, способных выполнять установленную человеком функцию. В деятельности следователя они могут сыграть активную роль в автоматизации процесса и облегчении трудовой деятельности. В. В. Бирюков и С. С. Цыганенко пишут о том, что будущее криминалистики - в симбиозе цифровых инструментов и экспертного профессионального мышления на базе передовых достижений науки и техники [6, с. 83].

За быстротой и многофункциональностью нейросетей могут также скрываться значительные минусы их использования. Одним из них может быть феномен «галлюцинации», когда искусственный интеллект создаёт неправдоподобную или вымышленную информацию, но выдаёт её за правдоподобную, взятую из авторитетных и популярных источников. Ю. Жаббарова подчёркивает, что такими могут быть вымышленные нормативно-правовые акты или же Федеральные законы [7, с. 24]. Допущение такой ошибки в расследовании влечёт полную ничтожность уголовного дела и дальнейшее привлечение к ответственности следователя. Также стоит учесть, что нейросеть ни в Российском, ни в зарубежном законодательстве не является субъектом правовых отношений, из чего следует, что она не может нести ответственность за содеянное [8, с. 11].

Результат работы нейросетей, в связи с их минусами, должен быть неоднократно проверен следователем при использовании информации в расследовании уголовного дела. Необходимо провести качественную диагностику систем нейросетей на предмет ошибок в программе и обучить сотрудников следственного отдела работе с искусственным интеллектом.

Одним из этапов внедрения нейросетей в деятельность следователя является закрепление понятия нейросеть в законодательстве [9, с. 27]. Исходя из этого, целесообразно внести в статью 5 УПК Российской Федерации (далее - РФ) понятий: "Искусственный интеллект", "ИИ-помощник" с целью создания терминологической базы для правоприменителя и поэтапной интеграции нейросети в структуру Министерства Внутренних дел РФ, а также нормативно закрепить в обязанность следователя тщательную проверку результатов, предоставленных нейросетью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шишкина А. Р. Проблемы и перспективы внедрения искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2024. № 12 (100). С. 463-466.

2. Биджиева Д. Р., Дадар-оол К. К. О возможностях использования искусственного интеллекта в криминалистике // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2023. С. 169-173;

3. Ильяшенко А. Н., Костенко Р. В. О возможности создания и использования ИИ-агентов в следственной деятельности // Российский следователь. 2025. № 5. С. 2-5.

4. Теткин Д. В., Даниленко Д. Д. Искусственный интеллект (нейросеть) как современная перспектива оптимизации работы следователя с процессуальными и иными документами // Право: история и современность. 2024. Т. 8. № 4. С. 480-489.

5. Сотников К. И., Парамонова Г. В. О возможности использования современных технологий конвертации показаний в целях составления протокола допроса в уголовном судопроизводстве // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 4. С. 125-131.

6. Бирюков В. В., Цыганенко С. С., Бирюкова Т. П. Современные инструменты оптимизации расследования: искусственный интеллект, Big Data и интеллект-карты // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 3. С. 83-91.

7. Жаббарова Ю. Галлюцинации искусственного интеллекта: новые правовые угрозы, возникающие в практике адвокатов и прокуроров, и их юридические последствия // Общество и инновации. 2025. Т. 6, № 4/S. С. 20-33.

8. Шеляшкова А.А., Исакова Е.В. Допустимость использования искусственного интеллекта в уголовном процессе. На что обратить внимание защите // Уголовный процесс. 2026. № 4. С. 10-13. URL: <https://e.ugpr.ru/1177801> (дата обращения: 29. 04. 2026).

9. Арзуманян А.Э. Искусственный интеллект в уголовном процессе: необходимость формирования доктринальных дефиниций // Право и политика. 2026. № 1. С. 16-30.

УДК 343.98

Гармаев Н.Э., курсант 4 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент, О.В. Трубкина

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ЭКСПЕРТА-КРИМИНАЛИСТА

Современное развитие криминалистической деятельности неразрывно связано с внедрением цифровых технологий и систем искусственного интеллекта. Как справедливо отмечают И. О. Тюнис и А. М. Анисимова, ручная

обработка значительных объемов информации, поступающей для экспертного исследования, является крайне трудоемкой, затратной по времени и подверженной человеческим ошибкам задачей, что снижает эффективность расследования и увеличивает риск упустить важные, порой невосполнимые другими способами доказательства [1, с. 247]. В этих условиях перед наукой и практикой назрела острая необходимость поиска новых инструментов, позволяющих повысить объективность и эффективность экспертных исследований. Кроме того, в современных правовых реалиях встает вопрос о достоверности использования искусственного интеллекта как формы специального знания, что предопределяет высокую актуальность темы настоящего исследования.

Судебно-экспертная статистика применения искусственного интеллекта в России в настоящее время не систематизируется, но при этом, согласно официальным данным Министерства юстиции Российской Федерации, судебно-экспертные учреждения страны ежегодно выполняют около 135 тысяч экспертиз и экспертных исследований при численности аттестованных государственных судебных экспертов 1 700 человек. За первый квартал 2025 года выполнено более 39 тысяч экспертиз, а общий экспертный объем в 2024 году вырос на 6,9 % по сравнению с предыдущим годом. При этом число родов судебных экспертиз достигло 34, экспертных специальностей – 72¹. Безусловно, что искусственный интеллект успешно применяется при производстве некоторых экспертиз, типично, в качестве вспомогательного инструмента, например, для распознавания содержания аудиозаписей и видеофайлов при производстве лингвистической экспертизы.

Для точного осмысления исследуемых перспектив и проблем необходимо определить ключевые понятия. Искусственный интеллект в контексте судебно-экспертной деятельности представляет собой совокупность технологических инструментов. Как указывают В. Д. Пристансков, А.Г. Харатишвили и Ю. А. Евстратова, в современных правовых реалиях встает вопрос и о релевантности, и о достоверности использования искусственного интеллекта как формы специального знания [2, с. 592]. При этом авторы характеризуют искусственный интеллект как новую форму использования специальных знаний в расследовании и раскрытии киберпреступлений. В свою очередь, специальными знаниями признаются специальные умения и навыки, приобретенные в результате целенаправленной профессиональной подготовки и опыта работы, которые используются в целях собирания информации о преступлении, способствуют разработке средств и приемов работы с доказательствами.

Взаимодействие искусственного интеллекта и специальных знаний эксперта строится по принципу дополнительности, а не замещения. Инструменты искусственного интеллекта не обладают правосубъектностью и не

¹ Евгений Забарчук: ИИ вряд ли сможет заменить судебного эксперта // Министерство юстиции Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50781/> (дата обращения 19.04.2026) Режим доступа свободный.

могут самостоятельно принимать экспертные решения. Как подчёркивает К. Д. Сафатова, инструменты искусственного интеллекта в условиях недостаточной доказательственной базы или некачественно предоставленного на экспертизу для исследования материала, уже сегодня помогают экспертам в их «улучшении» [3, с. 36]. Таким образом, искусственный интеллект выступает в роли ассистирующей системы, которая расширяет возможности эксперта, но не заменяет его методологическую и процессуальную ответственность за конечные выводы.

Практическое применение искусственного интеллекта, как инструмента реализации специальных знаний эксперта-криминалиста, наиболее наглядно прослеживается на примере дактилоскопической экспертизы, которая является одним из самых востребованных видов криминалистического исследования. Именно в этой области цифровые технологии достигли наибольшего прогресса, так как папиллярные узоры обладают свойствами индивидуальности и относительной устойчивости, что делает возможным их обработку. Анализ отпечатков пальцев требует от эксперта значительных временных затрат, высокого уровня концентрации и опыта, при этом даже квалифицированный специалист может совершить ошибки, связанные с человеческим фактором, в виде утомляемости или субъективного восприятия сходства или различия. Внедрение нейросетевого алгоритма позволяет принципиально изменить ситуацию, так система, обученная на множестве образцов, способна выделять классификационные признаки с гораздо большей скоростью и стабильностью. Как показывают исследования О. П. Грибунова., С. И. Усачева и Е. А. Усачевой, наиболее часто криминалистическому анализу подвергаются именно следы рук для решения идентификационных и диагностических задач [4, с. 85]. Нейросетевой подход успешно применяется для определения классификационного типа папиллярного узора, что означает передачу искусственному интеллекту одной из ключевых операций экспертного анализа. При этом эксперт освобождается от необходимости механического сравнения, получая возможность сосредоточиться на более сложных аспектах идентификации. Таким образом, искусственный интеллект выступает не в роли самостоятельного эксперта, а в качестве специфического инструмента, который берёт на себя вычислительную часть работы, а человек окончательно выбирает то или иное решение, при этом также несет юридическую ответственность за результаты исследования. Подобное распределение функций между алгоритмом и специалистом позволяет сочетать скорость в виде технической обработки с качеством в виде человеческого мышления, что в итоге повышает как эффективность, так и надёжность дактилоскопической экспертизы.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что искусственный интеллект занимает особое место в системе современных средств криминалистической деятельности, выступая не самостоятельным субъектом, а эффективным инструментом расширения способностей эксперта-криминалиста. По нашему мнению, одна из наиболее перспективных областей применения нейросетей в криминалистике — это дактилоскопия, где автоматизация

классификации папиллярных узоров повышает скорость исследований. Кроме того, использование искусственного интеллекта, безусловно, может оказать существенную помощь в реализации задач других видов экспертиз, связанных с подсчетом, вычислением или сравнением того или иного объекта, по такому же принципу, как с дактилоскопической экспертизой, где итоговое решение принимает эксперт. Вместе с тем остаются нерешенными вопросы верификации программных продуктов, процессуального статуса полученных результатов и подготовки экспертных кадров, дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку правовых механизмов, обеспечивающих допустимость использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тюнис И. О., Анисимова А. М. Искусственный интеллект и цифровые технологии в криминалистике // Закон и право. 2025. № 3. С. 246-251.
2. Пристансков В. Д., Харатишвили А.Г., Евстратова Ю.А. Искусственный интеллект — новая форма использования специальных знаний в расследовании и раскрытии киберпреступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 6. С. 586-596.
3. Сафатова К. Д. Использование инструментов искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности // Правовой альманах. 2026. № 2 (51). С. 30-38.
4. Грибунов О. П., Усачев С.И., Усачева Е.А. Определение классификационного типа папиллярного узора на основе нейросетевого подхода // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19, № 1. С. 84-95.

УДК 343.54

Гарц Я. М., курсант 2 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института
МВД России, Фомина И.А.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Сексуальные преступления являются одной из форм преступного поведения, шокирующих человеческое сознание. Сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних характеризуются либо откровенным насилием

над ними, либо принуждением их к совершению действий сексуального характера путем обмана или злоупотребления их любопытством. Известно множество случаев, когда несовершеннолетних делали объектом сексуальной эксплуатации, обычно связанной с извлечением выгоды для так называемого «эксплуататора» – чаще всего это деньги. Все это может происходить и при добровольном согласии несовершеннолетнего на такую эксплуатацию. Однако все перечисленные формы сексуального злоупотребления несовершеннолетними не только нарушают законодательно охраняемые морально-нравственные нормы, но и, в любом случае, травмируют психику, оказывают на нее «разлагающее, а иногда и криминализирующее влияние» [1]. Дальнейшая жизнь таких жертв чаще всего разрушена. Таким образом, данная тема является актуальной, так как криминологическая характеристика лиц, совершающих преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних поможет уполномоченным органам предупреждать сексуальное насилие в отношении малолетних и несовершеннолетних.

Важно отметить, что не смотря на наличие множества исследований личности, совершающей преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних единого мнения по их специфической характеристике нет, однако личность преступника включают в себя три компонента:

1. социально-демографическая характеристика (пол, возраст, образование, семейное положение);
2. социальный статус и функции, раскрывающие виды деятельности индивида в обществе;
3. нравственно-психологические свойства.

Переходя непосредственно к личности преступника, важно отметить, что преступления против половой неприкосновенности чаще всего относятся к мужским, так как педофилия редко выявляется у женщин. Согласно статистике, доля женщин среди всех осужденных по категории «преступления против половой неприкосновенности» (включая взрослых потерпевших) была около 2–3%. В делах именно с несовершеннолетними потерпевшими этот показатель не превышает 1% [2]. Исключения могут быть составы преступлений, связанные с вовлечением в проституцию или изготовлением порнографии, в таком случае доля женщин может быть немного выше.

Сексуальные преступления чаще всего совершаются лицами моложе 40 лет. При этом, лицами в возрасте от 18 до 29 лет совершается в среднем до 60% сексуальных преступлений, в возрасте от 30 лет и старше – до 30%, в возрасте от 14 до 17 лет – до 10%. Уровень образования чаще всего средний, либо вообще отсутствует, лиц с высшим образованием совершающих сексуальные преступления крайне мал – всего 3–6%.

Из этого следует, что более 70% составляют граждане, не имеющие постоянного легального трудового дохода и официально признанные безработными. Доля штатных сотрудников предприятий и организаций (наемных работников) примерно 20–30% от общего числа привлеченных к ответственности. Наименьшую группу, а именно от 7% до 10%, составляют лица,

проходящие обучение в образовательных учреждениях различного уровня (школьники, студенты, учащиеся) [3].

Проведенный анализ статистических данных позволяет сделать однозначный вывод о том, что состояние опьянения является одним из ключевых криминогенных факторов при совершении преступлений данной категории. Большинство из них совершаются в состоянии алкогольного опьянения – целых 40–50%, что свидетельствует о прямой корреляции между употреблением алкоголя и утратой поведенческого контроля, снижением критической оценки последствий и повышением агрессивности. Наркотическое опьянение встречается реже – 2 до 7%, в состоянии токсического опьянения – менее 1% [3].

Нравственно-психологические свойства личности преступника характеризуются эгоцентризмом, при котором удовлетворение собственных желаний является основой выбора поведения. Исследования показывают, что насильники педофилы, весьма своеобразно воспринимают своих жертв. Они погружены в себя, извращают реакции своих жертв, часто заиклены на себе и ожидают от жертвы желания и наслаждения, при этом не понимая чувств другого человека. В психологии такое явление называют «когнитивными искажениями» – то есть больной просто придумывает себе оправдание, чтобы отрицать свою вину или минимизировать её [4].

Отношения сексуальных преступников к женщинам и детям консервативно. Педофилы искренне верят, что несовершеннолетние сами хотят вступать с ними в половую связь и что это не приносит им вреда. Старович отмечал, что многие педофилы смотря на детские фотографии, присваивают несовершеннолетним черты характера взрослого «сексуального кокетства» [5]. Так же отмечается, что у таких людей вообще плохо развито понимание того, что такое «мужской» и «женский» пол – их восприятие размыто. Какие условия делают человека педофилом? В первую очередь – это проблемы в общении с женщинами, сексуальные неудачи и чувство отверженности. Они боятся критики и насмешек со стороны взрослых партнёров. Но дети не могут их высмеять или критически оценить, все это привлекает преступников.

Во всём мире применяются различные меры для борьбы с педофилами: электронные устройства слежения, позволяющие отслеживать их местоположение, химическая кастрация, пожизненное заключение и другие. Однако даже в странах с максимально строгим контролем над такими преступниками случаи насилия над несовершеннолетними всё равно продолжают происходить. Таким образом, побороть это чудовищное явление, как факт, полностью никогда не удастся. И чем больше мы узнаем и читаем о педофилах, тем больше возникает вопросов, на которые нет прямых ответов. Различные психические расстройства у данной категории лишь способствуют преступному поведению, но истинная причина кроется в их личности и в тех условиях, которые эту личность сформировали. Полученная криминологическая характеристика может существенно помочь правоохранительным органам в профилактике и раскрытии преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Из этого следует, что систематизация этих признаков

позволяет не только быстрее вычислять подозреваемых, но и выстраивать эффективную систему предупреждения сексуального насилия над несовершеннолетними.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Ю. М. (ред.). Педофилия: криминологический диагноз : монография / колл. авт. - Москва: ВНИИ МВД России, 2010. - 256 с.
2. Судебная статистика РФ URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/11/s/1>
3. Гусарова М. Личность сексуального преступника: криминологическая характеристика // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. №. 4. С. 95-100. URL: <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.17.14.012> (дата обращения: 28.04.2026).
4. Phelan P. Incest and Its Meaning: The Perspectives of Fathers and Daughters // Child Abuse & Neglect. 1995. Vol. 19, No. 1. P. 7-24.
5. Старович З. Судебная сексология / Пер. с польск. — Рецензенты и переводчики: Д. К. Лунин и канд. Мед. Наук В. П. Ольховик ISBN 5-7260-0407-8 Юридическая литература, 1991. — 336 с.

УДК 343.35

Гоммершмидт М.Г., слушатель 5-го курса переменного состава
Омской академии МВД России
Научный руководитель-
доктор юридических наук, профессор Борков В.Н.

КОНКУРЕНЦИЯ СОСТАВОВ ПРЕВЫШЕНИЯ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ПРИ КОРЫСТНОМ МОТИВЕ: АНАЛИЗ НОВЕЛЛЫ П. «Е» Ч.3 СТ.286 УК РФ

Федеральным законом (далее ФЗ) "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации" от 14.07.2022 N 307-ФЗ в ч.3 ст.286 УК РФ был добавлен п «е»: «из корыстной или иной личной заинтересованности». Так, в одной из своих работ Яни П.С. указывает, что «злоупотребление-это частный случай превышения» по критерию соотношения в обоих случаях по типовой форме превышения: действий, которые должностное лицо вправе совершить только при наличии особых условий, указанных в законе (п.15 и 19 Постановления Пленума Верховного суда №19 от 16.10.2009 "О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий" (далее ПП ВС РФ №19 от 16.10.2009). При этом ученый отмечает, что «ст.285 УК РФ специализирована по субъективной стороне путем выделения мотива «из корыстной или иной личной заинтересованности» [1, с. 489]. Данная позиция была долгое считалась одним из основных критериев ограничения статей. Но с наступлением нововведений

вопрос отграничения вновь стал дискуссионным и требующим переосмысления. Для ее решения предлагаем вновь произвести анализ существующих теоретических концепций и уже накопленной судебной практики, что позволит в итоге выделить подход к отграничению выше указанных статей.

В начале, сконцентрируем наше внимание именно на сути данного мотива. Изучив судебную практику мы можем выделить такую проблематику, что корыстный мотив в рамках п. «е» ч.3 ст.286 УК РФ рассматривается намного шире, чем в понимании п.16 ПП ВС РФ №19 от 16.10.2009. Так, Доржиев, состоящий в должности участкового уполномоченного полиции обвинялся по п. «в» ч. 3 ст. 158, п. «г» ч. 3 ст. 158, п. «е» ч. 3 ст.286 УК РФ. Так, «Доржиев Н.Б., не имея каких-либо законных оснований находиться в квартире, действуя из корыстной заинтересованности, имея преступный умысел, направленный на тайное хищение имущества, принадлежащего фео, а именно автомобиля в крупном размере, находясь в квартире, похитил паспорт транспортного средства серии ... и ключ зажигания к вышеуказанному транспортному средству»¹. В данном случае мы наглядно видим, что в обоих случаях корыстный мотив трактуется как умысел на «незаконное завладение чужим имуществом», что прямо противоречит п.16 ПП ВС РФ №19 от 16.10.2009, о чем мы ранее писали. Исходя из этого мы видим правильным привести следующие: Борков В.Н. указывает: «Совершаемое должностным лицом с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в свою пользу является хищением» [2, с.22]. В этом случае также верно привести важные критические замечания советского ученого Волкова Б.С.: «Точное определение содержания корыстной заинтересованности помогает в каждом решить основной вопрос, который возникает при разграничении злоупотребления и хищения — были ли незаконные действия должностного лица обусловлены желанием обращения социалистического имущества в свою собственность или другими намерениями» [3, с.126]. Рассмотрим содержание п.17 ПП ВС РФ №19 от 16.10.2009: «Если использование должностным лицом своих служебных полномочий выразилось в хищении чужого имущества, когда фактически произошло его изъятие, содеянное полностью охватывается частью 3 статьи 159 УК РФ или частью 3 статьи 160 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 285 УК РФ не требует». Соответственно абсолютно верно были квалифицированы действия Доржиева, так как сам факт хищения является самостоятельным преступлением, в то время как превышение должностных полномочий с учетом мотивации лица выступило одним из эпизодов, который был направлен для дальнейшего хищения.

В ином приговоре Лохтов В.В., сотрудник контролирующего органа обвинялся в двух эпизодах по п. «е» ч.3 ст.286 УК РФ. Так, в приговоре описано: «Реализуя свой преступный умысел он, без составления процессуальных документов и акта изъятия, изъяс незаконно находящееся у фео ружье стоимостью не менее 7529,57 рублей, которое положил в свой автомобиль и

¹ Приговор Тушинского районного суда г. Москвы по делу №01-0086/2024 от 15.04.2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы: [сайт] URL <https://mosgorsud.ru/rs/tushinskij/services/cases/criminal/details/7afce450-1715-11ee-aa63-73fef3387291> (дата обращения: 26.04.2026)

впоследствии распорядился им по своему усмотрению, не приняв мер к передаче оружия в органы внутренних дел»¹. В данном случае мы наглядно видим соотношение со ст.285 УК РФ: без процессуального оформления (бездействие) изымает ружье и далее распоряжается им по своему желанию. В данном случае правильна квалификация по ст.285 УК РФ. Но, в силу того, что суд вменяет именно п. «е» ч.3 ст.286 УК РФ, то мы видим проблему как расширительного толкования статьи в целом: включение туда и злоупотребления (частный случай, позиция Яни П.С.) и хищения ружья, что недопустимо, как ранее мы указывали. Для того, чтобы разрешить возникшую правоприменительную проблему рассмотрим несколько позиций ученых: 1. При рассмотрении корыстной заинтересованности необходимо учитывать, что она изначально включает в себя корыстную цель, которая может быть достигнута путем совершения противоправного деяния, направленная на извлечение материальной выгоды. То есть деяние выступает не как средство достижения цели, а как самоцель, способ реализации побуждения. [4, с.28]; 2. О мотиве превышения должностных полномочий следует судить по ожидаемым виновным первичным результатам посягательства [5, с.36]. Тем самым, на основе анализа различных позиций, можно прийти к выводу, что корыстная заинтересованность в рамках ст. 285 УК РФ понимается как и ранее устоявшееся в позициях Пленума желание должностного лица обогатиться путем совершения противоправного деяния, которая не может рассматриваться в качестве умысла на хищение. Но в чем именно существенная разница со ст.286 УК РФ. Непосредственно на основе выше перечисленного надо указать на то, что корыстная цель, в точности умысел на завладение чужим имуществом (хищение) достигается путем совершения преступного деяния (превышением). Соответственно, с учетом того, что законодательная новелла направлена на усиление ответственности за превышение должностных полномочий должностными лицами, у которых имеются соответствующие мотивационные побуждения, в таком ключе нами видится правильным по аналогии использовать правила п.17 ПП РФ № 19 от 16.10.2009. Поэтому в приговоре в отношении Лохтова В.В. необходимо вменять ч.3 ст.159 УК РФ по совокупности с п. «е» ч.3 ст.286 УК РФ. Справедливо высказался Шарапова Р.Д.: «если должностное лицо совершило в отсутствие служебной необходимости действия, связанные с использованием предоставленных ему прав или возложенных на него обязанностей, и при этом установлено, что действия совершены из корыстной заинтересованности, то содеянное квалифицируется по ст.286 УК РФ при условии, что в содеянном помимо обстоятельств, предусмотренных пунктами «е» и «в» ч. 3 ст.286 УК РФ, содержится хотя бы еще один из квалифицирующих признаков, предусмотренных чч. 3, 4 или 5» [6, с.151], уточнив, что обозначенная выше проблема Яни П.С. не может трактоваться так прямо, а должна быть четкая дифференциация: злоупотребления-это действия в рамках служебных полномочий, а превышение-это действия, которые должностное лицо

¹ Приговор Ртищевского районного суда Саратовской области по делу № 1-1-10/2025 от 13.02.2025 // Ртищевский районный суд Саратовской области: [сайт] URL https://rtishevsky-sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=309662134&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 26.04.2026)

осуществляет в рамках присвоения полномочий, в точности действует в условиях, когда таковые полномочия входят в его компетенцию, но на момент действий не могли быть осуществлены, так как не были соблюдены законодательные условия их осуществления.

Исходя из этого, мы однозначно можем прийти к выводу, что в п. «е» ч.3 ст.286 УК РФ рассматривается намного шире, чем в п.16 ПП ВС РФ № 19 от 16.10.2009 и в ст.285 УК РФ, что логически и объясняет его выделение в качестве отягчающего обстоятельства при превышении должностных полномочий в качестве преступного результата. Относя туда хищение, суды акцентируют внимание, что в данном случае происходит первично не само изъятие, т.е. хищение, а оно выступает составной, вернее указать целевой частью превышения, что, говоря по-простому, выступает мотивом, натолкнувшим должностное лицо к превышению, выступая отягчающим обстоятельством. Отсюда и вытекают закономерные предложения по отграничению: основываться на выбранном способе достижения преступной цели должностным лицом. При этом мотивацию в виде хищения мы признаем как один из ключевых критериев (только превышение), тем самым мы будем использовать правило, предложенное Шараповым Р.Д. и разъяснения Пленума по поводу совокупности с хищением имущества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Яни П.С. Курс избранных лекций: в 3 т. Т.II: Проблемы квалификации должностных преступлений. Москва: Проспект, 2025. 624 с.
2. Борков В.Н. Оценка мотива при квалификации превышения должностных полномочий. Уголовное право №3/2023. С.20-27.
3. Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. Издательство Казанского университета. 1968 г. 166 с.
4. Романова В.В. Корыстная заинтересованность как мотив совершения злоупотребления должностными полномочиями. КриминалистЪ. 2012. №1(10). С.26-30.
5. Борков В.Н. Конкуренция мотивов при превышении должностных полномочий. Законность. 2024. №1(1071). С.31-36.
6. Шарапов, Р. Д. Проблема разграничения составов злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, совершенного из корыстной или иной личной заинтересованности / Р. Д. Шарапов // Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 21–22 мая 2025 года. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, 2025. С.148-152.

УДК 342.9

Демин В.И., курсант 1-го курса
Орловского юридического
института МВД России имени В.В. Лукьянова
Научный руководитель –
кандидат юридических наук А.А. Выходов

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Актуальность исследования взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества предопределена современными вызовами в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Как справедливо отмечает И.Н. Мукиенко, «государственная власть и население – это не два противоборствующих института, отстаивающих разнонаправленные цели, а единый механизм, работающий на достижение общего блага» [1, с. 2]. Вместе с тем анализ научной литературы и правоприменительной практики позволяет констатировать наличие ряда системных проблем, препятствующих выстраиванию полноценного партнерства между полицией и обществом. В этой связи весьма значимо выявление ключевых препятствий эффективному взаимодействию и выработка на этой основе предложений по их преодолению.

Прежде всего необходимо определиться с содержанием самого понятия «взаимодействие» применительно к отношениям между полицией и обществом. В юридической науке устоялось мнение, что взаимодействие представляет собой объединение усилий различных субъектов для решения общих задач [2, с. 41]. С точки зрения О.Е. Тарасовой, взаимодействие является более широким понятием по сравнению с сотрудничеством, поскольку может иметь как положительный, так и отрицательный результат [3, с. 2]. Полагаем, что подобное разграничение имеет прежде всего теоретическое значение, однако на практике важно, чтобы совместная деятельность носила системный и целенаправленный характер.

Обратимся к анализу проблем, выделяемых в современных исследованиях. Традиционно в качестве наиболее существенного препятствия называется низкий уровень доверия граждан к органам внутренних дел. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения за 2017 г., уровень доверия сотрудникам полиции составлял 57%, а 35% опрошенных испытывали недоверие [4, с. 4]. Примечательно, что, по мнению О.В. Беляевой, «граждане не хотят помогать сотрудникам полиции в обеспечении правопорядка, ссылаясь на то, что полицейские сами не соблюдают установленное в стране законодательство» [1, с. 6]. В данном контексте особую тревогу вызывает коррупционная составляющая, а также нарушения Правил дорожного движения самими сотрудниками. Как отмечает М.Е. Лисицкий, важным фактором выступает и профессиональная деформация, вызванная неудовлетворенностью

объемом социальных гарантий, некомплектном личном составе и высокой степенью стрессонаполнения жизни [5, с. 3].

Следующая группа проблем связана с правовой активностью населения. А.А. Беляева указывает на отсутствие инициативы со стороны самих сотрудников органов внутренних дел в налаживании взаимодействия по принципу «лучше избежать лишних проблем», а также нежелание граждан участвовать в охране правопорядка из-за отсутствия понимания значимости своего личного участия [5, с. 2 – 3]. Представляется, что здесь действует устоявшийся с учетом исторических особенностей стереотип: зачем идти туда, где работают наделенные полномочиями должностные лица. Как справедливо замечает Е.В. Киричѐк, этому способствует и догматика права, и подрыв доверия к формам самоорганизации [6, с. 30].

Особняком стоит проблема социальных гарантий для граждан, участвующих в охране общественного порядка. По справедливому замечанию М.Е. Лисицкого, предоставление социальной поддержки данной категории регулируется в основном на региональном уровне и имеет существенные отличия. Например, в Орловской, Смоленской, Белгородской областях граждане включены в систему государственного страхования на случай причинения вреда здоровью, тогда как во многих других регионах соответствующих норм нет [5, с. 3]. Государство, пытаясь привлечь общественность к взаимодействию с полицией, не сформировало четкого института материальной поддержки, что в современных экономических реалиях делает временное отвлечение человека от основного источника дохода проблематичным.

В условиях глобальной цифровизации, наряду с традиционными формами взаимодействия органов внутренних дел с различными институтами гражданского общества, также выделяют новые цифровые способы, которые способны повысить эффективность и прозрачность взаимодействия между полицией и гражданами. Одним из действующих примеров является система «Безопасный город», Л.Д. Матросова считает, что она предназначена для автоматизации решения наиболее важных задач современных городов. В первую очередь это техническая поддержка служб общественной безопасности, чрезвычайных служб [8].

Однако информационный механизм несет новые риски. Так система видеонаблюдения, способная распознавать лица требует не только технического сопровождения, она требует правовую базу. В отсутствие четких границ и правил защиты персональных данных система способна снизить уровень доверия к правоохранительным органам в связи с отсутствием должной защиты персональной информации. Таким образом вопрос взаимодействия становится актуальным наравне с традиционными формами.

В целях поиска путей решения указанных проблем представляется плодотворным обратиться к зарубежному опыту. Так, в США волонтерское движение является неотъемлемой частью культуры, граждане гордятся своей помощью полиции. Как подчеркивают О.В. Беляева и И.Н. Мукиенко, в США инициатива участия исходит от граждан, мотивированных обеспечить

безопасность в месте своего проживания, а государство лишь создает условия для реализации такой инициативы [1, с. 4]. В Великобритании действуют «сторожевые группы», а в Германии с 90-х годов реализуется концепция общественно ориентированной полицейской работы. В Израиле, как отмечает М.Е. Лисицкий, государством оказывается серьезная финансовая, организационная и имиджевая поддержка, определены четкие формы взаимодействия, а также порядок обеспечения форменным обмундированием, вооружением и спецсредствами вплоть до наделения правом задержания [5, с. 3].

Таким образом, ключевое отличие зарубежного подхода от российского заключается в разных источниках инициативы. В России взаимодействие в основном иницируется государством «сверху», при этом ресурсное обеспечение на федеральном уровне должным образом не проработано. В связи с этим государство получает не столь мотивированных помощников, как за рубежом.

Что касается форм взаимодействия, то анализ нормативных актов и научных работ позволяет выделить их многообразие. Это и совместные рабочие группы, и обмен информацией, и проведение антикоррупционной экспертизы, и участие общественников в работе общественных советов. Однако, как справедливо отмечает Л.А. Алексеева, «общественная палата и общественные советы при ОВД проявляют себя пока несколько пассивно» [7, с. 3]. Возможно, стоит изменить сам принцип формирования общественных советов, избирая в них не столько «просто известных» людей, сколько лиц с активной гражданской позицией.

На основе вышеизложенного представляется возможным сформулировать следующие предложения по повышению эффективности взаимодействия полиции и институтов гражданского общества. Во-первых, необходимо унифицировать и закрепить на федеральном уровне систему социальных гарантий и материального обеспечения деятельности добровольческих общественных формирований. Во-вторых, следует законодательно расширить полномочия граждан в сфере правопорядка, обеспечив оказание реальной помощи полиции. В-третьих, требуется активизировать правовое воспитание населения и повышать правовую культуру, в том числе через совместные акции и стажировки в органах внутренних дел. В-четвертых, важно преодолеть профессиональную деформацию и пассивность самих сотрудников, сформировав у них понимание важности инициативного выстраивания партнерских отношений.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что взаимодействие органов внутренних дел с институтами гражданского общества в современной России носит многоаспектный характер, но сопровождается рядом системных проблем: низкое доверие населения, отсутствие унифицированных социальных гарантий для общественников, инициатива «сверху» при пассивности «снизу», формальная работа общественных советов. И государство, и общество объективно заинтересованы в координации усилий для укрепления правопорядка. В кратчайшие сроки должна быть

актуализирована новая концепция взаимодействия, где в отличие от концепции 2009 – 2014 гг. акцент будет смещен с информационно-пропагандистского воздействия на равноправное партнерство и взаимную помощь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беляева О.В., Мукиенко И.Н. Формы взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 1 (82). С. 2–7.
2. Васильев Ф.П. Какая полиция нам нужна? // Российская Юстиция. 2014. № 6. С. 41–42.
3. Тарасова В.А. Формы взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества современной России // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 11. С. 1–4.
4. Попов С.А. Особенности взаимодействия органов внутренних дел в субъекте Российской Федерации с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции // Закон и право. 2020. № 4. С. 169–171.
5. Лисицкий М.Е. Проблемные вопросы взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества и пути их преодоления // Академическая мысль. 2025. № 3 (32). С. 42–45.
6. Киричѐк Е.В. Взаимодействие полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2015. № 7. С. 28–31.
7. Алексеева Л.А. Проблемы взаимодействия органов внутренних дел и институтов гражданского общества // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 4 (73). С. 6–8.
8. Матросова Л.Д. Использование автоматизированных информационных систем в целях эффективности решения задач управления деятельностью ГИБДД // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 1 (74). С. 117.

УДК 343.1

Доброходский А.С., курсант 3 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
старший преподаватель кафедры информационных технологий
А.С. Тюменцева

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЦИФРОВОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Цифровизация уголовного судопроизводства превратила персональные данные участников процессов в критический инфраструктурный ресурс. Объемы обрабатываемой конфиденциальной информации растут экспоненциально, охватывая этапы досудебного производства, судебного разбирательства и исполнения приговоров.

Как отмечает И.В. Смолькова, в 2023 году зафиксировано 1,17 млн мошеннических сделок с использованием украденных персональных данных, а к третьему кварталу 2024 года объем хищений превысил 258 млрд рублей [1, с. 135]. Внедрение систем электронного правосудия и автоматизированного документооборота создает новые векторы атак. О.Г. Часовникова подчеркивает, что электронные базы судебных решений становятся привлекательной мишенью для киберпреступников, поскольку содержат полные профили потерпевших, свидетелей и обвиняемых [2, с. 233]. Государство увеличивает бюджетные расходы на информационную безопасность на 5% ежегодно, однако технологическое отставание защитных механизмов сохраняется.

Уголовно-процессуальный закон оперирует понятиями данных предварительного расследования и сведений о частной жизни, но прямого термина «персональные данные» в УПК РФ не закреплено. В уголовном процессе применяется Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ¹ для квалификации конфиденциальных сведений, включая биометрические идентификаторы, медицинские заключения, финансовые транзакции и геолокационные метки.

А.Ю. Косарева фиксирует системную уязвимость: статья 217 УПК РФ обязывает следователя предоставлять обвиняемому и защитнику полное досье материалов дела, включая контактные данные понятых и свидетелей [3, с. 54]. Законное ознакомление превращается в канал легализации угроз. Требования ведомственных стандартов ФСТЭК и ФСБ России классифицируют информационные системы следствия по уровням защищенности, однако процессуальные нормы не синхронизированы с техническими регламентами. В отличие от законодательства других стран российское законодательство оставляет сбор избыточных реквизитов на уровне бланков протоколов, игнорируя риск компрометации при ознакомлении с материалами дела.

¹ О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 3 (ч. 1), ст. 3451.

О.Г. Часовникова предлагает создать единый цифровой профиль участника уголовного процесса, включающий биометрию, процессуальный статус и историю участия в делах [2, с. 234]. Это ускорит расследование, но требует жёсткого контроля доступа к биометрическим данным – только с согласия субъекта или по закону.

Внедрение технических средств защиты идёт фрагментарно и зависит от ведомства. Р.М. Рамазанов описывает ПТК-СС – комплексы, искажающие голос и видео при допросах через ВКС [4, с. 619].

Изолированные контуры ГАС «Правосудие» позволяют подключать участников из удалённых судов без их физического перемещения. По данным Рамазанова, двустороннее аудио-видеовзаимодействие через отдельные терминалы сохраняет функциональность допроса, но исключает визуальную идентификацию подсудимыми.

Утечки конфиденциальных сведений напрямую влияют на допустимость доказательств и безопасность лиц, сотрудничающих со следствием. Компрометация баз данных приводит к отказу свидетелей от дачи показаний и искажению материалов дела. А.А. Ходусов выявляет пробелы в применении статей 137, 272 и 273 УК РФ: отсутствие четких критериев «существенного вреда» и разграничения умышленных/неосторожных действий должностных лиц снижает превентивный эффект санкций [5, с. 204]. УК РФ статьей 272.1 устанавливает ответственность за незаконные сбор, хранение и передачу компьютерной информации, содержащей персональные данные, но не регламентирует процессуальный порядок изъятия таких данных в рамках уголовного дела.

А.А. Ходусовым в его исследовании подчеркивается слабость квалификации должностных и коллективных деяний: отсутствуют четкие нормы, регламентирующие ответственность за организационные и управленческие упущения, ставшие причиной утечки данных, что затрудняет квалификацию преступлений, совершенных группой лиц или по неосторожности [5, с. 204]. Судебная практика по статье 310 УК РФ за разглашение данных предварительного расследования демонстрирует низкую раскрываемость из-за сложности фиксации факта утечки через цифровые каналы.

Процессуальный механизм требует внедрения процедуры «замораживания» цифровых материалов при фиксации инцидентов информационной безопасности. А.Ю. Косарева предлагает законодательно закрепить сокращение реквизитов в протоколах до фамилии, имени и отчества, передавая полные контактные данные только в закрытые реестры органов предварительного расследования [3, с. 54]. Дата рождения, место работы, адреса регистрации и фактического проживания, контактные телефоны должны формировать отдельный защищенный массив, доступный исключительно следователю, дознавателю и суду.

А.А. Ходусов настаивает на введении нормы о смягчении наказания для организаций, добровольно предотвративших утечку или внедривших сертифицированные системы защиты, что создаст стимулирующий эффект для

соблюдения регламентов [5, с. 205]. Интеграция требований информационной безопасности в УПК РФ должна сопровождаться обязательным аудитом следственных информационных систем, регулярным обучением сотрудников работе с цифровыми артефактами и созданием межведомственных киберподразделений для расследования инцидентов. В отличие от европейских стран, где регуляторы обладают правом приостанавливать обработку данных при выявлении нарушений, российское процессуальное законодательство не предусматривает механизма временной блокировки цифровых материалов дела при компрометации носителя.

Информационная безопасность в уголовном процессе перестала быть вспомогательным техническим параметром. Она определяет допустимость доказательств, физическую безопасность участников и легитимность судебных решений. Дисбаланс между принципом гласности судопроизводства и защитой частной жизни устраняется через техническую изоляцию конфиденциальных массивов и процессуальное ограничение доступа к ним на стадии ознакомления с материалами дела.

Выводы о необходимости интеграции требований ИБ в процессуальное законодательство подтверждаются статистикой утечек и ростом цифровых мошенничеств. Рекомендации по обучению сотрудников, аудиту систем и взаимодействию с регуляторами требуют закрепления в виде обязательных ведомственных стандартов, синхронизированных с требованиями ФСТЭК и ФСБ России. Разработка типовых методик оценки ущерба, введение уголовной ответственности за сокрытие цифровых следов в организациях и создание специализированных подразделений по расследованию киберинцидентов в правоохранительных органах формируют базис для устойчивой защиты участников уголовного судопроизводства в цифровой среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смолькова И.В. Защита персональных данных в уголовном судопроизводстве // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1(79). С. 134-142.
2. Часовникова О.Г. Правовые аспекты информационной безопасности в уголовном судопроизводстве России // Журнал правовых и экономических исследований. 2025. № 2. С. 230-235.
3. Косарева А.Ю. Информационная безопасность в уголовном процессе: проблемы и пути решения // Научно-технические и образовательные материалы. 2022. № 2. С. 13-18.
4. Рамазанов Р.М. Использование информационных технологий при обеспечении безопасности участников уголовного процесса // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 4(46). С. 616-622.
5. Ходусов А.А. Уголовно-правовые проблемы охраны персональных данных в системе социальных услуг // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1(109). С. 202-211.

УДК 159.9

Дубинина Д.А., курсант 4 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент, О.В. Трубкина

ФРУСТРАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДОПРОСА

Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил с 2018 года начало десятилетия, посвящённого детству, в том числе, для улучшения динамики предотвращения несовершеннолетней преступности [1]. В этой связи в стране предпринимаются меры воспитательного характера для минимизации антиобщественных деяний со стороны молодежи. Противодействие преступности несовершеннолетних, несмотря на постоянное исследование учеными, является актуальной проблемой государства. Согласно официальным данным Министерства внутренних дел России, в 2025 году детская преступность, по сравнению с прошлым годом, возросла на 5,5 %, выявлен 22231 несовершеннолетний, совершивший преступление, на 10,1 % больше преступлений совершены несовершеннолетними или при их соучастии¹. Изученная нами статистика указывает на неоднозначную динамику за последние время, в частности, впервые за 10 лет отмечен рост исследуемой преступности. Необходимо подчеркнуть, что преступные деяния, совершенные подростками, зачастую совершаются в кризисном развитии личности, в том числе в состоянии фрустрации, все чаще выявляемой у несовершеннолетних. ГИАЦ ГУ МВД России по Иркутской области комментирует, что в 2025 году в регионе совершено 669 преступлений несовершеннолетними, 226 из них – в составе группы лиц, часто в алкогольном опьянении, составлен 1071 протокол об административном нарушении подростками антиалкогольного законодательства, 2777 детей состоит на учете в ПДН, 3049 семей зафиксированы как неблагополучные². Как верно отмечает О.В. Трубкина, «...в современных реалиях социально-экономическое неравенство, выражающееся в преобладании несоответствия возможностей и желаний населения, является стрессом для каждого человека, а для подростков – особенно [2, с.217]». Данное состояние вызывает дисбаланс в психике, появляется напряжение и реагирование на него, выделяемое в психологии как «фрустрация». Характерными признаками данных деяний выступают: агрессия, импульсивность, а также «игра на публику». Необходимо выделить, что

¹ Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 05.04.2026).

² Отчетные данные ГИАЦ и ООДППН ГУ МВД России по Иркутской области за 2025 год.

фрустрация является своеобразной психологической формой «жажды», сопровождающейся разочарованием, тревогой и гневом.

Проведение допроса является центральным следственным действием в ходе расследования преступлений, достаточно сложным, требующим качественной подготовки. Часто при расследовании преступлений несовершеннолетних складывается конфликтная ситуация, сопровождающаяся не только расхождением интересов следствия и подростка, но и дезориентацией несовершеннолетнего в происходящем, иными патологическими психологическими процессами.

В связи с этим специфичность подготовки и производства допросов несовершеннолетних, находящихся в состоянии фрустрации, представляется нами в том, что психологические методы, приемы и формы деятельности следователя и специалистов должны, в какой-то мере, преобладать над традиционными тактическими.

Психологическая характеристика несовершеннолетних, находящихся в состоянии фрустрации, представляет совокупность свойств, сфокусированных на внутренних механизмах допрашиваемого, ее оценка следователем направлена на получение скрытой и искаженной информации посредством изучения личности. Совокупность применения психологических приемов и глубокое изучение личности при работе с подростками в состоянии фрустрации обеспечивают наибольшую эффективность допросов. При работе с данным состоянием личности необходимо учитывать типологию развития и интенсивность фрустрации, выявлять фрустраторы. Экстрапунитивная направленность данной патологии сопровождается открытой агрессией, где отсутствуют личности и детальные обстоятельства в показаниях; интропунитивная – проявляется в открытом выражении обвинения или чрезмерных требованиях к самому себе; импунитивная направленность аналогична экстрапунитивной.

В процессе производства допроса следователю необходимо оценивать признаки противодействия допрашиваемого, для этого важно разделять виды состояния фрустрации по временной протяженности, по характеру фрустраторов, а также по типу фрустрирующей ситуации. В психологическом аспекте принято выделять следующие виды состояния фрустрации: актуальный вид – лицо переживает данный конфликт в настоящее время; ретроперспективный вид – состояния, где фрустратором выступает осознание чего-то упущенного в прошлом и разделяется на два подвида – реальное прошлое и воображаемая форма прошлого; перспективный вид состояния фрустрации характеризуется заикленностью на неудачах в будущем. Характер фрустраторов способен проявляться в эмоциональном, поведенческом аспектах, а также в факторах, влияющих на реакцию допрашиваемого.

Тактическая характеристика допроса, в свою очередь, охватывает форму проведения следственного действия, с целью получения достоверных показаний, при применении различных тактических комбинаций и с учетом психологических особенностей. Посредством изучения данных

психологических составляющих личности, следовательно применяет следующие приемы преодоления фрустрационного противодействия: при агрессивном типе реакции – следует избегать прямой конфронтации, важно предоставить допрашиваемому выговориться; при реакции отступления – необходимо применять прием «допущение легенды», после чего использовать фактор внезапности, используя ключевые вопросы; при агрессивном типе реакции – необходимо проявлять повышенное терпение, а так же делать перерывы, снижая темп допроса, для избегания переутомляемости допрашиваемого. Таким образом, совокупность тактических и психологических характеристик допроса является наиболее эффективной стратегией при раскрытии и расследовании преступных деяний несовершеннолетних лиц, находящихся в состоянии эмоционального дисбаланса – фрустрации.

В.Х. Енгальчев, Е.А. Королева и О.В. Александрова отмечают, что самостоятельная психологическая диагностика следователем представляет сложность, что обусловлено отсутствием у него полной психологической компетентности и невозможностью одновременно придерживаться плана допроса и отслеживать коммуникативные признаки [3, с. 614]. Исходя из этого, для производства эффективного допроса несовершеннолетних, имеющих состояние эмоционального расстройства, необходимо участие психолога, который выступает как помощник следователя, начиная с подготовки к допросу и изучая личность подростка до судебного заседания. Специалист-психолог составляет психологический портрет, выявляет фрустраторы и их природу, представляет возможные рекомендации установления коммуникативного контакта. Психологическая составляющая тактики при проведении допроса необходима и в аспекте выявления и исследования идеальных следов, которые являются отражением признаков фрустрации. Кроме того, участие психолога способствует выявлению нюансов в речи допрашиваемого, свидетельствующих о заученности, не свойственной для изложения в силу возрастных характеристик [4, с.122]. Психолог как третье лицо при проведении допроса обеспечивает комфорт двум сторонам: следователю – с точки зрения психологической составляющей допроса, а также для преодоления конфликтной ситуации; допрашиваемому для преодоления состояния фрустрации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 // Официальный интернет портал правовой информации: сайт // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705290022> (дата обращения 10.04.2026).
2. Трубкина О. В. Фрустрация как фактор, детерминирующий характер противодействия раскрытию и расследования преступлений несовершеннолетних//Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 2. С. 220–224.

3. Енгальчев В. Х., Королева Е. А. Александрова О. В. Новые подходы к применению специальных психологических знаний при расследовании преступлений против половой неприкосновенности, совершенных несовершеннолетними // Человек: преступление и наказание: науч. журн. 2023. Т. 31. № 4. С. 610–618.

4. Шаевич А. А., Герих А. В. Значение и организационные проблемы участия психолога в расследовании и профилактике преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4 (16). С.118–125.

УДК 343.721

Жильцов Е.А., курсант 4 курса
Уфимского юридического института МВД России
Научный руководитель –
начальник кафедры оперативно розыскной деятельности
органов внутренних дел, кандидат юридических наук А.Ф. Мухаметшин

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВОМ

Проведение цифровой трансформации в экономических отношениях населения Российской Федерации (далее РФ) и использование дистанционных платежных инструментов приводит к качественному изменению структуры преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Руководствуясь информационными данными Главного информационного аналитического центра МВД России, доля киберпреступлений в сфере интернет-мошенничества в общем массиве зарегистрированных преступлений против собственности в цифровом пространстве, за последние три года возросла с 12,7 % до 26%, а их латентность, по оценкам экспертов, составляет 74%. По информационным данным МВД России, наивысшим процентом раскрываемости интернет-мошенничества, на период 2019 по 2025 года, в 2024 году – 26%. Низкий процент раскрытия преступлений по данному составу заключается в трансграничности преступности и недостаточностью адаптации криминалистических методик к динамичной среде сети-Интернета. [2, с. 295].

Одним из важных элементов особенности раскрытия и расследования интернет-мошенничества является криминалистическая характеристика, которая содержит в себе четыре основных элемента, требующих рассмотрения:

1. Способ совершения преступления – в подавляющем большинстве случаев представляет собой систему и комбинацию методов социальной инженерии (вишинг и фишинг) и технологической маскировке, к примеру, подмена номера абонента (спуфинг), создание фейковых сайтов крупный

организаций и компаний (СберБанк, Т- банк, Альфа-банк), использование прокси-серверов и VPN, анонимных мессенджеров (Telegram, WhatsApp, Signal).

2. Обстановка преступления – цифровая среда (интернет-ресурсы, телефонные звонки, мессенджеры), в которой пространственно-временные характеристики искажены: преступник и жертва могут находиться в разных юрисдикциях, а момент перевода денежных средств отделен от момента осознания обмана от нескольких минут до нескольких суток. Следы преступления имеют цифровую форму и подразделяются на:

- Логи (журналы) соединения, хранящиеся у провайдера сети-Интернет и абонентских компаний средств связи;

- Информация на устройстве потерпевшего (история браузера, кэш, история переписок в мессенджерах социальных сетей, интернет-ресурсы, скачанные файлы);

- Транзакционные записи в банковских системах, которые характеризуют денежные переводы между людьми (СберБанк, Т-Банк, Альфа-Банк и другие).

3. Личность преступника – данный элемент является одним из самых важных, так как, установив субъект совершения преступления, можно продолжить процесс раскрытия и расследования преступлений. Согласно следственно-судебной практике, в большинстве случаев данное преступное деяние совершают лица, достигшие от 16 до 30 лет, так как в данном возрасте разум подростков подвержен и способен осваивать цифровые технологии и компьютерные программы, с помощью которых и совершаются данные деяния. В 16 лет подростки имеют желание узнать что-либо интересное в сети-Интернет, в основном, то что скрываем кем-либо целенаправленно или данный источник информации запрещен. В основном, в данных закрытых сообществах и содержится информация о быстром заработке, совершению определенных действий, которые могут принести прибыль, но, необходимо отметить, что подростки в силу своего возраста не обладают должным уровнем правосознания и слабы в понимании законодательства РФ, которое прямо запрещает совершению преступных действий в сети-Интернет, не исключая кибермошенничество. Также, по данным категориям уголовных дел, субъектами преступлений являются лица, обладающие специальными знаниями по работе с цифровыми технологиями, в основном это лица, обучающиеся в IT-сфере. Не исключено, что данные преступления могут совершаться сотрудниками различных организаций, которые могут предоставлять различную информацию о потерпевших лицах, в отношении злоумышленников, в основном это сотрудники банковских организаций, имеющие доступ в базу данных, где содержится информация о банковских счетах населения РФ. Также по данному составу преступлений, в основном, работают несколько злоумышленников, которые объединяются в группы, в дистанционном формате, при использовании принципа трансграничности преступности, осуществляют свои преступные действия, для сохранения принципа анонимности, так как трансграничность подразумевает под собой – взаимодействие между различными субъектами на международном уровне (за пределами РФ). [3, с. 60]

Рассмотрев особенности основных элементов криминалистической характеристики по данной категории преступлений, необходимо подчеркнуть один из самых важных ключевых процессуальных инструментов, влияющих на ход расследования и раскрытия преступления, которыми являются тактические особенности производства отдельных следственных версий. При производстве допроса потерпевшего, следователю необходимо исключить «шаблонные» тактические действия и методики. Анализ произведенных допросов показал, что 62% случаев следователь не фиксирует такие криминалистические важные сведения, к примеру, наименование домена сайта (в основном имеет отношение к фишинговым сайтам), никнейм отправителя в мессенджере, способ перевода денежных средств и наличие на устройстве потерпевшего таких программ как: AnyDesk, TeamViewer, RustDesk.

Обыск подозреваемого (мошенника) имеет целью не столько обнаружение традиционных объектов, имеющих отношение к совершению преступления, сколько изъятие «крипто-носителей» или же информацию об этих носителях, к примеру, записные книжки о крипто-кошельках (логин и пароль), различные записки, компьютеры и ноутбуки, где может храниться информация о наличии криптовалюты на данном устройстве, различные сим-карты от разных операторов сотовых связей (данная методика используется для сохранения анонимности злоумышленника, противодействующая отслеживанию местонахождения мошенника), банковские карты, используемые для отмыwania полученных денежных средств в ходе мошеннических действий. [1, с. 48].

Таким образом, рассмотренные особенности расследования и раскрытия преступлений, связанных с интернет-мошенничеством, позволяет сделать вывод, что в силу распространения новых цифровых технологий в мире, злоумышленники разработали методики и способы совершения преступлений в интернет-пространстве. В силу рассмотренных следственных ситуаций, на основе следственно-судебной практики, сотрудниками МВД России разрабатываются новые методики производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по данной категории дел. Вследствие этого, сотрудникам МВД России, необходимо взаимодействовать между подразделениями следствия и оперуполномоченными УБК МВД России, для слаженного процесса раскрытия и расследования данных категорий преступлений, так как в РФ, большинство преступлений совершается цифровом пространстве, поскольку мошенники реализуют способы и методы по сокрытию информации о себе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Александров, И. В. Криминалистика: тактика и методика : учебник для вузов / И. В. Александров. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 313 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-02335-0. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/598546>.

2. Калиев, А. А. Отдельные аспекты расследования интернет-мошенничества // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2025. №2 (80) С. 294-301.

3. Пейзак, Р.И. Организационно-правовые аспекты деятельности органов внутренних дел по предупреждению мошенничества // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 2 (14) С. 59-62.

УДК 343.3/.7

Иванов И.Д., курсант 3 курса
Волгоградской академии МВД России
Научный руководитель –
кандидат юридических наук И.А. Нифталиева

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ

Статистика нападений собак на людей в России демонстрирует, что эта проблема приобрела масштабы национального кризиса, угрожая жизни и здоровью сотен тысяч граждан ежегодно. Так, за 2024 год зафиксировано 237 тысяч обращений по поводу нападений¹. Согласно данным Следственного комитета Российской Федерации, общее число нападений собак на людей с 2022 года увеличилось в 5,2 раза. Количество случаев, требующих правовой оценки, возросло в 6,5 раза². При этом в 30 % случаев жертвами нападений стали дети³.

Основные требования к содержанию животных установлены Федеральным законом от 27 декабря 2018 года № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 498-ФЗ)⁴. Статья 13 ФЗ № 498-ФЗ закрепляет обязанность владельца обеспечивать безопасность граждан и соблюдать правила выгула. Запрещается выгул потенциально опасной собаки без намордника и поводка, исключение – огороженная территория владельца с предупреждающей надписью. Перечень пород, признанных потенциально опасными, утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июля 2019 года № 974. Этот перечень включает 13 пород собак и их метисов,

¹ См.: За 2024 год зафиксировали 237 тысяч нападений собак. URL: https://news.rambler.ru/incidents/54321518/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 01.04.2026).

² См.: Ответственность за нарушение правил содержания и выгула собак, особенно опасных пород, нужно серьезно ужесточать. URL: <https://argumenti.ru/opinion/2025/11/974098> (дата обращения: 01.04.2026).

³ См.: Чьи жизни дороже: людей или собак? URL: <https://zoritabasarana.ru/?nationals=chi-zhizni-dorozhe-lyudej-ili-sobak> (дата обращения: 01.04.2026).

⁴ См.: Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

среди которых акбаш, американский бандог, гуль дог, волко-собачьи гибриды и другие¹.

Региональные власти вправе устанавливать дополнительные требования. Например, в Москве действуют правила, запрещающие нахождение с собакой без намордника и поводка в магазинах, на детских площадках, в общественном транспорте².

В настоящее время, когда нападение животного, вызванное небрежностью владельца, приводит к тяжкому вреду здоровью человека, применяется часть 1 статьи 118 «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Санкция данной статьи предусматривает наказание вплоть до ареста на срок до шести месяцев. В случае причинения смерти по неосторожности применяется статья 109 УК РФ, максимальное наказание по которой составляет лишение свободы на срок до двух лет. Квалификация по общим статьям возможна, но возникают сомнения в их действенности.

Во-первых, статьи 118 и 109 УК РФ не отражают специфики преступления, совершаемого из-за нарушения специальных публично установленных обязанностей по контролю за источником повышенной опасности (животным). Нарушение правил обращения с животными имеет бланкетный характер, отсылая к нормам административного и иного законодательства, что должно найти отражение в диспозиции специальной уголовно-правовой нормы.

Во-вторых, максимальное наказание не соответствует общественной опасности деяния. Для сравнения: нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 3 ст. 264 УК РФ), наказывается лишением свободы до пяти лет. Нарушение правил безопасности при ведении строительных работ, повлекшее смерть (ч. 2 ст. 216 УК РФ), – до пяти лет. При этом потенциально опасное животное также является источником повышенной опасности, однако действующее законодательство не учитывает этого. Такая несбалансированность санкций требует устранения путем введения специальной нормы с более строгими наказаниями, соразмерными тяжести последствий [1, с. 64].

В-третьих, правоприменительная практика сталкивается с трудностями доказывания причинной связи между нарушением правил содержания животного и наступившим вредом именно в рамках общих составов. Специальная норма позволит акцентировать внимание на факте несоблюдения владельцем конкретных правил выгула или содержания, закрепленных в нормативных правовых актах, что упростит квалификацию и обеспечит неотвратимость ответственности.

Учитывая, что основным непосредственным объектом посягательства является общественная безопасность, предлагается разместить новую норму в главе 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности». Это согласуется с системой Особенной части УК РФ, где в данной главе уже содержатся составы, предусматривающие ответственность за нарушение

¹ Об утверждении перечня потенциально опасных собак: постановление Правительства РФ от 29.07.2019 № 974. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Выгул собак в наморднике: право или обязанность владельца // Сайт Москвы. URL: <https://www.mos.ru/news/item/88213073/> (дата обращения: 12.03.2026).

специальных правил безопасности (ст. 215, 216, 217, 219 УК РФ и др.). Животные, особенно включенные в перечень потенциально опасных, представляют собой источник повышенной опасности, что требует специального правового регулирования как в административном, так и в уголовном порядке.

Предлагается дополнить УК РФ статьей 219¹ следующего содержания:

«Статья 219¹. Нарушение правил обращения с животными

1. Нарушение правил обращения с животными лицом, обязанным соблюдать эти правила, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, – наказывается...

2. То же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека, – наказывается...».

Проведенное исследование подтверждает наличие проблемы в действующем уголовном законодательстве. Нормы статей 118 и 109 УК РФ не способны адекватно отразить специфику неосторожного преступления, совершенного в результате нарушения специальных обязанностей владельца животного [2, с. 9–14]. Статистические данные свидетельствуют о неэффективности превентивной функции административного права. На основе анализа предлагается дополнить УК РФ новой нормой, устанавливающей уголовную ответственность за нарушение правил обращения с животными, повлекшее тяжкие последствия.

Юридический анализ предлагаемого состава преступления

Объект преступления: основной непосредственный – общественные отношения в сфере охраны установленного порядка обращения с животными, регламентированного ФЗ № 498-ФЗ; дополнительный – жизнь и здоровье человека.

Объективная сторона: деяние (действие или бездействие) – нарушение специальных требований к содержанию и выгулу животных (например, выгул потенциально опасной собаки без намордника и поводка в общественном месте); последствие – тяжкий вред здоровью (ч. 1) или смерть (ч. 2); причинная связь между нарушением и последствием. По законодательной конструкции состав преступления – материальный.

Субъект преступления – специальный: владелец животного (собственник или законный владелец) либо лицо, которому поручен непосредственный надзор за животным (например, выгульщик, сотрудник приюта). Привлечению к ответственности подлежат лица, достигшие 16-летнего возраста.

Субъективная сторона – неосторожность в виде легкомыслия (владелец предвидел возможность нападения, но самонадеянно рассчитывал на его предотвращение) или небрежности (не предвидел, но должен был и мог предвидеть).

Предлагаемая норма сформулирована широко, что позволяет применять ее не только к собакам, но и к экзотическим или хищным животным, если их содержание регулируется соответствующими федеральными или региональными нормативными правовыми актами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нифталиева И.А. Криминализация и декриминализация деяний как одно из направлений реализации принципа справедливости // Евразийская адвокатура. 2023. № 5 (64). С. 64–66.

2. Третьяков В.И., Стрилец О.В. Реализация принципа справедливости на современном этапе развития российского уголовного законодательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 9–14.

УДК 343

Ильина Д.И., курсант 2 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры уголовного права и криминологии
кандидат юридических наук, доцент, И.А. Фомина

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УТЕЧКИ БАЗ ДАННЫХ:
УСИЛЕНИЕ ЗАЩИТЫ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ ИЛИ ВВЕДЕНИЕ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ КОМПЬЮТЕРНОЙ
ИНФОРМАЦИИ?**

Публикации массивов персональных данных клиентов банков, операторов связи, интернет-магазинов и государственных информационных систем стали рутиной. Уголовный закон на это явление системного ответа не даёт. Статьи 137, 183 и 272 УК РФ ориентированы на первичное хищение или разглашение информации. Приобретение, хранение, перепродажа утекших массивов остаются вне уголовно-правового запрета, если не доказан сговор с первоначальным нарушителем.

Причина этого пробела имеет объективный характер. Уголовный закон охраняет информацию в режиме ограниченного доступа. Тайна существует, пока обладатель принимает меры к её неразглашению [1, с. 303]. После утечки информация утрачивает статус тайны, но сохраняет криминальную ценность. На этом этапе – между утратой контроля обладателем и обесцениванием данных – складывается теневой рынок. Продавец базы не совершает разглашения (сведения уже разглашены), не совершает доступа (доступ уже осуществлён), не нарушает тайны (тайны более нет). Действующее уголовное законодательство не усматривает в его действиях состава оконченного преступления.

В литературе предлагаются два варианта законодательной реакции. Усиление ст. 183 УК РФ путём расширения предмета и ужесточения санкций [4, с. 287]. Введение самостоятельной нормы об ответственности за незаконный оборот компьютерной информации по аналогии со ст. 175 (оборот заведомо

добытого преступным путём имущества) или ст. 173.1–173.2 (оборот документов) [2, с. 602; 5, с. 153].

Усиление ст. 183 УК РФ предполагает, что большинство утекающих баз данных обладает коммерческой ценностью и может быть подведено под понятие коммерческой тайны. Этому препятствует формальный характер режима тайны. Для квалификации по ст. 183 недостаточно факта ограничения доступа. Требуется, чтобы обладатель ввёл режим коммерческой тайны в соответствии с Федеральным законом № 98-ФЗ: утвердил перечень сведений, нанёс гриф, организовал учёт лиц, получивших доступ. Значительная часть малых и средних предприятий – операторов персональных данных – таких мер не принимает [4, с. 286]. Их базы данных с формальных позиций коммерческой тайной не являются, даже если утечка наносит реальный ущерб.

Предмет ст. 183 УК РФ – коммерческая, налоговая и банковская тайна. Персональные данные граждан, не связанные с банковской или налоговой тайной, под действие статьи не подпадают. Утечка базы данных, содержащей имена, телефоны, адреса электронной почты, но не содержащей сведений о банковских счетах или налоговых декларациях, не может быть квалифицирована по ст. 183 [1, с. 304]. Объективная сторона ч. 2 ст. 183 УК РФ – разглашение, то есть сообщение сведений конкретному лицу или ограниченному кругу лиц. Публикация базы данных в открытом Telegram-канале или на файлообменнике, доступная неопределённому кругу лиц, формально под это определение не подпадает. С.Н. Тиллюпа фиксирует коллизию: правоприменитель либо квалифицирует публикацию как разглашение путём расширительного толкования, либо отказывает в возбуждении дела [3, с. 276]. Единообразной практики нет.

Ст. 183 УК РФ не может служить универсальным инструментом противодействия утечкам даже при условии её усиления. Расширение предмета статьи за счёт включения любых сведений ограниченного доступа решило бы проблему персональных данных, но оставило бы за рамками публичное распространение и последующий оборот.

Введение самостоятельного состава, аналогичного ст. 175 УК РФ, предлагает иное решение. Предмет преступления – компьютерная информация, полученная неправомерным путём. Объективная сторона – приобретение, хранение, перевозка, пересылка, обработка, сбыт или иная передача третьим лицам. Такой состав не зависит от режима тайны, не требует установления содержания информации и охватывает все этапы оборота.

Н.А. Магарченков, анализируя зарубежный опыт, указывает: аналогичные нормы существуют в законодательстве многих стран [2, с. 604]. Во Франции Уголовный кодекс содержит отдельную статью о хранении и сбыте данных, полученных путём взлома информационной системы. Российское законодательство в этой части отстаёт: оборот украденных баз данных наказывается только при доказанном сговоре с нарушителем.

З.Л. Шхагапсоев предлагает дополнить главу 28 УК РФ статьёй 274.3 «Незаконный оборот компьютерной информации, содержащей персональные

данные» с дифференциацией ответственности по объёму информации: до 10 тысяч записей – штраф или ограничение свободы, от 10 тысяч до 100 тысяч – лишение свободы до трёх лет, свыше 100 тысяч – лишение свободы до пяти лет [5, с. 154].

У нового состава есть преимущества. Отсутствует необходимость доказывать режим тайны и коммерческую ценность каждого элемента базы данных. Достаточно установить, что информация получена неправомерно (путём взлома, использования служебного положения, обмана). Состав охватывает все стадии оборота – хранение и перепродажу, что позволяет привлекать к ответственности организаторов «слив-каналов» и администраторов теневых форумов. Новая норма создаёт правовое основание для оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, систематически сбывающих утечки базы данных, даже при отсутствии доказательств их связи с первоначальным взломом.

Введение нового состава порождает конкуренцию с существующими ст. 183 и ст. 272 УК РФ. Если утекающая информация одновременно составляет коммерческую тайну и получена неправомерным путём, возникает вопрос о квалификации – по ст. 183 (разглашение) или по новой статье (оборот).

Конкуренцию можно исключить двумя способами. Прямое указание в диспозиции новой статьи на субсидиарность: применение только в случаях, когда деяние не подпадает под ст. 183, 137 или 272 УК РФ. Либо введение исключения: «за исключением случаев, когда компьютерная информация составляет коммерческую, налоговую, банковскую тайну либо сведения о частной жизни». Субсидиарность усложняет квалификацию и требует разъяснений Верховного Суда. Исключение в диспозиции сужает сферу применения новой статьи, оставляя за её пределами оборот информации, составляющей коммерческую тайну.

Оптimalен комбинированный подход. Необходимо расширить предмет преступления, а также ввести в УК РФ статью 274.3 «Незаконный оборот компьютерной информации, полученной неправомерным путём». Такое решение сохраняет специальный режим охраны коммерческой и личной тайны (через приоритет ст. 183 и 137) и одновременно закрывает пробел, связанный с оборотом информации, утратившей статус тайны, а также с персональными данными, не подпадающими под действие этих статей.

Субсидиарный характер новой нормы предотвращает конкуренцию. Дифференциация ответственности по объёму информации делает наказание соразмерным общественной опасности деяния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Довголюк Н. В. Уголовно-правовая охрана персональных данных: необходимость совершенствования законодательства и дифференциации ответственности // Новеллы права, экономики и управления 2020 : сборник

научных трудов. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2021. С. 301-305.

2. Магарченков Н. А. Реализация ответственности за неправомерный оборот персональных данных в России и США: сравнительно-правовой анализ // Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра. Смоленск : Смоленский государственный университет, 2025. С. 599-606.

3. Тилюпа С. Н. Утечка персональных данных: проблемные аспекты правовой защиты // Юность науки : Сборник студенческих научных статей, Москва, 14–16 апреля 2021 года. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. С. 272-278.

4. Хохлова Е. В. О практике квалификации преступлений с персональными данными // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09–10 июня 2023 года. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 284-289.

5. Шхагапсоев З. Л. К вопросу об уголовной ответственности за незаконные действия с компьютерной информацией, содержащей персональные данные // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2025. Т. 54, № 2. С. 150-155.

УДК 316.6

Кириллова В.В., курсант 1 курса Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Научный руководитель –
преподаватель кафедры социально- экономических
и гуманитарных дисциплин В.С. Бушмакина

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Современный этап развития российского общества характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности. Информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» стала не просто средством коммуникации, но и самостоятельной средой обитания, особенно для молодого поколения. Среднее время пребывания молодежи в сети достигает 6–8 часов в сутки, а среди отдельных возрастных групп (15–19 лет) этот показатель может превышать 10 часов. Это неизбежно влияет на процесс формирования личности, включая ее ценностно-смысловое ядро.

В этих условиях актуальным научным направлением становится изучение того, как цифровая среда трансформирует ценностные ориентации молодежи – базовый элемент структуры личности, определяющий направленность поведения,

социальную активность и, в конечном счете, интеграцию молодого человека в систему общественных отношений.

Цифровая среда обладает двойственной природой воздействия.

С одной стороны, она предоставляет широкий доступ к знаниям, культурным ценностям, возможностям самореализации и профессионального роста.

С другой стороны, как справедливо отмечают исследователи, «информационная перегрузка и клиповое мышление приводят к фрагментарности мировосприятия и снижению способности к глубокому рефлексивному анализу» [1, с. 319].

Для молодого человека, находящегося на этапе первичной социализации, отсутствие устойчивых морально-нравственных ориентиров делает его уязвимым перед деструктивным контентом, включая пропаганду насилия, экстремизма, асоциального образа жизни, а также перед вовлечением в противоправную деятельность через социальные сети и мессенджеры.

Особую тревогу вызывают тенденции подмены традиционных российских духовно-нравственных ценностей (патриотизм, семья, служение Отечеству, милосердие, взаимопомощь, историческая память) ценностями гедонистическими и индивидуалистическими, активно транслируемыми через цифровые платформы, видеохостинги и социальные сети. Именно молодежь в силу возрастных психологических особенностей (максимализм, потребность в признании, авторитет референтных групп, незавершенность формирования механизмов психологической защиты, повышенная эмоциональная реактивность) наиболее восприимчива к виртуальному влиянию¹.

Как подчеркивается в современной научной литературе, «цифровая социализация молодежи сопровождается риском размывания идентичности, когда виртуальные образы начинают доминировать над реальным «Я», а ценностные ориентиры черпаются из случайных и часто манипулятивных источников» [2, с. 54].

В этой связи некоторые авторы вводят понятие «цифровой аномии» – состояния ценностно-нормативной неопределенности, возникающего у молодого человека, который одновременно принадлежит к нескольким цифровым сообществам с противоречащими друг другу системами ценностей и норм. Как отмечается в специальной литературе, «цифровая аномия проявляется в утрате чувства социальной принадлежности, снижении значимости традиционных институтов социализации (семья, образовательная организация, трудовой коллектив) и замещении их виртуальными группами, нередко имеющими асоциальную или антисоциальную направленность» [3, с. 37].

Важным фактором, усиливающим деструктивное влияние цифровой среды на ценностные ориентации молодежи, является феномен «эхо-камер» и

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.05.2026).

«информационных пузырей». Алгоритмы рекомендательных систем социальных сетей и поисковых платформ подбирают контент таким образом, чтобы максимально соответствовать уже имеющимся предпочтениям пользователя, что приводит к изоляции молодого человека от альтернативных точек зрения и ценностных систем. Как показывают эмпирические исследования, «длительное пребывание в «эхо-камере» усиливает поляризацию ценностных установок, снижает толерантность к иным мнениям и создает благоприятную среду для радикализации сознания» [4, с. 91].

В этой связи принципиальное значение приобретает деятельность правоохранительных органов по противодействию распространению в цифровой среде экстремистской и иной противоправной информации. Однако правовыми запретами проблему не исчерпать. Необходима системная работа, направленная на формирование у молодежи внутренних регуляторов поведения – критического мышления, правосознания, уважения к закону, способности к самостоятельному этическому выбору в условиях ценностного плюрализма.

Результаты социально-психологических исследований показывают, что эффективность профилактики деструктивного влияния цифровой среды напрямую зависит от того, насколько у молодого человека развита способность к рефлексии и критическому анализу информации.

В рамках образовательных организаций МВД России эта работа приобретает особое значение, поскольку будущие сотрудники органов внутренних дел сами должны выступать носителями и трансляторами социально одобряемых ценностей.

Как отмечает Лебедев И. Ю., «сотрудник органов внутренних дел, обладающий сформированным ценностно-смысловым ядром, способен не только противостоять деструктивному информационному воздействию, но и выступать примером для молодежной среды, в том числе в рамках профилактических мероприятий, реализуемых в образовательных организациях и молодежных коллективах» [5, с. 112].

Важным направлением профилактической работы является развитие у молодежи навыков медиаграмотности и критического мышления. Именно эти компетенции позволяют распознавать манипулятивные техники (в том числе такие, как газлайтинг, астросерфинг, троллинг, флейминг), проверять достоверность информации, отличать факты от оценочных суждений и сохранять устойчивость ценностных ориентаций в условиях информационного давления. Кроме того, сама цифровая среда может быть использована в конструктивных целях – для создания просветительских интернет-ресурсов правовой направленности, ведомственных каналов в социальных сетях, онлайн-лекториев по вопросам противодействия экстремизму и терроризму, а также для проведения викторин, конкурсов и иных интерактивных мероприятий, направленных на популяризацию традиционных ценностей среди молодежной аудитории.

Таким образом, цифровая среда выступает мощным фактором трансформации ценностных ориентаций молодежи. Задача социально-гуманитарных наук – не только констатировать эти изменения и выявлять

механизмы деструктивного влияния, но и выработать научно обоснованные рекомендации по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также по повышению психолого-педагогической компетентности сотрудников правоохранительных органов в сфере цифровой социализации подрастающего поколения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цветков В. Л., Павлова А. А. Клиповое мышление как актуальная психологическая проблема // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 318-320.
2. Ковалева А. В., Смирнов Д. О. Цифровая социализация и ценностные ориентации молодежи: риски и возможности // Социальная психология и общество. 2025. № 1. С. 48-62.
3. Морозов И. П. Цифровая аномия как социально-психологический феномен современного молодежного сообщества // Психология и право. 2025. № 2. С. 33-45.
4. Григорьева Т. Н., Соколов А.В. Информационные пузыри и эхо-камеры: влияние на ценностные установки молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 85-99.
5. Лебедев И. Ю. Формирование ценностно-смыслового ядра сотрудника органов внутренних дел в условиях цифровой трансформации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. № 3. С. 108-118.

УДК 61:06-10/306

Кодзоев М.-А.А., курсант 2 года обучения переменного состава
Ростовского юридического института МВД России
Научный руководитель –
кандидат филологических наук А.В. Внуковская

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ И ТИПОЛОГИИ

Речевая агрессия, являясь одним из наиболее интенсивно изучаемых феноменов на стыке лингвистики, психологии и социологии, привлекает внимание научного сообщества благодаря своей значимости для понимания механизмов человеческого взаимодействия. В обширном массиве научной литературы представлено многообразие трактовок данного понятия, каждая из которых отражает специфику авторского подхода к его интерпретации и анализу. Эти подходы варьируются от тех, что фокусируются на лексико-

семантических, прагматических и стилистических аспектах, и до психологических, рассматривающих речевую агрессию как проявление личностных черт, мотиваций и эмоциональных состояний, а также социально-психологических и культурологических.

Разнообразие существующих дефиниций свидетельствует как о сложности самого явления, так и о его многогранности. Одни исследователи акцентируют внимание на интенции - намерении причинить вред, унижить, оскорбить собеседника. Другие делают упор на форме выражения - наличии в речи оскорбительных выражений, угроз. Третьи рассматривают речевую агрессию в более широком контексте, включая сюда и пассивные формы, такие как сарказм, ирония или же намеренное замалчивание и игнорирование.

В общепринятом понимании речевая агрессия определяется как форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом.

Согласно стилистическому словарю, речевая агрессия - использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности, манеры речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство. К.Ф. Седов считает, что речевая агрессия — это целенаправленное коммуникативное действие, ориентирование на то, чтобы вызывать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия [4, с.23]. А вот Л.В. Енина считает иначе, по ее мнению, речевая агрессия является сферой речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего [4, с.55].

Здесь же стоит отметить, что взаимосвязь между внутренним психологическим состоянием индивида и его внешним речевым поведением является одним из фундаментальных аспектов современной лингвopsихологии. Когда речевая агрессия принимает эксплицитные формы, т.е. проявляется открыто - этот психологический феномен находит прямое отражение в выборе определённых языковых и речевых средств [3]. Эти средства могут включать в себя прямые оскорбления, угрозы, которые носят явный характер и направлены на нанесение психологического ущерба адресату. Такой выбор лексики, синтаксических конструкций и интонационных особенностей свидетельствует о непосредственном проявлении агрессивных установок и намерений говорящего.

Но речевая агрессия не всегда проявляется столь открыто. Существуют её имплицитные формы, которые характеризуются скрытым, завуалированным характером. В этом случае психологический феномен, лежащий в основе агрессивного поведения, трансформируется и маскируется, что делает его выявление и интерпретацию более сложными. «Вербальная агрессия является частым явлением во всех сферах общественной жизни (в учебном заведении, семье, дружеской компании и др.), представляя собой насущную социальную проблему [2, с.122].

Необходимо различать два аспекта понимания речевой агрессии:

— в узком (речевая агрессия представляет собой форму речевого поведения, специально направленную на оскорбление или преднамеренное причинение вреда);

— в широком смысле (речевая агрессия рассматривается как нарушение речевого паритета - нарушение этических норм общения, которое может проявляться в различных формах манипулятивного воздействия, дискредитации и унижения).

Ключевой характеристикой речевой агрессии является её деструктивное воздействие на адресата, которое имеет продолжительное воздействие. Вербальная агрессивность, наносящая удар по самооценке человека, может иметь долгосрочные последствия, преследуя индивида на протяжении значительной части его жизненного пути. Данный тезис подтверждается многочисленными эмпирическими исследованиями.

Существует несколько классификаций речевой агрессии. Наиболее распространенной является классификация американского психолога А. Басса, который выделяет три параметра: 1. Физическая или вербальная агрессия – насильственные действия или употребление в речи определённых языковых средств; 2. Активная или пассивная агрессия – прямое воздействие или косвенное влияние (бездействие, игнорирование); 3. Прямая или не прямая (косвенная) агрессия – направлена ли агрессия непосредственно на объект или осуществляется опосредованно.

Комбинируя три ключевых параметра, можно выделить восемь основных типов агрессивного поведения. В контексте речевой агрессии выделяются следующие категории:

— прямая активная речевая агрессия (характеризуется прямыми оскорблениями, унижениями, сарказмом и попытками принизить собеседника, а также публичным унижением достоинства);

— не прямая активная речевая агрессия (проявляется в распространении ложной информации, клеветы или сплетен об объекте агрессии и агрессор не вступает в прямой контакт с жертвой, но осуществляет негативные действия в отношении нее);

— прямая пассивная речевая агрессия (заключается не столько в вербальных действиях, сколько в поведении и отношении к адресату, в основном, она включает в себя игнорирование собеседника и демонстрацию отрицания чувств);

— не прямая пассивная речевая агрессия (реализуется через отказ в помощи, уклонение от ответственности, минимизацию коммуникации) [1].

Резюмируя, можно отметить, что данный феномен представляет собой сложное явление, характеризующееся деструктивной направленностью и негативным воздействием на адресата. Его проявления варьируются от эксплицитных форм, таких как прямые оскорбления, угрозы и унижения, до имплицитных форм, включающих тонкие манипуляции, сарказм, намёки и пассивное сопротивление, где деструктивное содержание скрыто и требует интерпретации. Ключевым аспектом, объединяющим все формы речевой агрессии, является её разрушительный потенциал, особенно в отношении самооценки адресата.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Булгакова Н.Е. Словесные ярлыки как средство языкового насилия : на материале российского политического дискурса XX – начала XI века : автореферат дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / Н. Е. Булгакова; [Место защиты: Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова]. — Абакан, 2013. — 22 с.
2. Внуковская, А. В. Вербальная агрессия и насилие как лингвосоциальная проблема / А. В. Внуковская, К. З. Киржинов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2022. – № 22-2. – С. 121-122. – EDN HPQUQX.
3. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: Коммуникативно-дискурсивный подход: автореферат дис. ... д-ра филолог. наук: 10.02.19 / Челяб. гос. ун-т. — Челябинск, 2006. — 43 с.
4. Месропян, Л. М. Речевое агрессивное манипулирование как вид речевого воздействия / Л. М. Месропян. – Ростов-на-Дону : Дониздат, 2017. – 133 с. – ISBN 978-5-86216-117-5. – EDN VWKCMR.

УДК 343.1

Коломыцина Е.А., курсант 3 курса
Уральского юридического института МВД России
Научный руководитель –
старший преподаватель кафедры
конституционного права, административного права
и административной деятельности органов внутренних дел
Д.А. Кошелев

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Незаконная миграция, понятие, которое обрело свою популярность в связи с процессом глобализации. Законодательство Российской Федерации регулирует все аспекты миграционной политики, включая порядок въезда и выезда иностранных граждан, а также основания для их пребывания в нашей стране. Как свидетельствует практика, большинство иностранцев прибывает в Россию с целью трудоустройства, однако существуют и другие причины — как законные, так и противоправные, вплоть до совершения тяжких и особо тяжких преступлений, включая проявления терроризма и экстремизма [1, с. 14]. Процедура привлечения иностранных работников также детально регламентирована, что позволяет не допускать незаконного пребывания в стране трудовых мигрантов, находящихся в международном розыске, страдающих опасными заболеваниями, а также иных лиц, чье нахождение на территории

России является нежелательным. Тем не менее недобросовестные предприниматели ради получения выгоды и уклонения от налогов в особо крупных размерах нередко предпринимают попытки организовать незаконный въезд иностранцев с их последующим трудоустройством. Организация незаконной миграции, как форма преступной деятельности, наносит ущерб не только государству, но и обществу в целом. В Российской Федерации данная проблема особенно актуальна, учитывая её географическое положение и экономическую привлекательность для мигрантов. Уголовное законодательство, регулирующее ответственность за организацию незаконной миграции, играет ключевую роль в противодействии этим вызовам. Однако практика применения статьи 322.1 УК РФ выявляет ряд правовых и организационных проблем, требующих глубокого анализа.

Преступление «Организация незаконной миграции» охватывает действия, направленные на нарушение установленного порядка въезда, пребывания или транзита иностранных граждан на территории Российской Федерации.

Объект преступления играет важную роль в его квалификации, так как именно он позволяет определить, какие общественные отношения были нарушены. В случае статьи 322.1 УК РФ — это отношения, регулирующие законность миграции.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного статьей 322.1 УК РФ, выступают общественные отношения, урегулированные миграционным законодательством, а именно те, что касаются законного порядка въезда иностранных граждан и лиц без гражданства в Российскую Федерацию, их пребывания на территории страны, а также транзитного проезда через неё.

Объект преступления в данном случае – это нечто, существующее не в физическом, а в идеальном мире. Материальная форма этого объекта проявляется в его предмете. Нельзя считать незаконного мигранта предметом этого преступления. Однако, если преступление совершается путем фальсификации документов или внесения в них ложных сведений, то помимо основного объекта, вред наносится и дополнительным, указанным ранее. В этом случае предметом преступления становится сам поддельный или содержащий ложные сведения документ.

Объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 322.1 УК РФ, выражается в активных действиях, направленных на организацию незаконной миграции. В ход идут поддельные удостоверения личности, фиктивные браки, фальшивые трудовые контракты, а также прокладывание нелегальных маршрутов пересечения границы. Активное использование злоумышленниками современных средств связи — мессенджеров и социальных сетей — существенно затрудняет их обнаружение правоохранными органами.

Уяснение смысла термина «организация», использованного в статье 322.1 УК РФ, является исходной точкой для характеристики действий, перечисленных в её диспозиции. Под организацией незаконной миграции закон понимает умышленное создание условий — например, путём внесения заведомо ложных

сведений в документы или отыскания способов обхода пунктов пограничного контроля, — которые позволяют одному или нескольким иностранным гражданам либо лицам без гражданства осуществить незаконный въезд на территорию России (то есть пересечение государственной границы вопреки существующему запрету на въезд, без необходимых документов или в нарушение обязанности покинуть страну), незаконно находиться на российской территории, следовать через неё транзитом в другое государство без требуемых для этого оснований, а также въезжать в Российскую Федерацию по туристическим визам с намерением использовать её территорию как перевалочный пункт для последующей нелегальной миграции в иные страны¹.

Чтобы раскрыть содержание организации незаконного въезда, необходимо сначала определить, что представляет собой законный въезд для иностранных граждан и лиц без гражданства. Правила въезда иностранцев регламентируются совокупностью взаимосвязанных норм как федерального законодательства, так и международных соглашений. В частности, статья 6 закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» предъявляет к порядку въезда следующие требования: при пересечении российской границы иностранные граждане или лица без гражданства обязаны предоставить действительные документы, удостоверяющие личность и признаваемые Россией в данном качестве, а также визу, если иной порядок не предусмотрен международными договорами Российской Федерации, самим Федеральным законом либо указами Президента Российской Федерации. Лица без гражданства въезжают в страну и покидают её по правилам, установленным названным Федеральным законом для иностранных граждан, за исключением случаев, когда иное определено международными договорами, данным Федеральным законом, иными федеральными законами или президентскими указами².

Законность нахождения иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации обусловлена соблюдением ими установленных правил регистрации, передвижения и выбора места жительства, а также своевременным выездом из страны по окончании разрешённого срока пребывания.

Понятие транзитного проезда не раскрыто законодателем в нормативно-правовых актах [6, с. 42]. Однако, исследуя научную литературу можно сделать вывод о том, что транзитный проезд по территории РФ обычно осуществляется без права на остановку при наличии визы на въезд в сопредельное с РФ государство, действительных для выезда из РФ проездных билетов и т.д.

В контексте статьи 322.1 УК РФ субъективная сторона включает в себя умысел, с которым организуются действия, направленные на незаконную

¹ О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18 [Электронный ресурс]. URL: <https://study.garant.ru>

² О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://study.garant.ru>

миграцию. Это понимание позволяет определить, осознавал ли организатор противоправность своих действий и стремился ли он к наступлению определённых последствий. Согласно разъяснению, содержащемуся в пункте 7 Постановления Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией», вина в совершении преступления, предусмотренного статьей 322.1 УК РФ, характеризуется исключительно умышленной формой, то есть лицо осознанно выполняет действия, образующие объективную сторону данного деяния¹.

Организаторы незаконной миграции, как правило, действуют из корыстных побуждений, стремясь к получению материальной выгоды. Их мотивом является извлечение прибыли за счет нелегальных услуг, включая незаконное пересечение границы, оформление фиктивной регистрации и нелегальное трудоустройство мигрантов. Квалификация организации незаконной миграции может зависеть от цели, с которой она совершается. Если целью является совершение преступления на территории России, то это влечет за собой более строгое наказание в соответствии с частью 2 статьи 322.1 УК РФ.

Субъектом преступления, предусмотренного статьей 322.1 УК РФ, является физическое лицо, которое совершает действия, направленные на организацию незаконной миграции. Любому субъекту присущи такие общие признаки, как возраст уголовной ответственности, физическая природа лица и вменяемость. Возраст субъекта, организующего незаконную миграцию, определяется общим правилом, установленным частью первой статьи 20 УК РФ. Второе важное условие для признания лица субъектом преступления – его физическая природа. По статье 322.1 УК РФ субъектом может быть как один человек, так и группа лиц, действующих сообща. Третьим обязательным признаком выделяется вменяемость. Вменяемость характеризуется возможностью лица в момент совершения противоправного деяния понимать суть и опасность своих действий, контролировать свое поведение и, как следствие, нести ответственность за содеянное. Субъект играет ключевую роль в организации незаконной миграции, так как именно он осуществляет действия, направленные на нарушение миграционного законодательства.

Социальные последствия организации незаконной миграции включают рост преступности, увеличение социальной напряженности и ухудшение экономической ситуации [9, с. 217]. Правовая оценка данного преступления подчёркивает необходимость усиления мер противодействия и повышения эффективности правоприменительной практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

¹ О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18 [Электронный ресурс]. URL: <https://study.garant.ru>

1. Агаев Г. А. Современное состояние уголовного законодательства Российской Федерации об ответственности за организацию незаконной миграции / Г. А. Агаев // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 12-16.
2. Бастрыкин А. И. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / А. И. Бастрыкин. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 468 с.
3. Данилов А. С. Уголовная ответственность за организацию незаконной миграции и негативные последствия / А. С. Данилов // Мировая наука. – 2019. – № 4(25). – С. 263-266.
4. Киселева Е. В. О классификации источников международно-правового регулирования миграции / Е. В. Киселева // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 1. – С. 27-37.
5. Корешкова А. А. Проблемы уголовной ответственности за организацию нелегальной миграции / А. А. Корешкова // Актуальные проблемы науки в исследованиях студентов, ученых, практиков: Сборник научных статей по результатам Международной научно-практической конференции. – Ижевск: Ижевский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2023. – С. 907-911.
6. Никишова П. М. Некоторые проблемы уголовной ответственности за организацию незаконной миграции / П. М. Никишова // Legal Bulletin. – 2019. – № 3. – С. 40-43.
7. Подройкина И. А. Ответственность за организацию незаконной миграции в уголовном законодательстве стран ЕАЭС / И. А. Подройкина // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 7(108). – С. 45-50.
8. Рарог А. И. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / А. И. Рарог. – 4-е изд. – Москва: Эксмо, 2010. – 704 с.
9. Садчикова Д. Н. К вопросу совершенствования уголовной ответственности за организацию незаконной миграции / Д. Н. Садчикова // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Саратов: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2018. – С. 215-217.
10. Филашов Е. В. Понятие миграции, незаконной миграции и борьбы с незаконной миграцией / Е. В. Филашов // Образование и право. – 2020. – № 3. – С. 160-163.

УДК 343.9

Корольков О.А., курсант 1 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
старший преподаватель кафедры информационных технологий
А.С. Тюменцева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АНАЛИЗЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ

Внедрение алгоритмов машинного обучения в процессуальный анализ доказательств устраняет физический предел ручной обработки цифровых следов, формирующихся в информационных системах.

Нейросетевые архитектуры структурируют неформализованные массивы, выявляют латентные корреляции и проводят первичную проверку аутентичности материалов. Трансформерные модели обрабатывают текстовые документы, протоколы допросов и электронную переписку, выявляя семантические противоречия через механизм само-внимания, который учитывает контекстуальные связи на разных уровнях абстракции [3, с. 154]. В исследовании (Костенко, Ильяшенко, 2025) подчеркивается, что алгоритмы на основе глубоких нейронных сетей классифицируют доказательства по видам и выделяют значимые признаки, формируя многоуровневую картину взаимосвязей без прямого участия оператора [3]. Графовый анализ и байесовские сети строят вероятностные модели, где достоверность показаний свидетеля оценивается условно, с учетом вещественных доказательств и заключений экспертов, что имитирует логику человеческого мышления с математической точностью [3, с. 154].

Система COMPAS в США фокусируется на досудебном профилировании рецидивных рисков и структурировании процессуальных данных, тогда как китайская платформа «206 System» интегрирована непосредственно в судебный контур для автоматизированной проверки соответствия материалов дела единым процессуальным шаблонам [3, с. 155]. Различие заключается в целеполагании: американский алгоритм работает в рамках досудебного управления рисками, китайский – напрямую верифицирует доказательственную базу на стадии предварительного расследования и судебного контроля.

Компьютерное зрение решает задачи идентификации, отслеживания перемещений и обнаружения артефактов монтажа. В исследовании (Абдурахимов и др., 2025) продемонстрировано применение алгоритмов

Isolation Forest и Anomaly Transformer для детекции аномалий в IoT-экосистемах умных домов, где модель вычисляет процентную вероятность связи события с правонарушением на основе корреляции временных рядов и отклонений от нормативного поведения пользователя [1, с. 589-591].

Результаты ИИ-анализа не подпадают под прямое регулирование статей 74, 87, 88 УПК РФ, что создает правовую неопределенность при оценке их допустимости и достоверности. Закон требует законности получения фактических данных, но не устанавливает критериев проверки алгоритмических выводов. В современной юридической практике возникает проблема использования доказательств, полученных с помощью искусственного интеллекта. Как указывает А.А. Калиев, отсутствие в законодательстве отдельной категории ИИ-доказательств приводит к тому, что суды нередко отклоняют такие материалы. Причина в следующем: если невозможно воспроизвести логику работы модели или проверить исходные данные, на которых она обучалась, суд не может принять их в качестве допустимых доказательств [4, с. 78].

Россинская и её соавторы обращают внимание на ещё один важный аспект: несмотря на использование самообучающихся систем, ответственность за итоговые выводы по-прежнему лежит на эксперте. Однако из-за принципа «чёрного ящика» эксперт не всегда способен исчерпывающе объяснить, как именно был получен тот или иной результат [2, с. 35-36].

Костенко и Ильяшенко предлагают принципиально иной подход: вместо традиционной модели внутреннего убеждения субъекта доказывания они выступают за внедрение объективизированной алгоритмической оценки. В рамках этой концепции каждый этап анализа должен фиксироваться и подлежать верификации [3, с. 153-155].

Таким образом, в научной среде нет единого мнения по этому вопросу. Калиев считает, что ИИ должен выполнять вспомогательную функцию, а его выводы – проходить обязательную экспертную легализацию. Костенко и Ильяшенко, напротив, рассматривают алгоритмы как самостоятельный инструмент оценки, который требует лишь финального человеческого контроля. Внедрение интеллектуальных систем на досудебной стадии сокращает время обработки цифровых носителей и снижает долю рутинных операций. Абдурахимов и соавторы приводят данные экспериментов с эмулированными базами данных умных домов: алгоритмы выявляют аномальные последовательности с точностью, достаточной для формирования первоначальной доказательной гипотезы, однако финальное решение принимает криминалист после проверки полноты коррелированных сведений и соответствия результата заданному специалисту порогу [1, с. 591-592]. Применение NLP-моделей для анализа больших массивов текстовых доказательств ускоряет поиск противоречий, но сталкивается с ограничением качества обучающей выборки. Как указывает Россинская и соавторы, системы успешно справляются с регистрацией и обработкой больших массивов данных, однако их область применения ограничена из-за отсутствия научно

обоснованных методик, прошедших апробацию в экспертных подразделениях [2, с. 36-37]. Технические ограничения включают зависимость от чистоты исходных данных, отсутствие единых стандартов верификации и высокую вычислительную стоимость развертывания локальных моделей для соблюдения конфиденциальности следственных материалов.

Британская система HART (Harm Assessment Risk Tool) применяется полицией для предварительной оценки доказательств при принятии процессуальных решений, тогда как российский пилотный проект «Семантика» (МВД) направлен на выявление серийных преступлений через обработку больших данных и прогнозирование расстояния от места преступления до места жительства подозреваемого [2, с. 31; 3, с. 155]. Британский инструмент интегрирован в оперативную работу полиции с акцентом на оценку рисков и распределение ресурсов, российский комплекс функционирует в следственном контуре, фокусируясь на установлении связей между эпизодами и профилировании преступников.

Проблема непрозрачности алгоритмов требует обязательной алгоритмической экспертизы. Калиев формулирует необходимость создания национального реестра сертифицированных программных средств, допущенных к производству следственных действий, с обязательным отражением параметров обучения, выборки и логики анализа в экспертных заключениях [4, с. 80-81]. Верификация результатов невозможна без доступа к архитектуре модели и тестовым наборам данных, что конфликтует с коммерческой тайной разработчиков. Костенко и Ильяшенко предлагают поэтапный переход к алгоритмической оценке, где на первом этапе ИИ выступает вспомогательным инструментом, а на заключительном – сохраняет за человеком функцию финального контроля [3, с. 155]. Гарантии прав участников процесса требуют законодательного закрепления права защиты на независимую проверку исходного кода, обучающих данных и весовых коэффициентов модели, использованной следствием. Недостаток данных по конкретным судебным делам, где алгоритмическое заключение было признано недопустимым именно из-за нарушения прав на защиту, указывает на скрытый характер проблемы: стороны редко обладают технической экспертизой для оспаривания цифровых выводов, а суды запрашивают разъяснения логики вывода лишь формально.

Интеграция ИИ в анализ доказательственной базы трансформирует методологию доказывания, смещая фокус с интуитивного внутреннего убеждения на верифицируемый алгоритмический расчет. Для легализации результатов необходимо внести изменения в УПК РФ: определить статус ИИ-выводов как вспомогательных процессуальных материалов, требующих обязательной экспертной верификации, и закрепить критерии их допустимости (воспроизводимость, прозрачность архитектуры, независимая сертификация). Ведомственные стандарты должны регламентировать процедуры обучения моделей, контроля качества данных и описания алгоритмической логики в заключениях. Перспективы развития института связаны с созданием межведомственного центра алгоритмической экспертизы, внедрением

требований и гармонизацией национальных норм с международными стандартами прозрачности ИИ. Без законодательного закрепления процессуальных гарантий использование нейросетей останется инструментом с непрогнозируемым правовым риском.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абдурахимов Б.Ф., Алланов О.М., Юлдашева Н.С., Янгазова-Курмаева М.Р. Применение искусственного интеллекта для формирования доказательной базы преступлений в умных домах // Экономика и социум. 2025. № 10(136)-1. С. 586-594.
2. Россинская Е.Р., Неретина Н.С., Чубина Е.А. и др. Современное состояние и перспективы развития машинного обучения и искусственного интеллекта для решения задач судебно-экспертной деятельности: Аналитический доклад. М.: МГЮА.
3. Костенко Р.В., Ильяшенко А.Н. Искусственный интеллект в оценке доказательств по уголовным делам: от внутреннего убеждения к объективизированной алгоритмической оценке // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 3. С. 152-157.
4. Калиев А.А. Искусственный интеллект в криминалистике: доказательственные перспективы и риски манипуляции // Право и государство. 2025. № 4(109). С. 76-82.

УДК 343.3/.7

Коротовская А.Г., курсант 2 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры уголовного права и криминологии
кандидат юридических наук, доцент, И.А. Фомина

ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА СБЫТ И ХРАНЕНИЕ НАРКОТИКОВ В КРУПНОМ РАЗМЕРЕ

Современная наркопреступность приобретает все более изощренные формы, и одним из наиболее тревожных трендов является активное вовлечение в незаконный оборот наркотиков несовершеннолетних. Подростки, в силу возрастных психологических особенностей, недостатка жизненного опыта и стремления к быстрому заработку, все чаще становятся исполнителями тяжких и особо тяжких преступлений, связанных со сбытом и хранением наркотических средств в крупном и особо крупном размерах. Это ставит перед правовой системой сложнейшую дилемму: как применить принцип неотвратимости наказания, не

разрушив будущее ребенка, и в то же время как обеспечить адекватность ответственности степени общественной опасности деяния.

Анализ правоприменительной практики показывает, что субъективная сторона преступлений у несовершеннолетних и взрослых наркодилеров существенно различается. Зачастую подросток выполняет роль «закладчика» или «курьера», действуя под контролем организаторов, которые остаются в тени. Как справедливо отмечает С. В. Гончарова, подростки как субъекты наркопреступлений нередко являются жертвами манипуляции, не осознавая в полной мере отдаленных последствий своих действий [2, с. 121].

С другой стороны, добровольное хранение крупных партий наркотиков с целью последующего сбыта свидетельствует о высокой степени криминальной активности и устойчивости противоправного поведения. Именно здесь возникает главная проблема дифференциации: уголовный закон часто не делает четкой грани между «пешкой» в руках взрослых организаторов и осознанным дилером-подростком.

Согласно общему правилу, уголовная ответственность за сбыт и хранение наркотиков в крупном размере (ст. 228.1 УК РФ) наступает с 16 лет. Однако, как указывает А. И. Бельский, вопрос о снижении или, напротив, повышении возрастного порога для отдельных категорий наркопреступлений остается дискуссионным [1, с. 101]. Многие подростки в 14–15 лет уже обладают достаточным интеллектуальным уровнем, чтобы осознавать общественную опасность своих действий, однако юридически они не могут быть привлечены к ответственности за сбыт. Это создает пробел, который организаторы преступных схем активно используют, нанимая максимально юных исполнителей.

Обратная сторона проблемы – случаи, когда несовершеннолетний, достигший 16 лет, формально подлежит наказанию за хранение крупного размера, но его личностное развитие отстает от паспортного возраста. Суды в таких ситуациях вынуждены балансировать между санкцией статьи (которая предусматривает до 10 лет лишения свободы за хранение в крупном размере) и принципами гуманизма.

Современное уголовное законодательство предлагает для несовершеннолетних специальные виды наказаний, такие как обязательные и исправительные работы, ограничение свободы, а также принудительные меры воспитательного воздействия. Однако, как верно подмечает А. Д. Казанцев, эти механизмы часто оказываются малоэффективными применительно к сбыту и хранению наркотиков в крупном размере [3, с. 255]. Воспитательные беседы и даже направление в спецшколу закрытого типа выглядят несопоставимо мягкими по сравнению с деянием, которое рушит жизни десятков людей.

Попытки «автоматически» применять к подросткам те же строгие меры, что и к взрослым, противоречат международным принципам правосудия в отношении несовершеннолетних [4, с. 41]. С. Х. Кужугет справедливо связывает рост наркопреступности среди подростков с комплексом детерминант: социальное неблагополучие, доступность наркотиков в интернете, а также кризис института

семьи и досуга [5, с. 523]. Пока эти причины не устранены, любая система наказаний будет работать как «скорая помощь», а не как профилактика.

В качестве наглядной иллюстрации проблемы дифференциации можно привести приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от октября 2025 года в отношении несовершеннолетнего А. Несовершеннолетний А., действуя в составе группы лиц по предварительному сговору, через сеть «Интернет» осуществлял незаконный сбыт наркотических средств, выполняя роль «закладчика». После того как он поместил свертки с запрещенными веществами в тайники, он был задержан сотрудниками полиции, при личном досмотре у него было обнаружено и изъято 20 свертков с наркотиками. Суд переквалифицировал действия несовершеннолетнего на покушение на незаконный сбыт (ч. 3 ст. 30 УК РФ) по соответствующим частям ст. 228.1 УК РФ. Как итог, суд назначил А. наказание в виде 5 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима. Даже несовершеннолетний закладчик при смягчающих обстоятельствах получает реальный длительный срок, тогда как организаторы преступной схемы нередко остаются неустановленными.

Законодатель в рамках ст. 228 и 228.1 УК РФ не всегда учитывает, что хранение наркотиков в крупном размере без цели сбыта и транзакционный сбыт (например, через интернет-магазины) имеют разную социальную нагрузку. Для подростка, оказавшегося в зависимой среде, факт длительного хранения крупной партии – это зачастую результат постепенного втягивания, тогда как для «закладчика» – это осознанная коммерческая деятельность. Как отмечается в криминологических исследованиях, отсутствие в законе четких критериев, позволяющих суду учитывать именно мотив и способ вовлечения несовершеннолетнего в наркооборот, приводит к унификации приговоров: и жертва манипуляции, и корыстный дилер получают сопоставимые сроки. Это не только не решает проблему рецидива, но и формирует у подростка убеждение в несправедливости системы, что полностью нивелирует воспитательную функцию уголовного наказания.

Выход из сложившейся ситуации видится в создании гибкой двухуровневой системы дифференциации. Первый уровень – разделение на «ситуативных» и «злостных» наркопреступников из числа несовершеннолетних. Второй уровень – введение специального правового механизма, позволяющего суду назначать не просто более мягкое наказание, а комплексную программу ресоциализации для тех, кто впервые совершил тяжкое наркопреступление под влиянием извне. Однако для тех, кто систематически и осознанно занимается сбытом в крупном размере, наказание должно быть неотвратимым и достаточно строгим – но с отбыванием в воспитательных колониях с усиленным психолого-педагогическим сопровождением, а не в обычных тюрьмах для взрослых.

Проблема дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних за сбыт и хранение наркотиков в крупном размере не имеет простых решений. Формальный подход («преступление – наказание по максимуму») разрушает судьбы детей. Чрезмерная либерализация («он же ребенок») порождает чувство вседозволенности и привлекает в наркобизнес все

новые волны подростков. Необходим взвешенный подход, основанный на глубоком изучении личности каждого обвиняемого, разделении ролей и степени вины, а также на приоритете воспитания и ресоциализации там, где это возможно. Только сочетание жесткости по отношению к организаторам, использующим детей, и гибкости по отношению к самим несовершеннолетним исполнителям, способно переломить негативную динамику и защитить будущее поколение от наркоугрозы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бельский А. И. К вопросу о возрасте уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков // Проблемы развития международного сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и противодействие наркомании : сборник материалов Международной конференции, Белгород, 26 ноября 2021 года. Белгород: Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И.Д. Путилина, 2022. С. 101-105.
2. Гончарова С. В. Подростки как субъекты наркопреступлений // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты : Материалы Международного научно-практического семинара, Красноярск, 09 апреля 2021 года. Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 121-124.
3. Казанцев А. Д. Основные проблемы привлечения несовершеннолетних лиц к уголовной ответственности за совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Право, экономика и управление: теория и практика : Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 12 мая 2022 года. Чебоксары: Среда, 2022. С. 255-257.
4. Косенко А. А. О некоторых вопросах ужесточения ответственности несовершеннолетних // Актуальные вопросы теории и практики применения административного, административно-деликтного и административно-процессуального законодательства в правоохранительной деятельности : Сборник статей международной заочной научно-практической конференции, Могилев, 26 мая 2023 года. Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2023. С. 41-45.
5. Кужугет С. Х. К вопросу о детерминантах наркопреступности несовершеннолетних // Аллея науки. 2021. Т. 1, № 4(55). С. 523-526.

УДК 343.98

Котова С.И., курсант 4 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент, О.В. Трубкина

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННОЙ ВЫРУБКОЙ ЛЕСА

В настоящее время наблюдается тенденция активного использования информационных технологий для повышения эффективности расследования уголовных дел различных категорий. Используются как уже существующие технологии, которые адаптируются специалистами под работу правоохранительных органов, так и создаются специализированные. Как отмечает в своей работе Н.С. Делов, информационные технологии являются одним из центральных продуктов человечества, который затрагивает все сферы жизни общества [1, с 70]. Информационные технологии, являясь неотъемлемой частью криминалистики, применяются при расследовании практически всех преступлений, приобретая особую значимость в установлении обстоятельств киберпреступлений, хищений посредством сети «Интернет», распространения запрещенных веществ и аналогичных по способу деяний, а также тяжких, чаще высокоорганизованных преступлений, где данные технологии используются для реализации оперативных задач раскрытия.

Однако, сегодня, в связи с их активным развитием, сферы криминалистического применения информационных технологий должны расширяться, согласно потребностям практики правоохранительных органов. Так, при безусловно значимом точечном применении информационных технологий высокую актуальность приобретает альтернатива использования их возможностей при раскрытии и расследовании преступлений, охватывающих значительную территорию, сохранность которой нуждается в постоянном контроле, например, при борьбе с экологическими преступлениями.

Начиная с 1997 года, на территории Российской Федерации количество экологических преступлений начинает стремительно расти. Так, например, в 90-е годы было выявлено нескольких сотен таких деяний, в 2004 году их было

зарегистрировано 30,6 тысяч. При безусловно активной борьбе государства с данным видом преступности, сегодня происходит некоторое снижение их количества: в 2025 году зарегистрировано 11,4 тысяч, что на 16,1 % меньше, чем в прошлом году. Существенное число среди них занимает предусмотренная статей 260 Уголовного кодекса РФ «Незаконная рубка лесных насаждений», особенно актуальная для Иркутской области и иных регионов, богатых древесиной¹. При снижении выявления, в частности, в 2024 году, почти на треть, дистанционный мониторинг выявляет тысячи нарушений заготовки древесины², что свидетельствует о значительной латентности преступлений.

А. И. Байханов отмечает, что основной информационной системой в сфере лесничества является Единая автоматизированная система учета древесины и сделок по ней [2, с 35]. Данная система создана с целью контроля оборота древесины от заготовителя до потребителя. Однако, в современном обществе создаются модернизированные информационные технологии, использование которых может способствовать эффективному раскрытию и расследованию преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений.

Так, например, следует проанализировать возможности применения в данной связи космического мониторинга. Ежедневное сканирование территорий спутниками позволяет зафиксировать изменения лесного покрова, возникновение пожара, а также сам факт незаконной рубки, благодаря использованию оптических и радарных снимков предоставляется возможность прослеживать изменения через облака и иные природные барьеры. По данным Минприроды России на 2023 год, дистанционное зондирование Земли помогло снизить количество лесных преступлений на 71 % [5].³

Следующей востребованной областью информационных технологий является искусственный интеллект (далее – ИИ). Алгоритмы ИИ автоматически обрабатывают большие массивы данных, что позволяет выявлять незаконные рубки в более короткие сроки, в отличие от человека. Нейросети способны отличать естественные изменения в природе от рубки с применением специальной техники, а также распознавать появление новых лесных дорог и подозрительных участков. Помимо вышеперечисленных преимуществ, некоторые эксперты утверждают, что ИИ способен обработать значительное количество снимков с места осуществления незаконной рубки за пару минут, в сравнении с человеком, у которого данная процедура может занимать несколько часов.

Беспилотные летательные аппараты используются для оперативного обследования труднодоступных участков. Данные технологии, по сравнению с человеческими силами, способны за короткий промежуток времени охватить

¹Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 25.04.2026).

² В РФ на 32 % сократился объем незаконной рубки лесов в 2024 году. Экономика и бизнес. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23015833> (дата обращения: 26.04.2026).

³ Космические технологии на страже леса. Министерство природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии. URL: <https://priroda.permkrai.ru/novosti/?id=328042> (дата обращения: 27.04.2026.)

значительный масштаб территории. Также с помощью беспилотных летательных аппаратов точные площади вырубки, пни и техника фиксируются путем фото и видео, которые в последующем могут являться доказательной базой.

Следующим элементом является акустический мониторинг. Основной целью акустического мониторинга является непрерывное измерение, анализ, а также контроль звуковых сигналов. Применение данного мониторинга в сфере незаконной рубки лесных насаждений заключается в сокрытии в кронах деревьев датчиков, которые фиксируют звуки бензопилы, специальной техники и незамедлительно оповещают сотрудников лесничества. Таким образом, результаты данного мониторинга способствуют своевременному выявлению факта незаконной рубки.

Таким образом, применение информационных технологий при расследовании незаконной рубки лесных насаждений включает в себя несколько основных признаков: оперативность, благодаря которой получение данных в реальном времени позволяет правоохранительным органам быстрее реагировать на нарушения; объективность, например, спутниковые снимки или съемки с дронов будут служить неопровержимыми доказательствами в уголовном деле; снижение человеческого фактора, в следствии применения информационных технологий снижается вероятность коррупционного составляющего, а также ошибок при проверке и осмотре лесной территории; профилактика, мониторинг помогает выявлять преступления на стадии подготовки, чем снижает шанс его реализации. С. И. Усачев утверждает, что именно интеграция современных технологий позволит правоохранительным органам вывести результаты своей деятельности на качественно новый уровень [3, с 94]. Как верно указывают О.П. Грибунов и «...активное внедрение информационных технологий и искусственного интеллекта в сферу лесопромышленного комплекса создает необходимость в адаптации существующей системы противодействия незаконному обороту леса, ... наделяя правоохранительные органы возможностью своевременно выявлять и реагировать на факты незаконных рубок лесных насаждений [4, с 153].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Делов Н. С. перспективы использования информационных технологий для раскрытия и расследования преступлений // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. 2023. С 70-77.
2. Байханов А. И. О проблемах применения современных технологий в предупреждении незаконной рубки лесных насаждений // Криминологический журнал. 2022. № 4. С 34-36.
3. Усачев С. И. Интеграция больших языковых моделей (LLM) в криминалистику // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3(25). С 93-101.
4. Грибунов О. П., Косых В. А. Информационные технологии в системе противодействия незаконному обороту леса // Вестник Восточно-Сибирского

института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 143–156.

УДК 343.2

Кулаков М.С., слушатель 4 курса Рязанского филиала
Московского университета МВД России имени В.Я Кикотя
Научный руководитель –
преподаватель кафедры оперативно-разыскной
деятельности Д.Ю. Чубрин

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Современное уголовное законодательство Российской Федерации характеризуется высокой динамикой внесения изменений, только за период с 1 ноября 2024 по 1 декабря 2025 года было принято множество изменений [1, с. 38], что создаёт как возможности для совершенствования, так несёт и риски нестабильности правоприменения уголовного закона. Практически за три десятка лет в уголовное законодательство вносилось множество изменений, поправок и дополнений в результате одобрения и принятия федеральных законов, вследствие чего добавлялись новые статьи, а отработанные нормы уголовного закона признавались устаревшими и исключались. Если, к примеру, сравнивать с частью первой Гражданского кодекса Российской Федерации, то изменения, которые вносились в УК РФ превышают примерно в три раза [2, с. 204].

Вместе с тем, нарастали и актуальные проблемы уголовного права, которые чаще всего подразумевают собой вопросы, связанные с квалификацией совершенного преступления, применения или назначения наказания. Вносимые в УК РФ изменения порождают научные дискуссии и ставят перед правоприменителем очередные вопросы квалификации, в некоторых случаях решение которых осложняется предлагаемым Верховным Судом Российской Федерации толкованием рассматриваемых норм [3, с. 216]. В реальной действительности встречаются проблемные случаи квалификации, например: ранее судимое лицо совершило попытку вновь совершить преступное деяние, квартирную кражу, разбойное нападение или причинение тяжкого вреда здоровью, но было своевременно задержано сотрудниками полиции или очевидцами попытки совершения антиобщественного деяния. Казалось бы, типичная ситуация, но даже при таком складывании обстоятельств возникает сложность квалификации и назначении наказания. Статья 66 Уголовного кодекса

Российской Федерации (далее УК РФ), трактует, что срок или размер наказания за приготовление или покушение на преступление не может превышать размера наиболее строгого вида наказания, а также трех четвертей максимального срока, предусмотренного данной статьей¹. Но вместе с тем, данная норма УК РФ не является заключительной. Стоит обратить внимание на статью 68 УК РФ, которая трактует, что наказание ранее судимому лицу назначается в большем объеме, в связи с тем, что лицо, отбывавшее наказание, не восприняло то воздействие, которое на него было оказано в исправительном учреждении. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания" в данном случае не дает каких-либо рекомендаций о том, как должно быть назначено наказание. Однако, современное состояние уголовного законодательства в России характеризуется динамичным развитием, при этом, как мы видим в нём сохраняются, как и проблемы, так и точки перспективного развития и совершенствования уголовной политики государства. Перспективы развития связаны с необходимостью баланса между защитой общественных интересов и соблюдением прав личности, адаптацией к технологическим и социальным изменениям, повышением эффективности правоприменительной практики.

Уголовная политика – государственная, законотворческая деятельность, основанная на обеспечении прав и свобод человека и гражданина определяющая задачи и принципы борьбы с преступностью, разработка новых методов борьбы с преступностью, а также защита общества, а также предупреждение преступлений. Соответственно из понятия можно сделать заключение что основными направлениями уголовной политики являются:

1) обеспечение прав и свобод человека и гражданина, безопасности общества и государства от преступных посягательств;

2) разработка новых и совершенствование имеющихся методов, способов и средств борьбы с преступностью, удержание ее уровня на социально терпимом минимальном уровне. Речь идет об использовании технологий искусственного интеллекта и информационных систем в целях обеспечения общественной безопасности.

3) Совершенствование практики применения действующего законодательства, каких-либо иных организационно технических средств в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, безопасности общества и государства;

4) поиск и разработка методов и способов эффективной профилактики (предупреждения) преступлений;

5) минимизация потерь от преступности;

Следует отметить, что в действующем законодательстве есть некоторые технические проблемы, недоработки, проблемы применения вида наказания и квалификации совершенного противоправного деяния, в уголовном законодательстве, а именно в нормах, присутствуют и в ряде случаев встречаются трактовки «И повлекшие иные тяжкие последствия». Тут напрямую

¹ "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026)

идет речь о назначении судьёй наказания при рассмотрении дела в суде. Если разъяснение конкретной нормы, какие именно тяжкие последствия присутствуют в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, если такового нет, то тут уже подключается так называемое «судейское усмотрение», можно ли в конкретном случае, считать наступившее негативное последствие, иным тяжким. Таким образом, учитывая вышеописанное, могут возникать сложности на практике по назначению судами наказания за совершенные преступления.

К сожалению, каких-либо готовых концепций по статистическим данным нет, так как организация принятия поправок очень громоздкое, как мы знаем, законопроект должен пройти несколько чтений в результате которых возникают споры, разногласия и сомнения, перед тем как получить одобрение верховной власти Российской Федерации, а это все играет на драгоценное время для того, чтобы отреагировать на негативные проявления преступности. Отсюда и логическое объяснение почему законодательная власть и правоохранительные органы пытаются в ряде случаев предпринимать меры в сфере противодействия преступности.

Несомненно, существуют конкретные предложения по оптимизации данного механизма. Однако они сталкиваются с весомым аргументом о возможном усилении авторитарных тенденций. Тем не менее, в перспективе, вероятно, произойдет адаптация системы, поскольку современные государственные процессы характеризуются ускорением и необходимостью оперативного реагирования на динамичные изменения в политической и социальной среде. Стоит отметить, что для решения текущих проблем в уголовном законодательстве, было бы целесообразно собрать согласительную комиссию при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации для определения и обсуждения недочетов в законодательстве, и по результатам их рассмотрения принять соответствующее решение: оставить без изменений в ряде случаев, или все же внести предложение по корректировке конкретной нормы для того чтобы она более действенной и корректной. Такие решения не требуют кардинального изменения уголовной политики, ни дополнительных финансовых затрат, а речь идет конкретно о приведении действующего законодательства в порядок.

Рассмотрим применение санкций к правонарушениям, которые принято считать бытовыми. Проблема семейно-бытовой преступности, является одной из наиболее актуальных проблем [4, с. 8]. Только за 2025 год, в городе Санкт-Петербург, было зарегистрировано и принято к проверке 23,4 тысячи заявлений о домашнем насилии, 10,4 тысячи касались женщин. Только на основании этих данных было возбуждено 281 уголовное дело¹. Рассмотрим актуальную статью уголовного законодательства Российской Федерации, а именно часть первую статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), которая регламентирует умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Данная

¹ 23,4 тысячи заявлений о домашнем насилии зарегистрировали в Петербурге в 2025 году - KP.RU <https://www.spb.kp.ru/daily/27763.4/5220253/> (дата обращения: 22.04.2026).

норма предусматривает санкцию в виде лишения свободы на срок до восьми лет без установления минимальной границы наказания. Следует отметить, что суды в общем принимали во внимание факт совершения данного преступления в состоянии опьянения, на основании части 3 статьи 60 УК РФ [5, с. 54]. Проблема состоит в том, что по закону, формально суд может назначить два месяца лишения свободы, как это указано в статье 56 УК РФ. То есть, получается по части 1 статьи 111 УК РФ, наказание назначается от двух месяцев до восьми лет в соответствии со статьей 56 УК РФ. Но технически, это законодательный изъян, в реальной действительности за такое деяние, ни один судья не возьмёт на себя ответственность назначать наказание на два месяца лишения свободы. Пример с частью четвертой, статьи 111 УК РФ показывает аналогичные недостатки. Охарактеризованный нами пробел, предоставляет недобросовестным адвокатам возможность затягивать судебный процесс и получать время, на то, чтобы лица совершившие преступления находились на свободе. Соответственно исходя из ситуации, предлагается разделить санкции на категории, в зависимости от степени общественной опасности (тяжкое и особо тяжкое) и определить, к примеру за тяжкое и особо тяжкое преступление несколько видов санкций возможных для определенного состава и альтернативные виды наказаний за другие преступления предусмотренные УК РФ. Такое предложение, сократит объём уголовного закона и устранил недочеты, которые были охарактеризованы с минимальным и максимальным размером наказания

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дробот С. А. Новеллы уголовного закона в 2025 году // Социальное управление. 2026. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novelly-ugolovnogo-zakona-v-2025-godu> (дата обращения: 20.04.2026).
2. Кузьминых А. С. Современный уголовный закон: состояние, оценка, перспективы развития // Право и государство: теория и практика. 2023. №1 (217). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-ugolovnyy-zakon-sostoyanie-otsenka-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 21.04.2026).
3. Прозументов Л. М., Карелин Д. В. О некоторых изменениях уголовного антикоррупционного законодательства // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. №433. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-izmeneniyah-ugolovnogo-antikorrupsionnogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 22.04.2026).
4. Амирова Д. К., Куницына Ю. В. законодательная регламентация уголовной ответственности за семейно-бытовое насилие: проблемы и пути их решения // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. № 1 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnaya-reglamentatsiya-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-semeyno-bytovoe-nasilie-problemy-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 22.04.2026).
5. Романова Н. Л. Об изменениях уголовного законодательства России на современном этапе // ГлаголЪ правосудия. 2018. №2 (16). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/ob-izmeneniyah-ugolovnogo-zakonodatelstva-rossii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 22.04.2026).

УДК 343.9

Лобкова С.П., курсант 1 года обучения переменного
состава Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридический наук, доцент, И.А. Фомина

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

В статье рассматривается проблема домашнего насилия, на которую указывает Д.А. Шестаков, её формы и ключевые количественные показатели в Российской Федерации, обосновывается проблема высокой латентности семейно-бытового насилия.

Ключевые слова: домашнее насилие, семейно-бытовое насилие, латентность, семья, жертва.

Статья 21 Конституции Российской Федерации гласит, что «достоинство личности охраняется государством, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию»¹.

Домашнее насилие – это повторяющийся с увеличением частоты цикл применения физической силы, психологического и экономического давления, сексуального принуждения в отношении членов семьи с целью подавления их воли и получения над ними власти. Д.А. Шестаков определяет «домашнее насилие» как один из видов «внутрисемейного преступления» и формулирует это следующим образом: «преступление, совершаемое одним членом семьи против другого ее члена» [1, с. 293]. Жертвой подобных отношений в большинстве случаев становятся женщины в силу физического превосходства мужчин. Часто оскорбления и угрозы слышат в свой адрес дети – самые слабые члены семьи, которые не в состоянии за себя постоять.² Насилие является одной из наиболее острых социальных проблем, поскольку приводит к крайне тяжелым последствиям как для физического, так и для психического состояния пострадавших. Результатами домашнего насилия могут стать смерть, инвалидность, ухудшение общего состояния здоровья, бесплодие, суицидальные

¹ Конституция Российской Федерации // Гарант URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 22.04.2026).

² Ответственность за домашнее насилие в УК РФ // URL: https://achinsk-r04.gosweb.gosuslugi.ru/dlyazhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_1783.html (дата обращения: 22.04.2026).

проявления, психологические травмы, нарушения развития и другие серьезные последствия.

К сожалению, показатели насилия сокращаются очень медленно. В 2024 году в России от семейного насилия погибли 963 женщины, это 47% от всех убитых в стране за год. 530 из них были убиты партнерами (бывшими или нынешними мужьями, сожителями, бойфрендами), еще 433 женщины - членами семьи. По предоставленным Россией данными в ООН – это максимум за последние 15 лет.¹ Домашнее насилие в отношении детей в России в 2017 году составило 4425 случаев, в 2021 году – 7594, в 2024-м – 9740 случаев. В Сибирском федеральном округе в 2024 году число преступлений в отношении несовершеннолетних членов семьи составило 1020 случаев.²

Виктимологический анализ позволяет выделить 4 формы домашнего насилия, каждая из которых характеризуется собственным набором виктимогенных факторов:

- физическое насилие включает в себя нанесение побоев, ударов, пинков, а также использование различных предметов в качестве оружия. Жертвы могут быть зависимыми от агрессора или находиться в уязвимом положении (дети, не способные в полной мере осознавать угрозу), что создает для них еще большую опасность;

- психологическое (эмоциональное) насилие проявляется в унижении достоинства человека, обвинении в неудачах, тотальном контроле, агрессивной ревности, внушении страха путем постоянных угроз и запугиваний, социальной изоляции и игнорировании мнения. Для жертв нередко характерны высокая эмоциональная чувствительность, самообвинение (виктимблейминг) [2, с. 2] и страх быть отвергнутыми;

- сексуальное насилие предполагает принуждение к действиям сексуального характера, нередко включая инцест. Этот вид насилия влечет за собой последствия травмы у пострадавших, сопровождающийся чувством вины и стыда, что может затруднить обращение за помощью;

- экономическое насилие выражается в контроле расходов, ужесточенном распределении средств между членами семьи или лишении доступа к денежным средствам вовсе. Жертвы часто оказываются в состоянии выраженной материальной зависимости от агрессора.

Латентность домашнего насилия – одна из главных проблем в исследовании этой темы. По различным оценкам, лишь малая часть случаев насилия в семье становится известной правоохранительным органам. В некоторых случаях жертвы домашнего насилия начинают воспринимать насилие как норму, что также приводит к их бездействию. Чаще остальных способов воздействия на женщин и детей, семейные тираны выбирают эмоциональное и

¹ Статистика домашнего насилия в отношении женщин в России // Официальный сайт ООН URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 23.04.2026).

² Статистика домашнего насилия в отношении детей в России // URL: https://www.fontanka.ru/2026/01/30/76240722/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 23.04.2026).

психологическое насилие, но доказать этот тип преступления сложнее всего, ведь психическое воздействие не оставляет на себе физических следов. Стоит отметить, что в ряде обществ существует сильная культура молчания, связанная с «сохранением семейных ценностей» и подкрепленная поговорками: «бьет – значит любит», «стерпится – слюбится» и «не выноси ссору из избы». Такие убеждения и страх перед домашним тираном могут стоить жизни, но потерпевшие часто надеются, что насильник изменится в лучшую сторону и продолжают оправдывать его поведение. [3, с. 3] В случае экономической зависимости от агрессора жертвы могут не иметь возможности покинуть дом. Без вмешательства домашнее насилие может стать системным и все также оставаться незамеченным.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема домашнего насилия носит выраженный латентный характер и является одной из наиболее социально значимых проблем во всем мире, поскольку именно семья составляет основную ячейку общества, а дестабилизация семьи ведет к дестабилизации всего общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семейная криминология: Криминофамилистика: монография / Под ред. Д.А. Шестакова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 389 с.;
2. Калашникова О. А., Филиппова Е. О. Виктимблейминг и его влияние на общественную жизнь // Шаг в науку. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimbleyming-i-ego-vliyanie-na-obschestvennuyu-zhizn>(дата обращения: 24.02.2026);
3. Шикула И. Р., Кандабарова Т. С. актуальные проблемы уголовно-правовой защиты женщин от домашнего насилия // Образование и право. 2023. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-ugolovno-pravovoy-zaschity-zhenschin-ot-domashnego-nasiliya> (дата обращения: 25.04.2026).

УДК 343.13

Лотикова Я.А., курсант 3 курса
Волгоградской академии МВД России
Научный руководитель – А.Ф. Зотова

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРЕДЕЛЫ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ

Конституция Российской Федерации в соответствии с ч. 2 ст. 26 регламентирует право каждого человека и гражданина на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и

творчества¹. Распространение настоящей конституционной нормы находит свое отражение в одном из принципов уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Так, в ч. 2, 3 ст. 18 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, представляются все необходимые условия для нормального протекания уголовного процесса. Также все процессуальные документы, которые необходимо предоставить таким участникам уголовного судопроизводства, должны быть переведены на их родной язык или на язык, которым они владеют¹. Обеспечение данного принципа осуществляется посредством предоставления бесплатного переводчика.

Понятие «переводчик» в ст. 59 УПК РФ трактуется как лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве, которое свободно владеет языком, знание которого необходимо для перевода. Однако для осуществления данного принципа лицу, ведущему предварительное расследование, необходимо установить объективные сведения о невладении или недостаточном владении языком, на котором происходит уголовное судопроизводство, а в дальнейшем отобразить данную информацию в определенных процессуальных документах.

Что касается самого переводчика, то учеными ему предъявляется ряд требований. Так, настоящий участник уголовного процесса должен хорошо владеть юридической терминологией, обладать большим словарным запасом, быть незаинтересованным в исходе уголовного дела, а также знать основы русского языка, а именно, синтаксический строй [1, с. 19].

Наша страна многонациональна. Согласно переписи населения 2021 года, в России проживает более 190 этнических групп. Численность некоторых национальностей превышает 1 млн. человек, но существуют и признанные на законодательном уровне малочисленные нации, представителей которых насчитывается менее 50 тыс. человек, таких 47 народов в РФ¹. Данные цифры только на основе 57% опрошенных граждан, остальные не указывали национальную принадлежность или отказывались отвечать, отсюда следует, что народов и их представителей может быть гораздо больше.

Все больше участились случаи, когда в регионах нет подходящего переводчика, бывают случаи, когда и вовсе носителей того или иного языка

¹ Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 : послед. ред. // Консультант плюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹ Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон N 174-ФЗ : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : послед. ред. // Консультант плюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹ Новости Росстата. Росстат озвучил первые итоги переписи URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/160796> (дата обращения: 21.04.2026).

малое количество, что создает определенные сложности для уголовного процесса. В связи с этим видится проблема, которая заключается в том, что на практике часто возникают ситуации, когда носители достаточно редких языков могут использовать незнание русского языка в своих интересах. Что влияет на дезорганизацию уголовного судопроизводства. В современное время проблема ощущается особенно остро в связи с санкциями, предъявленными нашей стране от иностранных государств, это существенно отразилось на оперативности предоставления помощи переводчика.

Один из ученых, доктор филологических наук Шагбанова Х.С., выражает свое мнение касаясь настоящего вопроса. Так, Хабиба Садыровна считает, что в настоящее время, само наличие переводчика приводит к росту числа ошибок и спорных моментов, ссылаясь на человеческий фактор переводчиков, который обусловлен возможностью ошибок в переводе текста [2, с. 291-294].

Для решения данного вопроса стоит предложить разработать информационную технологию на базе нейронных сетей, в функционал которой будет входить анализ человеческой речи, и в дальнейшем ее перевод. Это будет не примитивный так называемый «переводчик», который переводит буквально, слово в слово, не обращая внимание на смысловую нагрузку, а роботизированная машина, которая будет переводить предложения и текста с юридическим уклоном. Такой подход гарантирует, что уголовные дела с участием лиц, не владеющих или владеющих в недостаточной мере языком уголовного судопроизводства, будут расследоваться качественно и оперативно.

Система овладеет множеством языков, включая редко встречающиеся. Обработка и перевод крупных объемов информации займет считанные секунды.

Разрабатывая робота для уголовно-процессуальной сферы, необходимо принимать во внимание данную специфику. Для этого понадобятся консультации квалифицированных юристов, филологов и переводчиков.

Для регулирования данной инновационной технологии необходимо прописать новую часть в ст. 59 УПК РФ, в которой будет разрешен перевод, осуществляемый с использованием автоматизированной машины.

В заключение необходимо отметить, что в скором времени появятся технологии, которые позволят автоматизировать перевод в уголовном судопроизводстве. Для скорейшего внедрения необходимо предложить несколько направлений:

- 1) внести в УПК РФ нормы, допускающие использование автоматизированного перевода;
- 2) разработать рекомендации для проведения данного действия;
- 3) инициировать создание робот-переводчика на основе российского законодательства, с последующей сертификацией такой модели, как одно из технических средств
- 4) установить обязательное процессуальное закрепление факта использования автоматизированного перевода.

Только в данном случае будет возможно пользоваться робот-переводчиком без каких-либо нарушений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сидиропуло, И. Г. Участие переводчика в уголовном судопроизводстве / И. Г. Сидиропуло // Гуманитарный научный вестник. – 2025. – № 6. – С. 188-194.

2. Шагбанова Х. С. Место и роль переводчика в уголовном процессе // Образование и право. 2021. № 6.
УДК 343.983.4

Лыков А. Н., курсант 3 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России

Научный руководитель –
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент, С.В. Унжакова

ТАКТИКА СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ВЕРИФИКАЦИЯ АЛГОРИТМОВ И ДЕЙСТВИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни привела к появлению преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Данные обстоятельства ставят перед криминалистикой задачу разработки эффективных методов расследования указанных преступлений. Однако традиционная тактика не в полной мере учитывает специфику цифрового пространства, где взаимодействие осуществляется между программными алгоритмами и пользовательскими интерфейсами.

Одним из наиболее востребованных следственных действий является следственный эксперимент. В криминалистике под ним понимается проведение специальных опытов с целью проверки доказательств, получения новых доказательств, а также проверки версий о возможности существования тех или иных фактов, механизме образования следов и иных обстоятельствах расследуемого события [1, с. 312].

Цифровая трансформация данного следственного действия связана с двумя направлениями: использование цифровых технологий при подготовке и производстве традиционного эксперимента (3D-моделирование) и производство эксперимента, объектом которого являются процессы, происходящие исключительно в цифровой среде. Как справедливо отмечает О. В. Овчинникова, создание 3D-модели места происшествия обеспечивает возможность реконструкции с применением технологий виртуальной реальности [2, с. 54]. При этом производство следственных действий в дистанционном режиме требует разработки принципиально новых криминалистических рекомендаций [3, с. 119].

Следственный эксперимент в цифровой среде – самостоятельная разновидность данного следственного действия, объектом которой выступают: закономерности функционирования программно-аппаратных комплексов,

алгоритмы обработки компьютерной информации, действия пользователя при взаимодействии с цифровыми устройствами.

Структура тактики следственного эксперимента включает три компонента: тактические задачи, тактические условия и тактические приемы.

Тактические задачи в цифровой среде можно классифицировать следующим образом: верификационные задачи — проверка возможности совершения определённых действий в цифровой среде; идентификационные задачи — установление тождества программного обеспечения, алгоритма обработки данных или действий конкретного пользователя; диагностические задачи — определение механизма возникновения компьютерной информации; реконструкционные задачи — восстановление последовательности событий в цифровой среде.

Тактические условия включают общие условия (ст. 181 УПК РФ) и специальные: аутентичность цифровой среды (аналогичное программное обеспечение, сопоставимые технические характеристики оборудования и т.д.); контролируемость — возможность фиксации всех операций, производимых в цифровой среде (логирование действий, создание копий экрана, сохранение промежуточных результатов); безопасность (недопустимость причинения вреда информационным системам, изменения или уничтожения компьютерной информации, нарушения прав и законных интересов граждан); документирование.

Как обоснованно отмечают Д. В. Воронков и А. М. Сосновикова, при внедрении новых технологий необходимо руководствоваться принципами свободы следователя и целостности информации [4, с. 116].

Верификация — центральная категория при производстве следственного эксперимента в цифровой среде, под которой понимается процесс установления достоверности проверяемого факта, обстоятельства или утверждения посредством проведения опытных действий.

Применительно к следственному эксперименту в цифровой среде можно выделить два основных объекта верификации: программные алгоритмы и действия пользователя.

Верификация программных алгоритмов предполагает проверку: функционирования программы в заданных условиях; отсутствия программных ошибок (багов), влияющих на результат; возможности несанкционированного изменения алгоритма или входных данных; идентичности обработки однотипных данных в разных сеансах работы программы. В ходе производства могут применяться такие тактические приемы, как тестовый прогон, сравнительный анализ, воспроизведение на альтернативном оборудовании, анализ логов и системных записей.

Верификация действий пользователя направлена на установление факта, последовательности и осознанности действий. Приёмы: воспроизведение на клон-системе, проверка с использованием альтернативных учётных записей, фиксация психофизиологических реакций, сопоставление с объективными

данными. При этом эффективность верификации повышается при использовании VR/AR-технологий [5, с. 42].

При процессуальном оформлении наряду с традиционными средствами применяются скринкастинг, логирование, снэпшоты, регистрация трафика. В протоколе обязательно указываются: техническая характеристика оборудования, описание цифровой среды, обоснование условий, последовательность опытных действий с точным временем, результаты опытов, меры безопасности и контроля целостности полученной информации (хеш-суммы).

Оценка результатов следственного эксперимента в цифровой среде должна производиться в совокупности с иными доказательствами по делу.

Проведённое исследование позволяет заключить, что следственный эксперимент в цифровой среде выступает разновидностью традиционного следственного действия, требуя разработки специальных тактических условий – аутентичности цифровой среды, контролируемости, безопасности и документирования; верификация его результатов должна осуществляться по двум направлениям (программные алгоритмы и действия пользователя) с применением соответствующих тактических приёмов, а процессуальное оформление – включать детальную техническую характеристику оборудования и программного обеспечения, точную временную привязку опытов и меры обеспечения целостности данных. Представляется целесообразным внесение дополнений в криминалистическую тактику и разработка специализированных программных продуктов для фиксации и верификации результатов, а дальнейшие исследования целесообразно направить на создание критериев допустимости использования технологий виртуальной реальности и методик оценки достоверности результатов, полученных в искусственно смоделированной цифровой среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Криминалистика : учебник / под ред. А. Г. Филиппова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2024. 512 с.
2. Овчинникова О. В. Цифровизация следственных действий: проблемы и перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 9, № 1. С. 51–57.
3. Ревенко Н. И. Производство следственных действий в дистанционном режиме // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2024. Т. 21, № 3. С. 119–121.
4. Воронков Д. В., Сосновикова А. М. Модели использования следователем современных информационных источников ориентирующего и доказательственного значения // Правоприменение. 2025. Т. 9, № 4. С. 109–118.
5. Кулешов Ю. Н., Подольный Р. Н. Методика расследования преступлений, совершённых с применением цифровых технологий : учебное пособие. М. : Ай Пи Ар Медиа, 2025. 84 с.

УДК 343.3/.7

Лычагин А. А. слушатель 5 курса
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
Научный руководитель -
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук Т.Г.Нечаева

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОБМАНА И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ ПРИ СОВЕРШЕНИИ МОШЕННИЧЕСТВА

В настоящее время мошенничество имеет крайне высокую степень опасности для общества. Это связано в первую очередь с тем, что оно не только причиняет вред материального характера определённым гражданам, но и негативным образом влияет на экономическую, политическую и юридическую сферы жизни общества.

Мошенничество как уголовно-наказуемое деяние относят к одним из самых распространенных преступлений, направленных против права собственности. Данную форму хищения отличает способ совершения – обман или злоупотребление доверием.

Объективная сторона мошенничества выражается в действии, заключающемся в хищении чужого имущества или приобретении права на него путем обмана или злоупотребления доверием. Следовательно, основными ее характеристиками являются способы совершения преступления, - а именно: обман и злоупотребление доверием [1].

Необходимо установить разграничение таких явлений, как обман и злоупотребление доверием при совершении мошенничества. В ст. 159 УК РФ между указанными способами мошенничества поставлен союз «или». То есть в таком случае обман и злоупотребление доверием при данной формулировке представляют собой самостоятельные способы совершения преступления, что нужно учитывать при их квалификации.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [2] даются подробные разъяснения об объективных признаках мошенничества, в том числе и способах его совершения.

Обман как способ совершения мошенничества представляет собой умышленное введение потерпевшего в заблуждение и может выражаться в одной из следующих форм:

- сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений;
- умолчании об истинных обстоятельствах, подлежащих раскрытию в силу характера отношений между сторонами;
- совершении умышленных действий, направленных на создание ложного впечатления (например, предоставление фальсифицированного товара, манипуляции в ходе азартных игр, имитация кассовых операций и др.).

Во всех случаях обман преследует цель побудить владельца имущества или иное уполномоченное лицо к передаче имущества или прав на него, основываясь на искаженной картине действительности.

При этом, по мнению Н.Г. Кадникова, обман как способ мошенничества представляет собой целенаправленное информационное воздействие, вводящее потерпевшего в заблуждение с целью побудить его передать чужое имущество или право на него. Все действия направлены на создание ложного представления о действительности, что приводит к ошибочной, хотя и формально добровольной, передаче имущественных благ [3].

В доктрине уголовного права принято выделять три формы обмана: активный – сообщение заведомо ложных сведений; пассивный – умолчание существенных обстоятельств; и обман действием – совершение внешне нейтральных, но вводящих в заблуждение поступков (например, демонстрация поддельных документов или подмена товара).

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» злоупотребление доверием как способ мошенничества, заключается в использовании виновным с корыстной целью особых доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам.

При этом А.В. Бриллиантов отмечает, что доверие, на которое опирается злоупотребление как способ мошенничества, может основываться на различных обстоятельствах - служебном положении виновного, личных или родственных связях с потерпевшим и иных факторах, формирующих у последнего уверенность в добросовестности действий другого лица. Злоупотребление доверием также имеет место в случаях, когда лицо принимает на себя обязательства, заведомо не намереваясь их исполнять, с целью безвозмездного обращения чужого имущества или права на него в свою пользу или в пользу третьих лиц [4]. К таким ситуациям относятся, в частности, невозврат имущества, полученного по договору проката, присвоение товаров, приобретенных в кредит, удержание заемных средств или имущества, а также получение аванса, предоплаты или иных платежей под видом выполнения работ, оказания услуг или поставки товара при отсутствии реального намерения исполнять соответствующие обязательства.

Законодатель не дает четкого определения понятия «обмана или злоупотребления доверием», однако обычно под ним понимают активное воздействие на потерпевшего, направленное на введение его в заблуждение относительно существенных обстоятельств, влияющих на решение о передаче имущества. Он может выражаться в сообщении заведомо ложных сведений, подделке документов, представлении фиктивных гарантий, полномочий или обязательств, а также в умышленном искажении фактов.

Например: лицо, выдающее себя за сотрудника банка и убеждающее потерпевшего перевести денежные средства на «безопасный счет», действует путем обмана. Его действия активны, направлены на формирование у жертвы ложного представления о ситуации.

В доктрине уголовного права встречается мнение о том, что обман может проявляться не только в объективных действиях - таких как сообщение ложных сведений, подделка документов или демонстрация фиктивных полномочий, - но и в субъективной сфере, а именно - в намерениях лица. Согласно этой позиции, уже само заведомое намерение не исполнять взятые обязательства (например, не возвращать заем, не поставлять оплаченный товар, не оказывать предоплаченные услуги) при заключении сделки рассматривается как форма скрытого, «внутреннего» обмана. Такой подход основан на понимании, что доверие потерпевшего формируется не только на основе внешних заявлений, но и на предположении добросовестности преступника.

Злоупотребление доверием, предполагает использование уже сложившихся доверительных отношений между виновным и потерпевшим, без активного введения последнего в заблуждение. Преступник извлекает выгоду из оказанного ему доверия, направляя его на личное обогащение.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ указано на 2 формы злоупотребления доверием. В первом случае под ним необходимо понимать использование личной заинтересованности в ущерб имущественным интересам другого лица или третьей стороны при наличии доверительных отношений между ними. Речь идет о ситуации, когда лицо, наделенное полномочиями принимать решения от имени другого физического или юридического лица (например, представитель по доверенности, должностное лицо, управляющий, член совета директоров и т.п.), злоупотребляет этим доверием в корыстных целях - например, распоряжается имуществом вопреки интересам доверителя или присваивает средства, предназначенные для определенных целей.

Ко второй форме злоупотребления доверием можно отнести такие действия, при которых лицо, не обладая формальными полномочиями, но вызывая доверие у потерпевшего, дает заведомо ложные гарантии или обещания с целью завладеть чужим имуществом или денежными средствами. Типичными примерами являются получение аванса за выполнение работ, оказание услуг или поставку товаров при полном отсутствии намерения исполнять обязательства и возвращать полученные средства.

Однако в научной литературе отсутствует единая позиция относительно правовой природы злоупотребления доверием. Многие исследователи

сомневаются, можно ли рассматривать его как самостоятельный способ совершения мошенничества. Встречаются мнения, что злоупотребление доверием по своей сути представляет собой разновидность обмана - пассивную форму введения в заблуждение, основанную не на активных ложных заявлениях, а на использовании доверительных отношений, в рамках которых виновный скрывает свои истинные намерения [5]. Именно этот элемент обмана, по мнению сторонников данной позиции, и придает деянию характер мошенничества.

В то же время А. В. Борисов подчеркивает, что само по себе неправомерное использование доверия, без признаков обмана или иного противоправного воздействия, не образует состава мошенничества и, следовательно, не может влечь уголовную ответственность по статье 159 УК РФ. По его мнению, если лицо действовало в пределах предоставленных ему полномочий, даже если впоследствии нарушило условия договора или ожидания доверителя, это скорее гражданско-правовое нарушение, а не преступление.

Исходя из этих дискуссий, часть ученых предлагает выделить злоупотребление доверием в самостоятельную норму уголовного закона - как отдельный состав преступления против собственности, не связанный напрямую с хищением, но направленный на причинение имущественного ущерба путем обмана доверия. Такой подход, по их мнению, позволил бы четко разграничить случаи, когда имеет место именно преступное поведение, от тех, где речь идет лишь о недобросовестном исполнении обязательств, и обеспечил бы более точную квалификацию деяний, основанных на манипуляции доверием, а не на классическом обмане. По нашему мнению, это излишне так как будет охватываться составом ст. 165 УК РФ.

Согласно мнению некоторых исследователей, следует разграничивать обман и неправомерное использование доверия друг от друга [6]. Но вместе с тем, между ними все равно остается довольно значительная взаимосвязь, т.к. реализация любых обманных намерений, всегда содержит в себе некоторую часть злоупотребления доверием, хотя в некоторых случаях, данные формы преступлений могут реализовываться самостоятельно.

Анализ судебной практики показывает, во многих делах, рассматриваемых судами, данные понятия употребляются вместе и в текстах судебных документов, их можно встретить написанными через запятую. Иными словами, судьи считают, что виновный в мошенничестве использовал не только обман, но и злоупотребил доверием.

Таким образом, обман - это создание ложной картины действительности, а злоупотребление доверием - использование реальной доверительной связи вопреки ожиданиям потерпевшего.

В теории может возникнуть пограничная ситуация, когда невозможно однозначно отнести поведение виновного ни к одной из форм. Например, преступник сначала входит в доверие, а затем использует его, сопровождая действия скрытым обманом. Кроме того, в некоторых судебных актах понятия подменяются или смешиваются, что ведет к нарушениям при квалификации. Это

затрудняет определение стадий преступления, формы соучастия, а также влияет на судебное толкование обстоятельств, смягчающих или отягчающих вину.

Анализ обмана и злоупотребления доверием при совершении мошенничества показывает, что отсутствие четкого законодательного определения способов совершения мошенничества порождает доктринальные споры и правоприменительную неопределенность. В судебно-следственной практике понятия «обман» и «злоупотребление доверием» часто смешиваются или используются одновременно без разграничения. Часть ученых предлагает выделить злоупотребление доверием в самостоятельную норму, другие считают его формой обмана, однако одним из решений данной правовой неопределенности будет являться внесение изменения в диспозицию ч. 1 ст. 159 УК РФ изложив ее в следующей редакции:

«1. Мошенничество, то есть хищение чужого имущества и (или) приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, -».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (7-е издание, переработанное и дополненное) / под ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2017. С. 199
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2
3. Кадников Н.Г. Мошенничество. Способы совершения, проблемы квалификации: Научно-практическое пособие / отв. ред. Н.Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2014. С. 86
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Эксмо, 2015. С. 180
5. См.: Наумов А. В. Российское уголовное право: Курс лекций. Особенная часть. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2010. 779 с.
6. См.: Михайлов К. В. Злоупотребление доверием как признак преступлений против собственности (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2000. 186 с.

УДК 343

Лябина А.В., курсант 2 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры уголовного права и криминологии
кандидат юридических наук, доцент, И.А. Фомина

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ АДМИНИСТРАТОРА МАРКЕТПЛЕЙСА В ДАРКНЕТЕ

Стремительное развитие цифровых технологий и распространение анонимных сетей привели к появлению новых форм организации преступной деятельности. Одной из наиболее сложных и актуальных проблем современной уголовно-правовой доктрины является определение правового статуса администратора маркетплейса в сети Даркнет. Данная категория лиц занимает особое место в иерархии криминальных сервисов, выступая не просто техническим специалистом, а ключевым организатором незаконной торговли, включая оборот наркотических средств, оружия, поддельных документов и персональных данных.

Вопрос о том, какую именно роль выполняет администратор – пособника, организатора или самостоятельного исполнителя преступлений – остаётся дискуссионным, что напрямую влияет на квалификацию деяний и назначение наказания [1, с. 836].

Сеть Даркнет традиционно рассматривается исследователями как специфическая криминогенная среда, обеспечивающая высокий уровень анонимности и практически полную бесконтрольность со стороны правоохранительных органов [2, с. 173]. В отличие от обычного интернета, где действия пользователей могут быть отслежены по IP-адресам, даркнет использует многоуровневое шифрование и луковую маршрутизацию. Именно эта техническая особенность привлекает организаторов преступных схем, превращая теневые маркетплейсы в полноценные криминальные экосистемы. По мнению ряда авторов, Даркнет выступает не просто негативным социальным фоновым явлением, а активно развивающейся площадкой, где администраторы маркетплейсов фактически выполняют функции владельцев цифровых «чёрных рынков» [3, с. 287].

Для понимания уголовно-правового статуса администратора необходимо разграничить два основных подхода. Первый подход рассматривает администратора как технического посредника, который создаёт программную оболочку, обеспечивает работу серверов и не участвует непосредственно в сделках между продавцами и покупателями [4, с. 16]. Согласно данной позиции, ответственность администратора должна ограничиваться статьями о пособничестве или о создании условий для совершения преступлений. Второй подход, напротив, исходит из того, что администратор маркетплейса является центральным звеном всей криминальной схемы: он контролирует процессы регистрации пользователей, взимает комиссию, разрешает споры, удаляет недобросовестных продавцов и, по сути, выступает организатором преступного сообщества [2, с. 174].

Обратим внимание, что администраторы даркнет-маркетплейсов зачастую выполняют функции, выходящие за рамки простого администрирования. Они разрабатывают правила платформы, устанавливают размеры гарантийных взносов, обеспечивают функционирование системы гаранта сделки, а также

осуществляют модерацию объявлений. В случае возникновения конфликтов между продавцом и покупателем именно администратор выступает арбитром и принимает окончательное решение [1, с. 837]. Такая степень вовлечённости позволяет квалифицировать его действия как организацию незаконного оборота наркотических средств (ст. 33 и ст. 228.1 УК РФ), если речь идёт о соответствующей торговле, либо как создание преступного сообщества (ст. 210 УК РФ) [5, с. 234].

Существуют серьёзные доказательственные проблемы, связанные с установлением статуса администратора. В силу особенностей функционирования Даркнета установить личность владельца маркетплейса крайне сложно: используются криптовалютные кошельки, серверы, расположенные в юрисдикциях разных государств, и системы автоматического удаления логов [4, с. 18]. Практика знает лишь единичные случаи привлечения администраторов к уголовной ответственности, например, ликвидация торговой площадки «Hydra» в 2022 году.

Криминологический портрет администратора даркнет-маркетплейса также имеет свои особенности. Исследования показывают, что это, как правило, лица в возрасте 25–35 лет с высоким уровнем технической грамотности, нередко имеющие профильное образование в сфере IT [1, с. 838]. При этом мотивация может варьироваться от чисто корыстной до идеологической. Многие администраторы не считают себя преступниками, полагая, что они лишь предоставляют «нейтральный инструмент» [4, с. 19]. С точки зрения уголовного права такая самооценка не имеет юридического значения, однако она важна для разработки мер профилактики.

Практическим выходом из сложившейся ситуации могло бы стать внесение изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ, касающееся преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, с отдельным разъяснением об ответственности администраторов даркнет-маркетплейсов [2, с. 175]. Также обсуждается возможность введения специальной нормы в УК РФ, например, ст. 210.3 «Управление криминальной цифровой платформой в анонимных сетях». Однако противники такой идеи справедливо указывают, что излишняя конкретизация может привести к пробелам: технологии меняются быстро, и то, что сегодня называется маркетплейсом, завтра трансформируется в децентрализованный протокол [4, с. 20].

Таким образом, уголовно-правовой статус администратора маркетплейса в Даркнете представляет собой сложный межотраслевой институт, находящийся на стыке информационного, уголовного и оперативно-разыскного права. На сегодняшний день наиболее обоснованным представляется квалификация действий администратора как организации совершения преступлений (ст. 33 УК РФ) в совокупности с соответствующими статьями Особенной части, а при наличии признаков структурированности – как руководства преступным сообществом (ст. 210 УК РФ).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абзбаева, Д. С. Проблема альтернативной сети Даркнет как криминальной площадки // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты : Сборник научных статей XVI международной научной конференции научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей», Санкт-Петербург, 31 мая 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 835-839.

2. Гордиенко В. В. Преступления, совершаемые в сети Даркнет: виды и способы противодействия // Противодействие преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 18 апреля 2024 года. Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. С. 172-175.

3. Григорьева К. А. Даркнет как негативное социальное фоновое явление // Державинские чтения : Сборник статей XVI Международной научно-практической конференции, Казань, 23–26 мая 2021 года. Москва: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2021. С. 286-289.

4. Дворянкин О. А. Даркнет - темная сторона Интернета или неужели так все плохо? // Национальная Ассоциация Ученых. 2021. № 71-1. С. 14-20.

5. Козырев Р. О. Криминологическая характеристика преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в условиях цифровизации // Уголовное право: вопросы теории и практики : Сборник докладов Всероссийского студенческого научно-практического круглого стола с международным участием, Санкт-Петербург, 17 февраля 2023 года. Санкт-Петербург: Астерион, 2023. С. 232-237.

УДК 343.9

А.Э. Мамедов, слушатель 2 курса,
Уфимский юридический институт МВД России
Научный руководитель:
доцент кафедры административно-правовых дисциплин **С.В. Алешин**

ДИПФЕЙК И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КРИМИНОГЕННУЮ ОБСТАНОВКУ

Дипфейки представляют собой синтетический контент (текст, изображения, аудио и видео), созданный с помощью искусственного интеллекта (ИИ), имитирующий реальность. Возможности технологии позволяют создавать высокореалистичные подделки, воспроизводящие голос, мимику и движения человека. Распространение дипфейков, ускоренное пандемией COVID-19 и переходом на удалённые коммуникации, обусловлено ростом доступности

аудио- и видеоданных в сети, что увеличивает возможности киберпреступников для создания реалистичных симуляций личности. Применение дипфейков варьируется от безобидного развлечения до серьёзных преступлений, включая распространение дезинформации, создание фальшивой порнографии и имитацию личности. Данная технология вызывает обеспокоенность в связи с потенциальным негативным воздействием на отдельных лиц, организации и общество в целом, как в России, так и за рубежом. Примеры противоправного использования дипфейков включают мошеннические звонки (случай с генеральным директором британской энергетической компании в 2019 г.), политические манипуляции (распространение дипфейкового видео Нэнси Пелоси в 2019 г.) и банковское мошенничество (случай в России в 2020 г. с использованием голосового клона сотрудника банка). Эти случаи демонстрируют высокую эффективность технологии и необходимость разработки эффективных механизмов противодействия [3, с. 6].

Дипфейки классифицируются по методам генерации. Наиболее распространённый тип – замена лица, реализуемая алгоритмами машинного обучения, обученными на обширных датасетах изображений и видео лиц, подлежащих замене. Процесс включает распознавание и извлечение лиц, обучение алгоритма на данных, учитывающих вариативность освещения, мимики и прочих параметров.

В данной работе рассматриваются основные типы дипфейков, классифицируемые по используемым методам генерации. Первый тип – замена лица, основанная на обучении алгоритмов машинного зрения на обширных датасетах, обеспечивающих сопоставление и смешение черт лица разных людей для создания реалистичной подмены [1, с. 15]. Второй тип – дипфейки с синхронизацией губ, достигающие эффекта имитации речи посредством манипуляции мимикой и движениями лица на видеозаписях. Процесс основан на обучении алгоритма на больших объемах видеоданных. Третий тип – клонирование голоса, представляющее собой генерацию синтетической речи, идентичной голосу конкретного человека. Алгоритм обучается на аудиозаписях, анализируя тон, высоту и стиль речи. Четвертый тип – манипулирование движениями тела («кукловод»), позволяющее изменять поведение человека на видео, создавая ложное впечатление о его действиях. Технология основана на анализе и реконструкции движений тела с последующим управлением видео. Данный тип дипфейков вызывает особые этические и юридические опасения. Наконец, пятый тип – преобразование текста в речь, генерирующее аудиозаписи, и имитирующие речь конкретного человека на основе обучения алгоритма на большом массиве речевых данных. Все указанные методы представляют собой серьёзный вызов в сфере информационной безопасности и правоприменения [2, с. 26].

Технология дипфейков, преобразующих текст в речь, обладает как легитимными (например, воссоздание речи для людей с речевыми нарушениями), так и криминогенными потенциалами (создание поддельных аудиозаписей). Распространение подобных технологий, снижение их стоимости и доступности, а также наличие готовых программных решений (например,

FakeApp) повышают риск дезинформации и манипуляции общественным мнением. Простота использования готовых моделей машинного обучения, несмотря на сложность их первоначальной разработки, усиливает данную угрозу, что требует разработки эффективных мер противодействия и правового регулирования. Предполагается масштабное распространение дипфейков, в том числе и в государственном секторе [4, с. 8].

Коммерциализация технологий дипфейков, включая распространение специализированного программного обеспечения (ПО) ведущими компаниями (например, Adobe), приведёт к снижению порога входа для создания подделок. Доступность инструментов машинного обучения, включая модели с открытым исходным кодом, позволит даже неспециалистам создавать реалистичный контент, усиливая риск дезинформационных кампаний, распространяемых через социальные сети с помощью автоматизированных средств. Несмотря на наличие социальных платформ, направленных против дезинформации, эффективное противодействие дипфейкам осложняется постоянным развитием технологий создания подделок. Существующие методы обнаружения дипфейков основаны на машинном обучении и требуют постоянного обновления в связи с эволюцией технологий генерации [5, с. 12]. В перспективе, для повышения надежности верификации личности предлагается использовать биометрические технологии, включая голосовую биометрию, способную распознать подделки, анализируя тонкие параметры речи, незаметные для человеческого уха.

Для обнаружения дипфейков часто применяются конволюционные нейронные сети (CNN), требующие значительных вычислительных ресурсов. В качестве альтернативного подхода, предложенного исследователями из Института информационной безопасности им. Хорста Гертца, предлагается использовать дискретное косинусное преобразование (DCT), лежащее в основе алгоритма сжатия JPEG. DCT позволяет представить изображение как суперпозицию гармонических колебаний, коэффициенты которых отображаются в виде тепловой карты. Анализ частотных характеристик изображения, представленных на этой карте (где низкие частоты расположены в левом верхнем углу, а высокие — в правом нижнем), позволяет повысить эффективность обнаружения подделок [6, с. 29].

Анализ частотных характеристик изображений, осуществляемый с помощью дискретного косинусного преобразования (DCT), позволяет эффективно отличать поддельные изображения (дипфейки) от аутентичных. Эксперименты на выборке из 10 000 изображений, включающей как синтетические портреты, сгенерированные StyleGAN, так и реальные фотографии из открытых источников, подтвердили высокую точность метода, включая идентификацию использованной нейронной сети по уникальным частотным «следам». Разработанные программные решения, такие как «Kaicatch» (KAIST), также демонстрируют успехи в обнаружении искусственных изменений в изображениях и видео, неразличимых невооружённым глазом [7, с. 34]. Дополнительные методы обнаружения дипфейков основаны на анализе особенностей отражения света в глазах

человека. Несмотря на существующие разработки прогнозируется усложнение проблемы обнаружения дипфейков в будущем в связи с постоянным совершенствованием технологий генерации и необходимостью непрерывного обновления методов анализа.

Для эффективного противодействия дипфейкам предлагаются следующие меры: 1) создание общедоступной базы данных дипфейков, включающей разнообразные типы синтетических медиа; 2) мониторинг научной литературы по машинному обучению для отслеживания новых методов создания дипфейков (с учетом существующих методологических разногласий в данной области); 3) выделение государственных грантов на исследования, направленные на разработку методов обнаружения дипфейков; 4) распространение маркированных (идентифицируемых) наборов данных для повышения эффективности обнаружения подделок и увеличения затрат на создание незаметных дипфейков. В долгосрочной перспективе необходимы значительные инвестиции в разработку и постоянное обновление технологий обнаружения дипфейков следующего поколения чтобы противостоять постоянно совершенствующимся методам их создания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Актуальные проблемы современной политической науки : сб. науч. тр. / под ред. М. С. Арканниковой. — СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. — Вып. 16. — 255 с.

2. Антоненко А. А. Интернет-технологии в PR-деятельности: угроза или возможность? // [Электронный ресурс]. — URL: <https://marketolog.mts.ru/blog/kak-big-data-pomogayut-v-reklame?ysclid=lgg8nlicgq877001949> (дата обращения: 04.03.2025).

3. Антонов О. Ю., Хатов Э. Б. Проблемы противодействия киберпреступности: материалы II Международной научно-практической конференции (Москва, 26 апреля 2024 года) / Под общ. ред. О.Ю. Антонова, Э.Б. Хатова. — М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. — 146 с.

4. Виноградова Е.А. Технологии искусственного интеллекта и нарастающие киберугрозы в Латинской Америке // Латинская Америка. — 2023. — № 3. — С. 34–35. DOI: 10.31857/S0044748X0024415-5.

5. Володин А.А., Глинская Е.В. Развитие и проблемы использования искусственного интеллекта в области информационной безопасности // Политехнический молодежный журнал. — 2024. — № 2. — С. [б. с.]. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ptsj.ru/catalog/icec/insec/969.html>.

6. Гуляев Г. Ю. Новые научные исследования и технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации: монография / Под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. — Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2024. — 208 с.

7. Журналистика и медиакommunikации: современные тренды : материалы Международной научно-практической конференции, г. Тирасполь, 27 октября 2023 г. [Электронный ресурс] / ГОУ «Приднестровский государственный

университет им. Т. Г. Шевченко» ; Филологический факультет ; ответственные редакторы : С. Л. Расопова, С. В. Олейников. – Тирасполь : Изд-во Приднестр. ун-та, 2024. – 228 с. – ISBN 978-5-6051575-0-2.

УДК 347.261

Мельниченко О.А., курсант 4 курса
Омской академии МВД России
Научный руководитель – Д. А. Белецкий

УСТАНОВЛЕНИЕ СЕРВИТУТА В СВЯЗИ С ДАВНОСТНЫМ ПОЛЬЗОВАНИЕМ

В теории гражданского права существует такое разделение оснований возникновения сервитутных отношений в соответствии с которым основания возникновения сервитута подразделяют на субъективный и объективный [1; с. 42].

Субъективное основание возникновения сервитута появляется в том случае если оно зависит от воли лиц, состоящих в данных отношениях, другими словами, в соответствии с действующим законодательством ими будут собственник недвижимого имущества и собственник соседнего недвижимого имущества, которые вступили в сервитутные отношения на основании договора. Объективным основанием возникновения сервитута будет являться возникновения сервитутных отношений в силу действующего правового акта, таким, к примеру, будет решения суда. Иных оснований возникновения сервитутных отношений действующее законодательство не устанавливает.

Но бывают ситуации, когда сервитутные отношения «де факто» существуют довольно продолжительной время и при этом не имеет должного юридического оформления. В частности, собственник имущества никаким образом не противиться и не воспрепятствует пользованию своим имуществом другим лицом, а лицо действует открыто и непрерывно.

Т.П. Подшивалов обосновывает необходимость введения в российское законодательство такого основание установления сервитута как давность пользования и отмечает, что «игнорировать сложившиеся ситуации не совсем логично, поскольку давностное установление сервитута вводит правовую определенность в отношения между лицами, согласовавшими свою волю на установление сервитута конклюдентными действиями» [2; с. 9].

Анализ судебной практики показывает, что подобного рода споры не редкость. В частности в одном из дел собственница торговой палатки долгое время пользовалась земельным участком под ней, Росреестр выявил отсутствие соответствующего права на землю и привлек её к административной ответственности. Урегулировать спор напрямую с собственником не удалось, ей

пришлось обратиться в суд для установления сервитута¹. В другом деле истцы приобрели участок проезд или проход, к которому осуществляли через соседний участок, сосед долгое время не возражал против такого положения дел, но в итоге дорогу перекрыл, истцы обратились в суд, но не отмечали, что путь через соседний участок является «единственным» или «наиболее удобным для них»².

В вышеуказанных примерах лица пользовались имуществом открыто и непрерывно, что могло являться основанием для установления сервитута в силу давностного владения. Отсутствие такой правовой возможности вносит неопределенность в отношения между пользователем и собственником недвижимого имущества поскольку правовое положение пользователя ничем не закреплено и при условии дальнейшего изменения мнения собственника для пользователя могут наступить неблагоприятные последствия.

Интересно отметить, что в отдельных зарубежных государствах предусмотрена возможность установления сервитута в связи с давностью пользования. Например, во Франции законодательство допускает установление сервитута по давности, но сервитут может быть установлен для «постоянных» и «очевидных» сервитутов, которые можно подтвердить материальными признаками на местности, при условии тридцатилетнего пользования.³

В Польше регулирует установление сервитута по давности, устанавливая сервитута при длительном пользовании, срок которого зависит от добросовестности пользователя, а именно при добросовестности пользователя срок составляет двадцать лет, при недобросовестности – тридцать лет [3; с. 19].

Введение возможности возникновения сервитута в связи с давностью пользования придаст стабильности гражданского оборота. При этом считаем необходимо установить трехлетний срок как условие возникновения сервитута по давности.

Таким образом, мы считаем, что необходимо ввести в российское законодательство такое основание возникновения сервитута как давность владения. При этом необходимо установить трехлетний срок для установления сервитута на основании давности пользования, принимая во внимание, что данный срок для установления сервитута представляется наиболее разумным для подтверждения того факта, что между лицами сложились устойчивые сервитутные отношения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

¹ Решение № 2-136/19 от 21.08.2019 Никольского районного суда (Вологодская область) / [Электронный ресурс] // Гражданское законодательство : [сайт]. — URL: [https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/reshenie-_2-136_19-ot-21.08.2019-nikolskogo-rayonnogo-suda-\(vologodskaya-oblast\)](https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/reshenie-_2-136_19-ot-21.08.2019-nikolskogo-rayonnogo-suda-(vologodskaya-oblast)) (дата обращения: 29.04.2026).

² Решение № 2-265/2021 2-265/2021(2-3663/2020;)-М-2816/2020 2-3663/2020 М-2816/2020 от 7 июля 2021 г. по делу № 2-265/2021 / [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/p2POwOBShidO/> (дата обращения: 29.04.2026).

³ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) = Code civil des Français (Code Napoléon) / пер. с фр. [Захватаева В.Н.] – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – 624 с.

1. Ананьев Андрей Геннадьевич К вопросу об основаниях возникновения сервитутных отношений // Юридическая наука. 2012. №2. С. 41 – 46.

2. Подшивалов Тихон Петрович Добросовестность как условие установления сервитута по давности // Пролог: журнал о праве. 2017. №3. С. 8 – 10.

3. Богустов, А. А. Правовая природа сервитута по законодательству Польши / А. А. Богустов // Нотариус. – 2011. – № 3. – С. 17-21.
УДК 342.575

М.В. Молчанова, курсант 3 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
старший преподаватель кафедры информационных технологий
кандидат наук, доцент, А.А. Шаевич

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАРКОПРОПАГАНДЫ И СБЫТА НАРКОТИКОВ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Стратегией государственной антинаркотической политики, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 23.11.2020 № 733, масштабное использование цифровых ресурсов для пропаганды наркотических средств и их распространения отнесено к угрозам национальной безопасности¹.

По официальным данным сервиса ведомственной правовой статистики единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации (сервис ВПС) известно, что количество совершаемых преступлений по России в сфере незаконного оборота наркотиков в период с 2022г. по 2025г. выросло с 177,7 тысяч до 214,7 тысяч. Это означает, что количество совершаемых преступлений в рассматриваемой сфере выросло аж на 20,8% всего за 4 года. При это количество выявленных лиц с каждым годом стремительно уменьшается; с 79,6 тысяч человек за 2022г. отметка опустилась до критических 59,2 тысяч человек за 2025г., и это при условии роста преступности.

Мониторинг криминогенной обстановки в данной сфере свидетельствует и проблемах расширения дистанционных форматов совершения наркопреступлений, число которых по итогам работы за 2025 год превысило 110 тыс. (+28,5%, в 2024 году — 94,6 тыс., +16,1 %, в 2023 году — 81,5 тыс., +31 %), что обусловлено не только расширением интерактивных и бесконтактных каналов сбыта запрещенных веществ, но и активным их продвижением.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 19 сент. 2023 г. № 733 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 38. – Ст. 6450.

Распространение наркомании приводит к тому, что огромная часть членов общества, в первую очередь молодежи, вследствие физической и социальной деградации фактически выбывает из семейной, политической, трудовой и других видов жизнедеятельности. Таким образом, можно сделать вывод, что наркобизнес служит не только средством получения огромных преступных доходов для заинтересованных лиц, но и средством подрыва здоровья той или иной нации в целом [1, с. 142].

Современный этап цифровой трансформации незаконного оборота наркотиков характеризуется парадоксальным явлением: переходом от принципа конспирации к открытой публичной рекламе даркнет-площадок в офлайн-пространстве [2, с.153]. Данный феномен требует комплексного юридического осмысления в контексте противодействия наркоугрозе.

Заккрытие в апреле 2022 г. крупнейшего даркнет-рынка Hydra в результате совместной операции немецких и американских правоохранительных органов создало вакуум на российском сегменте наркооборота в даркнете. На теневом рынке появились другие маркетплейсы («Кракен», «Мега», «Блекспрут», «Солярис»), реклама которых вышла за пределы даркнета, приобретая резонансный и общественно опасный характер. Эти криминальные ресурсы не только предоставляют витрины наркомагазинам, но и все чаще используются для склонения к потреблению, вербовки исполнителей (курьеров, химиков), предоставления лабораторного оборудования и помещений для него.

Как показывает практика, наркорынки для привлечения клиентов используют широкий инструментарий, сгруппированный по нескольким направлениям: наружная реклама с логотипами и QR-кодами площадок (билборды, проекторы, плакаты); акции в общественных местах (перекрытие автобусом моста на Кутузовском проспекте); продвижение на онлайн-платформах (реклама через стриминговые сервисы или у блогеров, на видеохостингах, продажа на маркетплейсах предметов быта с логотипами площадок); фейковые пресс-релизы с использованием нейросетей для публикации их в СМИ.

Указанные обстоятельства привели к появлению новой фигуры в нелегальном наркобизнесе «рекламщика», основная задача которого сводится к маркетинговому продвижению цифровых ресурсов (интернет-магазинов, площадок) для расширения аудитории наркопотребителей.

В связи с этим противодействие незаконной рекламе наркотиков и адресов их бесконтактного сбыта в сети «Интернет» (включая даркнет) является актуальной задачей и перспективным направлением предупредительной деятельности незаконного оборота запрещенных веществ.

В большинстве случаев эта задача реализуется посредством пресечений фактов распространения запрещенного контента (всего за последние два года заблокировано свыше 200 тыс. Интернет-ресурсов) или административных механизмов (по статье 6.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях привлечено порядка 1,5 тыс. лиц). В то же время распространенность анализируемых явлений свидетельствует о

недостаточном влиянии указанных мер для предотвращения повторных нарушений закона.

В летний период 2022 г. на рынке появился новый игрок — даркнет-рынок «Кракен», позиционировавший себя как преемник Hydra. В отличие от предшественника, новая площадка продемонстрировала беспрецедентную агрессивность в маркетинговой стратегии, включая переход от скрытых каналов распространения информации к публичной наружной рекламе.

Наиболее резонансным инцидентом стала акция 19 декабря 2022 г., когда фургон с нанесённой рекламой маркетплейса «Кракен» был припаркован на улице Новый Арбат в непосредственной близости от здания Министерства иностранных дел РФ, заблокировав две полосы движения. Рекламные материалы содержали логотип площадки и маркировку «18+», что создавало иллюзию легитимности контента. Подобные акции наблюдались также в московском метрополитене и других публичных пространствах столицы в период января 2023 г.

Деятельность даркнет-рынка «Кракен» и его реклама подпадают под действие нескольких норм российского законодательства:

Уголовно-правовая квалификация по п. «а», «в», «д» ч. 2 ст. 230 Уголовного кодекса РФ.

Административно-правовая квалификация по ст. 6.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Существующее законодательство не содержит специальных норм, регулирующих ответственность за организацию массовых рекламных кампаний даркнет-площадок. Отсутствует чёткий механизм привлечения к ответственности владельцев рекламных поверхностей, операторов наружной рекламы и транспортных средств, используемых для распространения запрещённой информации. Кроме того, анонимность организаторов даркнет-рынков затрудняет установление субъекта преступления. Необходимо внесение изменений в ст. 230 УК РФ с уточнением квалифицирующих признаков, связанных с использованием публичной рекламы для склонения к потреблению наркотиков.

Усиление административной ответственности: повышение штрафных санкций по ст. 6.13 КоАП РФ и введение механизма блокирования рекламных конструкций в упрощённом порядке без необходимости судебного решения. Также необходимо организовать взаимодействие с представителями цифровых платформ, наиболее часто используемыми гражданами для внедрения программного обеспечения, позволяющее в режиме реального времени с применением искусственного интеллекта блокировать запрещённый контент в поисковых сервисах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хохлов, Д. Н. Криминальные тенденции наркобизнеса на территории Российской Федерации в условиях современной деглобализации / Д. Н. Хохлов // Академическая мысль. – 2022. – № 2(19). – С. 140-144.
2. Клинк, К. В. Ответственность за незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / К. В. Клинк // Научный электронный журнал Меридиан. – 2020. – № 18(52). – С. 153-155.

УДК 159.9

Нестеренко Н.И., курсант 2 года обучения переменного состава
Ростовского юридического института МВД России
Научный руководитель –
кандидат филологических наук А.В. Внуковская

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Невербальные средства коммуникации — это способы передачи информации, эмоций и отношений без использования слов [2, с.79]. Они дополняют вербальную коммуникацию и играют ключевую роль в социальной и психологической сферах [1]. Виды невербальной деловой коммуникации: проксемика, кинесика, ольфакция, паралингвистика, экстралингвистика, гастика, такесика, хронемика.

Проксемика регулирует пространственные отношения между коммуникантами, определяя дистанции взаимодействия. Паралингвистика охватывает вокальные аспекты речи, такие как тон, громкость и темп [4, с.10]. Одним из первых, кто начал изучать пространственные отношения, был американский антрополог и психолог Эдвард Холл. Он ввёл термин «проксемика» и выделил четыре зоны дистанции: интимная (0–45 см) — для самых близких людей (родственников, партнёров); личная (персональная) (45–120 см) — для общения с знакомыми, друзьями; социальная (120–400 см) — для официального общения, деловых встреч; публичная (более 400 см) — для публичных выступлений.

Кинесика представляет собой систему визуально воспринимаемых невербальных сигналов, включающих жесты, позы и мимику. К ней относятся:

1. Жесты — значимые движения рук, головы, тела, предназначенные для передачи эмоциональной и интеллектуальной информации. Жесты могут быть ритмическими (подчёркивают интонацию), эмоциональными (выражают чувства), указательными (выделяют предмет или место), изобразительными (сопровождают описание) и регулирующими (поддерживают и направляют общение).

2. Мимика — движения мышц лица, которые выражают эмоции (улыбка, нахмуренные брови, расширение зрачков).

3. Позы — положение тела в процессе коммуникации. Открытые позы могут свидетельствовать о доброжелательности, закрытые — о настороженности.

4. Походка, движения глаз. Данные элементы играют ключевую роль в передаче эмоций и установок в процессе общения.

Исследователи выделяют кинесику как одну из основных категорий невербальной коммуникации [4, с.10].

Помимо кинесики и проксемики, выделяют и другие категории невербальной коммуникации: такесика — изучает прикосновения как форму невербальной коммуникации (рукопожатия, похлопывания, объятия, поцелуи); паралингвистика — включает голосовые характеристики: тембр, интонацию, паузы, громкость; хронемика — изучает использование времени в невербальном коммуникационном процессе; ольфакторы (ольфактика) — основаны на анализе запахов; гастика — наука о знаковых и коммуникативных функциях пищи и напитков, раздел невербальной семиотики.

Эта классификация создает теоретическую базу для понимания роли невербальных сигналов в передаче эмоций и установлении доверия, что является ключевым аспектом профессиональной коммуникации. Понимание этих средств помогает лучше воспринимать и интерпретировать эмоции и намерения собеседника, что способствует более эффективному взаимодействию.

Психологические механизмы восприятия невербальных сигналов основаны на автоматической обработке мимики и жестов. Эта автоматизация обеспечивается активностью зеркальных нейронов, которые активируются как при выполнении действия, так и при наблюдении за аналогичным действием другого человека. Данные нейроны играют ключевую роль в распознавании эмоций и намерений собеседника. Альбер Мерабян, пионер в области изучения языка телодвижений, работавший в 50-е годы XX века, обнаружил, что информация любого сообщения делится следующим образом: 7% ее передается вербально, то есть словами, 38% — вокально (тоном голоса, ударением и способом произнесения звуков) и 55% — невербальными сигналами [5, с.15].

Интерпретация невербальных сигналов представляет собой сложный когнитивный процесс, зависящий от контекста общения и индивидуального опыта реципиента. Контекст определяет значение жестов и мимики, поскольку один и тот же невербальный сигнал может иметь различную семантику в разных ситуациях. Индивидуальный опыт формирует личные ассоциации и шаблоны распознавания невербального поведения. Следовательно, восприятие невербальных сигналов является субъективным процессом, опосредованным культурными и личностными факторами.

Культурная специфика невербальной коммуникации проявляется в формировании уникальных систем интерпретации жестов, мимики и пространственных отношений. Каждое общество вырабатывает собственные коды для передачи эмоций и намерений через телесные сигналы. Эти паттерны

усваиваются с детства и функционируют как негласный словарь, обеспечивающий взаимопонимание внутри культурной группы.

Эффективным инструментом установления доверия в переговорах выступает синхронизация невербального поведения. Протоколы мимического эха и позного зеркалирования способствуют созданию атмосферы взаимопонимания и кооперации. Как отмечают исследователи, «в детстве я всегда понимал, что люди часто говорят вовсе не то, что думают и чувствуют. А поняв истинные мысли и чувства людей и соответствующим образом отреагировав на их потребности, можно достичь собственных целей» [3, с.8]. Такое отражение невербальных сигналов позволяет точнее интерпретировать скрытые намерения и адаптировать коммуникацию для укрепления доверительных отношений в различных видах коммуникации.

Таким образом, отмечается наличие существенных культурных различий в интерпретации невербальных сигналов, что напрямую связано с эффективностью коммуникации. Расхождения в понимании жестов, мимики и пространственной дистанции часто приводят к конфликтам и снижению продуктивности международных команд. Данные результаты подчеркивают необходимость развития культурной чувствительности как условия эффективного межличностного взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Внуковская, А. В. Формирование коммуникативных (риторических) навыков и умений у сотрудников полиции : Учебно-методическое пособие / А. В. Внуковская. – Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – 64 с. – ISBN 978-5-89288-460-0. – EDN HAWJKJ.
2. Внуковская, А. В. О роли невербальных средств общения в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел / А. В. Внуковская, Д. С. Игнатов // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2022. – № 1(42). – С. 79-81. – EDN YUOXXC.
3. Лавриненко В.Н., Чернышова Л.И. Психология делового общения. — Москва: Юрайт, 2018. — 350 с.
4. Малахова О.Н., Платонова С.И. Деловые коммуникации. — Ижевск: ФГБОУ ВО Ижевская ГСХА, 2021. — 20 с.
5. Пиз А., Пиз Б. Новый язык телодвижений. — Москва: Эксмо, 2022. — 448 с.

УДК 343.2/.7

Огородникова Я. А., курсант 2 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры уголовного права и криминологии
кандидат юридических наук, доцент, Фомина И.А.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: АНАЛИЗ СЛОЖНОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ХИЩЕНИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ И КЛАССИЧЕСКИХ СОСТАВОВ

Переход к цифровой экономике кардинально преобразовал структуру общественных отношений, связанных с оборотом как материальных, так и нематериальных активов. Одной из наиболее актуальных проблем в современной юридической науке и практике является адаптация норм уголовного права к преступлениям, совершаемым в виртуальном пространстве. Традиционная концепция хищения, основанная на материальном объекте и его физическом перемещении, сталкивается с проблемами в цифровой реальности, где активы представлены записями в распределённых реестрах или в виде бинарного кода. Одним из ключевых вызовов при квалификации преступлений в цифровой экономике является определение роли статьи 159.6 УК РФ¹ (мошенничество в сфере компьютерной информации) в системе преступлений против собственности. Классическое понимание мошенничества предполагает воздействие на сознание человека путем лжи и злоупотребление доверием. Однако в виртуальной среде злоумышленник зачастую воздействует не на волю владельца, а на программные алгоритмы. Как отмечает П.С. Яни, практика применения закона сталкивается с серьёзными трудностями при разграничении влияния на человека и технических манипуляций с данными. В случаях, когда хищение происходит посредством несанкционированного доступа к информационной системе без прямого взаимодействия с потерпевшим, возникает вопрос о корректности применения статьи 159.6 УК РФ вместо пункта

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026)

«г» части 3 статьи 158 УК РФ¹ (кража с банковского счёта) [1, с. 6]. Трудность заключается в том, что техническое вмешательство в компьютерную информацию по своей сути ближе к тайному хищению, нежели к классическому обману [1, с. 8]. Стоит учитывать, что применение информационных технологий не просто открывает новые способы совершения преступлений, а трансформирует элементы состава преступления. В коллективной монографии под редакцией Е.В. Смахина подчёркивается, что цифровизация стирает границы между «физическим» и «виртуальным» изъятием имущества. Традиционные методы расследования зачастую оказываются малоэффективными, поскольку цифровые следы обладают высокой степенью нестабильности и могут быть уничтожены очень быстро [2, с. 112]. Кроме того, квалифицировать преступления затрудняет факт того, что объект преступления в виртуальной среде зачастую лишён физической формы, что ставит под сомнение применяемость базового признака хищения – «изъятия материального объекта» [2, с. 145].

Анализ уголовно-правовых решений в сфере цифровой преступности, проведённый Е. А. Русскевичем, указывает на необходимость фундаментального пересмотра предмета преступлений в отношении собственности. Сегодня право собственности должно охраняться не только в его материальном выражении, но и как «цифровые права» и информационные активы. Основная проблема определения виртуального хищения и традиционного состава преступления состоит в том, что действующее уголовное законодательство всё ещё ориентировано на вещную концепцию имущества, в то время как экономические отношения уже давно перешли в нематериальную сферу [3, с. 42]. Автор справедливо утверждает, что отсутствие чёткого определения «цифрового имущества» в УК РФ вызывает значительную правовую неопределённость при квалификации преступлений, связанных с хищением криптовалюты и игровых цифровых активов [3, с. 46; 3, с. 113]. Сложности с квалификацией усугубляются постоянным развитием технологий. В исследованиях 2025 года К.А. Щербаков и Г.В. Баласян подчёркивают, что киберпреступность в условиях всеобщей цифровизации приобретает трансграничный и автоматизированный характер. Всё чаще преступления совершаются с применением искусственного интеллекта, что ещё более размывает субъектную сторону преступления и усложняет разграничение составов по признаку способов совершения [4, с. 430]. Авторы указывают на то, что классические признаки кражи и мошенничества не полностью отражают специфику современных киберпреступлений, которые происходят в виртуальной среде, и требуют внедрения новых квалифицирующих элементов, связанных с использованием высокотехнологичных средств [4, с. 435]. В доктрине уделяется особое внимание вопросу: можно ли считать «обманом» введение заведомо ложных данных в автоматизированную систему. Если рассматривать обман как акт коммуникации между людьми, то статья 159.6 УК РФ представляется юридической фикцией. Если же признать возможность «обмана машины», возникает необходимость чётко различать этот процесс от

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026)

простой модификации информации, относящейся к главе 28 УК РФ¹ (преступления в сфере компьютерной информации). Аналитический обзор демонстрирует, что разграничение хищений в виртуальном пространстве и классических преступлений против собственности остаётся одной из наиболее сложных задач уголовного права. Конкуренция между статьями 158 и 159.6 УК РФ² в большинстве случаев разрешается на усмотрение правоохранительных органов.

Для повышения эффективности уголовно-правовой защиты цифровой экономики требуется: законодательное закрепление расширенного понимания предмета хищения, включающего цифровые активы и имущественные права в электронной форме; унификация подходов к квалификации деяний, связанных с воздействием на программно-технические комплексы, чтобы исключить необоснованную конкуренцию между кражей и мошенничеством. Только комплексный подход к модернизации уголовного законодательства способен обеспечить адекватную защиту имущественных прав в условиях цифровизации общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Яни, П. С. Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Законность. – 2024. – № 2. – С. 5–11.

2. Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования: монография / А. Ф. Абдулвалиев [и др.] ; под науч. Ред. Е. В. Смахтина, Р. Д. Шарапова, В. И. Морозова. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. Ун-та, 2021. – 216 с. – URL: <https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/7144/1/Prestupl.soversh.s.ispolzov.inform.tehnol.2021.pdf> (дата обращения: 24.04.2024).

3. Русскевич, Е. А. Уголовное право и цифровая преступность: проблемы и решения / Е. А. Русскевич. — Москва: ИНФРА-М, 2023. — 256 с.

4. Щербаков, К. А. Проблемы уголовно-правовой квалификации киберпреступлений в условиях цифровизации общества / К. А. Щербаков, Г. В. Баласян // Вестник науки. — 2025. — Т. 4, № 12–1 (93). — С. 428–443.

УДК 159.9

Орлова А.Н., курсант 4 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент, О.В. Трубкина

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026)

² Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНФАНТИЦИДА, ИЛИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

В последние годы количество убийств планомерно снижается, за последние 20 лет их число уменьшилось практически в пять раз: с 30849 эпизодов, выявленных в 2005 году, до 5937 (менее 1 % в числе преступлений) в 2025 году. В общем числе преступности женская составляет около 20 %¹, и, согласно данным судебной статистики, крайне незначительное количество, менее ста приговоров (около 0,04 % от женской преступности) в год выносятся по ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ)². Тем не менее, тема убийства матерью новорожденного ребенка, как и ранее, не теряет своей актуальности. Высокая резонансность при оправданной сложности понимания и осознания людьми причин данных деяний предопределяют повышенный интерес правоохранителей и ученых к борьбе с ними, в частности, к оценке личностных характеристик виновной, ее психологическому портрету и причинам преступления. Представление ее типологических характеристик целесообразно осуществлять при оценке психологических свойств и характера инфантицида – понятия, применяемого в данном случае при намеренном причинении смерти новорожденному ребенку матерью, путем активного действия или бездействия. В этой связи именно личностные характеристики матери-убийцы позволяют определить причины совершения преступления. Так, в первую очередь, в этой связи важную роль играет социальная характеристика виновных:

1. Условия жизни, воспитания и первичного формирования личности. Согласно исследованиям ученых, матери-убийцы часто воспитывались в «непростой» обстановке (58 % – неполные, 80 % – неблагополучные семьи, 34 % – детский дом), связанной с насилием и издевательствами над детьми. Как верно указывают А.И. Натура и Л.А. Злобина, «...негативные явления семьи родителей (ложь, ссоры, драки, оскорбления, пьянство и т. п.) становятся неотъемлемой частью повседневной жизни подрастающей девочки и переносятся взрослыми женщинами в свою семью [1, с. 136].

2. Семейное положение, наличие детей и место проживания на момент совершения преступления. Нередки случаи, когда преступление совершали социально неблагополучные женщины, которые уже имеют детей и находятся в трудном материальном положении, конфликтующие с мужьями или сожителями. Также типично наличие психотравмирующей ситуации, в виде, например, отказа отца признать ребенка своим, рождение ребенка после изнасилования. Однако, 22 % виновных были многодетными матерями, 44 % имели одного ребенка, то

¹ Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 05.04.2026).

² Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Основные статистические показатели состояния судимости в России. <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 15.04.2026).

есть наличие кровных детей не является гарантией формирования материнского инстинкта.

3. Наличие постоянного места работы и образования. Большинство виновных не имели постоянного места работы или были временно безработными; в половине случаев женщина не имела среднего специального или высшего образования.

4. Наличие судимости (13 % виновных были судимы), и психических отклонений (в психоневрологическом диспансере состояли на учете 15 % виновных) [2, с. 136].

То есть, значительное количество матерей-убийц не смогли себя реализовать в социально важных сферах, испытывают моральные трудности при безусловной фрустрации, признаках агрессии, неустойчивости психики и ранимости.

Кроме того, инфантицид, бесспорно, обуславливается множественностью факторов. Так, помимо физической боли, которую испытывает женщина во время беременности, роды оказывают большое воздействие на ее психику. Возможно выделить четыре вида психических состояний матери-убийцы:

1) женщина страдает психическим расстройством, из-за которого не может осознавать характер и опасность своих поступков, не может ими управлять, признается невменяемой, и уголовная ответственность в данном случае не наступает;

2) имеются психические расстройства, не исключающие ее вменяемости, учет которых положен в основу выделения данного привилегированного вида убийства;

3) психическое расстройство, связанное с сильной эмоциональной напряжённостью, возникающей и развивающейся на фоне психотравмирующей ситуации, как самостоятельное смягчающее условие при квалификации детоубийства;

4) отсутствует эмоциональная напряжённость, а также не выявляются какие-либо психические расстройства или нарушения сознания.

Относительно психолого-психиатрических характеристик матерей, формирующих инфантицид, возможно их объединение в следующие группы:

1) эмоциональная напряженность, т.е. особое психоэмоциональное состояние, возникающее под влиянием сильной психотравмирующей ситуации, связанной с рождением ребенка, которое развивается во время или сразу после родов в следствие тяжелых переживаний, страха, стыда или чувства безысходности, ограничивая способность полностью осознавать фактический характер своих действий и руководить ими;

2) расстройство психики, т.е. состояние, при котором наблюдаются психические нарушения способности осознавать характер своих действий или руководить ими в момент совершения преступления; временные или хронические психические отклонения, например, послеродовая депрессия или психоз, которые не лишают ее вменяемости полностью, но существенно

ограничивают способность к самоконтролю и адекватной оценке происходящего;

3) наличие психологических зависимостей, при которых женщина страдает от привязанности, например, к алкоголю (34 %) или наркотическим средствам (16%) [1, с. 137], перестает контролировать поведение, мысли, эмоции.

Для того, чтобы обеспечить полноту расследования и возможность практического использования данного социально-психологического портрета, необходимо проводить всестороннее и объективное изучение всех наиболее значимых признаков и свойств личности, которые находятся во взаимосвязи и взаимном влиянии друг на друга. Безусловно, что данное условие возможно только при тщательном анализе личности женщины в совокупности с оценкой ситуации, что возможно исключительно в рамках производства психолого-психиатрической экспертизы.

Таким образом, как верно указывают В.Н. Туркова, А.Н. Архипова и В. С. Корепанова, «... невозможно понять социально-психологический статус женщины только из его индивидуальных признаков, необходимо учитывать социальную систему, окружение матери-убийцы [3, с. 361]. Инфантицид, обуславливаемый беременностью, изменениями в функционировании организма, болезненными ощущениями, психической неподготовленности к новым условиям жизни априори предопределяет психическое состояние, отличное от обыденных условий, отношение к ребенку в первую очередь как части своего организма, который доставляет ей физическую боль и эмоциональное потрясение [4, с. 361].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Натура А.И., Злобина Л.А. Социально-психологический статус матери-убийцы новорожденного ребенка как элемент криминалистической характеристики преступления // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 134-138.
2. Резник Ж.Я., Душин Е.А. Социально-психологический и демографический статус матери-убийцы новорожденного ребенка как элементы криминологической характеристики личности // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5 (31). С. 131-135.
3. Туркова В.Н., Архипова А.Н., Корепанова В.С. Уголовно-правовой и криминологический анализ статьи 106 УК РФ. В сб.: Личность, общество и государство в правовом измерении. Материалы национальной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 354-363.
4. Шех М.О. Вина матери при убийстве новорожденного ребенка // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-4 (86). С. 266-268.

УДК 343.98

Пеньков И. А., курсант 3 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России

Научный руководитель –
старший преподаватель кафедры информационных технологий
кандидат юридических наук, доцент, А.А. Шаевич

ВЫЯВЛЕНИЕ СОКРЫТИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время информационные технологии вошли во все сферы общественной и личной жизни, а также стали полем для совершения новых форм противоправных деяний, либо использования в качестве инструмента, при совершении старых, например, мошенничества [3, 6]. Это порождает необходимость совершенствования и адаптации традиционных криминалистических методик с учетом этого фактора [2, 7].

Однако мы остановимся на рассмотрении вопросов выявления именно новых видов преступлений, так называемых высокотехнологичных преступлений, под которыми принято понимать противоправные деяния, для совершения которых целенаправленно используются или создаются специальные программные средства и которые совершаются с использованием удаленного доступа к объекту посягательства через информационные сети [1]. Важной характеристикой таких преступлений является их изначальная латентность и транснациональный характер, что существенно осложняет установление всех элементов состава и привлечение виновных к ответственности.

Сложности расследования преступлений данного вида носят системный характер. Как справедливо указывает В.Б. Вехов, они обусловлены фундаментальным разрывом между скоростью технологической эволюции в преступной среде и инерционностью процессуальных, организационных и кадровых систем правоохранительных органов [3]. Во-первых, сама природа цифровой среды обеспечивает высокую степень анонимности. Преступник может действовать под ложной цифровой идентичностью, использовать сервисы, скрывающие его реальное местоположение (например, сети Tor или VPN), или осуществлять атаки с зараженных компьютеров третьих лиц, что размывает традиционное понимание места совершения преступления и затрудняет

установление юрисдикции [6, 15]. Во-вторых, меняется временная структура преступного акта. Меры по сокрытию не являются последующей стадией, а закладываются в преступный замысел изначально: создание анонимных каналов связи, использование шифрования, настройка средств удаленного уничтожения данных – все это часть единого алгоритма действий [2].

Кардинальным изменениям подвергается и криминалистическое учение о следах. Наряду с традиционными материальными следами, ключевое значение приобретают цифровые следы – информация о событиях, фактах или действиях, зафиксированная на электронных носителях или в информационных системах [5, 8]. К ним относятся логи событий, метаданные файлов, фрагменты оперативной памяти, сетевой трафик и иные цифровые артефакты. Эти следы виртуальны, легко модифицируемы, зависимы от технического контекста и требуют для их извлечения и анализа специальных инструментов и экспертных знаний. При этом преступники активно применяют методы «антифорензики» – комплекс приемов, направленных на противодействие цифрово-криминалистическому исследованию [15]. Это включает не только простое удаление файлов, но и их гарантированное уничтожение с помощью специального программного обеспечения, обфускацию (намеренное усложнение) кода вредоносных программ, а также использование стеганографии для сокрытия данных внутри легитимных файлов.

Классификация методов сокрытия может быть проведена по нескольким основаниям. По объекту сокрытия выделяют:

Сокрытие источника атаки (использование прокси-серверов, подмена IP-адресов, работа через бот-сети).

1. Сокрытие содержания (применение криптостойкого шифрования для коммуникаций и хранения данных).

2. Сокрытие факта преступления (маскировка вредоносного ПО под легальное, размещение похищенной информации в публичных облачных хранилищах) [7, 15].

По времени применения методы делятся на предварительные (подготовка инфраструктуры), сопутствующие (удаление логов в реальном времени) и последующие («зачистка» инструментария). Отдельную опасность представляет технологичная инсценировка, когда преступник намеренно оставляет ложные цифровые следы, чтобы направить расследование по неверному пути, например, имитируя внешнюю кибератаку для сокрытия внутреннего нарушителя.

Для эффективного противодействия указанным вызовам требуется не точечная коррекция, а системная трансформация подходов. Первое направление – совершенствование правового и методического обеспечения. Необходима детальная регламентация процессуальных действий с цифровыми доказательствами на всех этапах: от изъятия и копирования до экспертного исследования и представления в суде. Международный опыт и работы отечественных ученых [5, 8, 12] указывают на важность соблюдения принципа неизменности исходных данных (с использованием аппаратных блокираторов записи и расчета криптографических хэш-сумм) и тщательного

документирования «цепочки сохранности» (custody chain) каждого доказательства. Требуют законодательного закрепления процедуры осмотра и изъятия данных с систем, остановка которых недопустима (критическая инфраструктура, медицинское оборудование).

Второе направление – технологическая модернизация. Критически важно развитие и внедрение специализированного программно-аппаратного комплекса для цифровых криминалистов. Перспективным представляется создание единой федеральной базы данных киберинцидентов и сигнатур вредоносного ПО, что позволит перейти от реактивного к проактивному и прогностическому режиму работы. Прорывной потенциал имеет интеграция технологий искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения в следственную деятельность. Как отмечается в исследованиях, нейросетевые алгоритмы способны в режиме реального времени анализировать огромные массивы сетевого трафика, выявляя аномалии и коррелируя разрозненные события, что значительно ускоряет идентификацию атак и их источников [4, 10]. Подобные системы проактивного мониторинга, основанные на ИИ, уже рассматриваются как ключевой элемент предупреждения хищений с использованием электронных средств платежа, где они применяются для автоматического выявления подозрительных финансовых транзакций [Из статьи «Молодежь 2»]. Этот опыт может быть адаптирован и для более широкого круга высокотехнологичных преступлений. Кроме того, арсенал эксперта должен постоянно пополняться средствами для работы с новыми типами устройств: от смартфонов и планшетов до компонентов «Интернета вещей» (IoT) и автомобильных компьютерных систем [11].

Третье направление – кадровое и организационное. Необходимо преодолеть разрыв между юридическим и техническим знанием. Оптимальной моделью видится формирование постоянных междисциплинарных следственно-экспертных групп (СЭГ), где под единым руководством работают следователь, киберкриминалист, сетевой аналитик и иные специалисты [7, 16]. Это требует, с одной стороны, масштабной программы повышения цифровой грамотности действующих сотрудников правоохранительных органов, а с другой – пересмотра образовательных стандартов для юристов, включив в них основы информационной безопасности, цифровой криминалистики и работы с электронными доказательствами. Параллельно важно создавать привлекательные условия для притока в правоохранительные органы высококвалифицированных IT-специалистов. Учитывая трансграничный характер большинства киберпреступлений, особую роль играет развитие международного сотрудничества на уровне оперативных служб и правовой помощи [9].

В заключение необходимо подчеркнуть, что проблема выявления сокрытия высокотехнологичных преступлений перестала быть периферийной и вышла в число центральных для современной криминалистики. Классические теории слеодообразования и методики расследования требуют глубокой адаптации к реалиям цифрового мира. Успех в противодействии киберпреступности будет определяться способностью правоохранительной системы к гибкой и быстрой

трансформации, основанной на триаде: адекватное правовое регулирование, передовые технологии и подготовленные кадры. Только такой комплексный, междисциплинарный подход позволит обеспечить эффективную защиту прав граждан и интересов государства в цифровом пространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2020. 928 с.
2. Безруков В. Б. Противодействие сокрытию преступлений в цифровой среде: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 208 с.
3. Вехов В. Б. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования киберпреступлений: проблемы и перспективы // Вестник криминалистики. 2020. Вып. 2 (66). С. 15–23.
4. Гармаев Ю. П., Мещеряков В. А. Актуальные проблемы использования искусственного интеллекта в криминалистической деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 44–49.
5. Горбатов В. В., Бычков В. В. Цифровые следы в расследовании преступлений: теория и практика работы. СПб.: Издательство «Лань», 2019. 176 с.
6. Егоров Н. Н. Киберпреступность и кибербезопасность в современном мире: уголовно-правовое и криминологическое исследование: монография. М.: Проспект, 2021. 192 с.
7. Ищенко Е. П., Топольский А. А. Криминалистическая методика расследования преступлений в сфере компьютерной информации. М.: КНОРУС, 2020. 142 с.
8. Калинин В. Н., Карпов А. М. Судебная компьютерно-техническая экспертиза: современное состояние и тенденции развития // Российский следователь. 2021. № 5. С. 67–71.
9. Копырюлин А. Н. Международное сотрудничество в сфере раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Международное публичное и частное право. 2022. № 3. С. 37–40.
10. Кузнецов А. В. Большие данные (Big Data) как инструмент криминалистического прогнозирования и моделирования преступной деятельности // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 331–335.
11. Лапин Е. С. Криминалистическое исследование средств мобильной связи и интернета вещей (IoT): новые вызовы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. Вып. 3. С. 90–97.
12. Россинская Е. Р., Усов А. И. Актуальные проблемы судебной экспертизы в условиях цифровизации // Lex russica. 2020. Т. 73. № 5 (162). С. 114–126.

13. Савельева М. В., Федотов А. А. Правовые и криминалистические проблемы доказывания по делам о высокотехнологичных преступлениях // Государство и право. 2023. № 1. С. 122–130.

14. Федоренко Н. В. Тактические операции по преодолению противодействия расследованию киберпреступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 3 (11). С. 78–84.

15. Христюк А. А. Методы сокрытия цифровых следов (антифорензика): классификация и криминалистическое значение // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 6. С. 217–220.

16. Шепитько В. Ю. Криминалистика в условиях цифровой трансформации: новые объекты и методы исследования: монография. Харьков: Право, 2022. 312 с.

УДК 342.24

Перевалова Ю.С., курсант 2 года обучения
переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
старший преподаватель кафедры
основ российской государственности и цивилистики,
Ю.С. Жалене

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРИЗНАКИ

Основополагающим элементом структуры любого современного государства выступает форма его государственного устройства. Закрепились две ключевые модели организации власти: унитарное и федеративное государственное устройство. При этом федерализм не стал распространенным. Из двухсот признанных государств мира лишь 24 функционируют как федерации, то есть объединяют в себе субъекты, имеющие частичную государственно-правовую автономию относительно центрального правительства.

Выделяют специфическую форму государственного устройства этнические, либо многонациональные федерации. Под многонациональной Федерацией обычно подразумевают страну, где при формировании территориальных единиц (субъектов Федерации) учитывается национальная (этническая) специфика населения¹. Полагаем, что такая трактовка многонациональных федераций выглядит чрезмерно обобщенной и даже упрощенной, так как она игнорирует множество важных нюансов федеративных связей в подобных государствах.

¹ Федерализм в России и Канаде: курс лекций / С. В. Кабышев, И. В. Лексин, В. А. Сивицкий и др. М.: Формула права, 2009. 308 с.

Многонациональные страны обладают фундаментальными отличиями от классических государств-наций. Если говорить проще, многонациональным признается такое государство, где представители той или иной этнической общности разделяют «не только общие элементы культуры, но и определенные представления о собственных национальных интересах», что проявляется в первую очередь в желании сберечь свою идентичность и автономность [1].

Этнонационализм превращает этнокультурные сообщества в этнополитические структуры – активных субъектов с общими интересами и политической волей. В западной науке их часто называют «внутренними нациями» или «нациями без собственного государства». В конституционном законодательстве государств они могут называться «народами» (Россия, Эфиопия), «нациями» (Канада) или «национальностями» (Испания, Эфиопия) [2].

Следовательно, многонациональную федерацию можно охарактеризовать как государственное устройство, где существует по меньшей мере один субъект, исторически являющийся центром расселения специфической этнополитической группы. Эта группа, в свою очередь, выделяется выраженными культурными различиями на фоне жителей иных субъектов, обладает собственной политической и правовой культурой, а также доминирует или составляет существенную часть населения своего региона.

Федерализм как принцип и способ организации государственной власти приобрел значительную популярность в современном мире. Расположенные на различных континентах государства, также могут относиться к числу федеративных, они играют важную роль на международной арене, яркими примерами которых являются Российская Федерация и Канада.

Своеобразной государственной организацией наделена Российская Федерация. Отсчет становления федерализма в его современном виде в России ведется с момента подписания Федеративного договора и принятия в 1993 году Конституции страны. Сегодня в состав России входят 89 субъектов. На территории страны проживает свыше 190 национальностей, при этом 47 из них официально признаны малочисленными.

Что касается Канады, она представляется классическим образцом федеративного государственного устройства. Ее федерализм официально берет свое начало в 1867 году, когда бывшая британская колония была разделена на Онтарио и Квебек. Союз был законодательно закреплен Актом о Британской Северной Америке, принятым британским парламентом, который теперь известен как Конституционный Акт 1867 года¹.

Четкое определение сфер ответственности между центральной властью и территориальными единицами является ключевым элементом федеративного государственного устройства. Как правило, в компетенцию субъектов Федерации относят вопросы, непосредственно касающиеся этнокультурных особенностей проживающего населения. Общепринятой практикой в большинстве федеративных государств является предоставление

¹ Конституционный Акт 1867 г. // Конституции зарубежных государств. М., 1996; Constitution Act, 1982 // The Canada Gazette. Ottawa, 1982. Pt. 111.

законодательным органам субъектов, сформированных на территориях компактного проживания этнических групп, права устанавливать один или несколько официальных, а иногда и государственных, языков. Часть 2 статьи 68 Конституции Российской Федерации устанавливает, что республики в составе Российской Федерации вправе устанавливать свои государственные языки [3].

Статья 16 Конституционного акта Канады 1982 года закрепляет принцип равного статуса и равного применения английского и французского языков в деятельности государственных органов федерального и провинциального уровней Канады.

Сенат - Верхняя палата Парламента Канады находится со стороны представления интересов провинций. В частности, две наиболее крупные провинции, Онтарио и франкоязычный Квебек, делегируют по двадцать четыре представителя в Сенат. Принцип распределения мест основывается на территориальном подходе, а не на языковых квотах. Однако, статья 16 Канадской хартии прав и свобод закрепляет официальный статус английского и французского языков, гарантируя их равноправное использование в федеральных законодательных и исполнительных органах власти [4].

Для многонациональных федераций критически важны запрет на произвольный пересмотр устройства государства и четкое разграничение полномочий. Так, в России поправки в главы 3-8 Конституции требуют одобрения двух третей субъектов, а в Канаде изменение статуса языков или устройства Верховного суда возможно только при единогласном согласии всех уровней власти [5].

Таким образом, многонациональные федерации сочетают в себе элементы федеративного устройства, но при этом учитывают этническое многообразие и стремятся сбалансировать интересы различных этнополитических групп. Стоит отметить, что этническое многообразие не служит ключевым критерием, определяющим тип государственного устройства или его социальную суть. Тем не менее, вместе с политическими, экономическими и духовными аспектами многонациональный характер накладывает определенный отпечаток на исторический путь страны и механизмы ее работы. В общепринятом понимании многонациональность рассматривается как сопутствующий фактор, который усложняет внутреннее взаимодействие в рамках такого государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Старостина И.А. Политико-правовые проблемы этнического федерализма на пути формирования стратегии национального развития России: конституционно-правовые аспекты / И.А. Старостина // Журнал: Конституционное и муниципальное право. – 2016. – №11. – С.47–49.
2. Хабриева Т. Я. Современные проблемы самоопределения этносов. Сравнительно-правовое исследование. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2010. 288 с.

3. Мелкумов, А.А. Канадский федерализм: теория и практика. Монография - Книги. Автор: Мелкумов, А. А. Опубликовано: М. : Экономика, 1998 1998. - 222 с.

4. Кремянская Е.А. Развитие федерализма на современном этапе: опыт Канады и России //Журнал российского права. 2003. № 4. С. 93-99.

УДК 343.3/7

Першуков М.Д., слушатель 5 года обучения переменного состава,
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
Научный руководитель-
кандидат юридических наук, Т.Г. Нечаева

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Периодическое изменение редакции статьи 222 УК РФ, а также корректировка смежных норм приводят к тому, что правоприменительная практика не успевает приобрести устойчивый и единообразный характер. Следствием этого являются ошибки в квалификации на этапе предварительного расследования, которые, несмотря на последующее исправление судами первой и апелляционной инстанций, объективно усложняют процедуру уголовного судопроизводства, нарушая принцип правовой определенности.

Особую сложность представляет разграничение состава, закрепленного в статье 222 УК РФ, и иных составов преступлений, образующих институт незаконного оборота оружия в его широком смысле. В данном контексте ключевое значение имели изменения, внесенные в 2014 году федеральным законодательством, в результате которых из статьи 222 УК РФ были выделены деяния, связанные с незаконным оборотом взрывчатых веществ и взрывных устройств, в самостоятельный состав (ст. 222.1 УК РФ) [1]. Основным критерием, позволяющим провести разграничение между указанными нормами, как верно отмечает К.М. Шогенов, выступает объект преступления, неразрывно связанный с его предметом [2]. Для состава, предусмотренного статьей 222.1 УК РФ, непосредственным объектом являются общественные отношения, возникающие в сфере законного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств, что предопределяет и специфику предмета данного преступного посягательства. При этом важно подчеркнуть, что законодатель дифференцировал ответственность не по степени тяжести деяния, а по характеру предмета, обладающего повышенной разрушительной способностью. В отличие

от огнестрельного оружия, взрывчатые вещества и устройства не могут использоваться как средство самозащиты в рамках института необходимой обороны, что предопределяет более строгий подход к регламентации их оборота и, соответственно, более высокую общественную опасность их незаконного оборота.

Аналогичные закономерности прослеживаются при сопоставлении статей 223 и 223.1 УК РФ со статьей 222 УК РФ. В настоящее время конструкция указанных норм во многом воспроизводит логику построения признаков, характерную для статей 222 и 222.1 УК РФ. Различия между статьями 223 и 223.1 УК РФ проводятся по тем же основаниям, которые были обозначены при характеристике предыдущих составов, а именно: по объекту преступления, степени общественной опасности и, как следствие, по строгости предусмотренного наказания. Иными словами, предметная сфера статей 222 и 223 УК РФ совпадает, тогда как предмет преступления, закрепленного в статье 223.1 УК РФ, идентичен предмету, указанному в статье 222.1 УК РФ. Однако практические сложности в разграничении объективной стороны данных преступлений не ограничиваются лишь предметной принадлежностью. В судебной практике нередко возникает вопрос о том, как квалифицировать действия лица, которое, незаконно изготовив оружие, впоследствии осуществляет его хранение или ношение. Ошибочное применение норм о совокупности преступлений является одним из наиболее распространенных дефектов квалификации.

Указанные практические сложности подтверждаются материалами судебных дел. В качестве примера можно привести приговор Новосергиевского районного суда Оренбургской области от 26 июня 2012 года, которым А. был признан виновным в незаконном изготовлении, а также в незаконном приобретении и хранении огнестрельного оружия. В ходе судебного разбирательства подсудимый полностью признал свою вину, дело было рассмотрено в особом порядке. Однако в кассационном представлении прокурора указывалось на излишнее вменение А. квалифицирующего признака по ч. 1 ст. 222 УК РФ (незаконное приобретение путем изготовления), поскольку сам факт изготовления оружия уже получил оценку по части 1 статьи 223 УК РФ. Суд вышестоящей инстанции согласился с данной позицией, отметив, что действия осужденного не могут быть квалифицированы по двум статьям одновременно. В данном случае действия А. не образовывали идеальной совокупности преступлений, что и послужило основанием для изменения приговора [3].

Данный пример демонстрирует устойчивую позицию судов кассационной инстанции: незаконное изготовление оружия охватывает собой последующее хранение и ношение, если они не были сопряжены с иными целями (сбытом, передачей), что исключает квалификацию по совокупности со ст. 222 УК РФ.

Более сложным для дифференциации является разграничение составов, закрепленных в статьях 222 и 224 УК РФ. Ключевое различие между данными нормами лежит в плоскости объективной стороны деяния, что предопределяет

принципиально разные подходы к квалификации. Если в первом случае уголовно наказуемыми признаются активные действия по обороту оружия – его приобретение, передача, сбыт или ношение, то во втором – речь идет о пассивной форме неосторожного поведения, выражающейся в ненадлежащем обеспечении сохранности оружия лицом, правомерно им владеющим. Иными словами, ст. 224 УК РФ устанавливает ответственность не за сам факт обладания оружием, а за нарушение правил его хранения, повлекшее создание условий для использования оружия третьими лицами либо иные тяжкие последствия.

Указанные различия наглядно иллюстрируются судебной практикой. Так, в одном из уголовных дел Кузьмин был осужден, помимо прочего, за небрежное хранение огнестрельного оружия. Суд установил, что заряженное ружье находилось в принадлежащем осужденному автомобиле на законных основаниях. Однако в момент, когда Кузьмин покинул салон, доступ к оружию получили третьи лица, использовавшие его для совершения убийства. В ходе следствия было подтверждено, что осужденный не совершал никаких действий по передаче либо сбыту ружья, а также не носил его при себе. Напротив, объективная сторона деяния выразилась в необеспечении надлежащих условий хранения, что и позволило отграничить данное преступление от состава, предусмотренного статьей 222 УК РФ [4].

Таким образом, основным критерием разграничения ст. 222 и 224 УК РФ выступает характер действий лица: волевое распоряжение оружием, образующее состав незаконного оборота, либо нарушение правил его законного хранения, повлекшее общественно опасные последствия.

Важное значение для правоприменительной практики имеет также соотношение статьи 222 УК РФ со ст. 226 УК РФ. Сопоставление данных норм позволяет выявить как общие черты, так и существенные различия. Общим для обеих статей является то, что их действие распространяется на огнестрельное оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества. Вместе с тем каждая из норм обладает собственной спецификой. Статья 222 УК РФ охватывает более широкий круг предметов, включая, например, холодное оружие, которое не может быть предметом хищения по статье 226 УК РФ. В свою очередь, сфера действия ст. 226 УК РФ не ограничивается предметами, прямо перечисленными в ее названии: она распространяется также на оружие массового поражения – ядерное, химическое и иные его виды, а также на материалы и оборудование, используемые для их создания. Указанные предметы охватываются частью второй данной статьи, что свидетельствует о расширительном подходе законодателя к определению объекта преступного посягательства.

Ключевое различие между данными составами заключается в характере деяния. Статья 226 УК РФ устанавливает ответственность за противоправное завладение оружием, совершенное путем хищения или вымогательства. В свою очередь, последующее незаконное ношение, хранение или сбыт похищенного оружия выходят за рамки данной нормы и требуют самостоятельной квалификации по ст. 222 УК РФ. Указанные действия образуют реальную совокупность преступлений, что свидетельствует об отсутствии конкуренции

между рассматриваемыми нормами. Иными словами, статья 226 УК РФ и статья 222 УК РФ регулируют различные этапы противоправной деятельности, связанной с оружием, и применяются в совокупности в тех случаях, когда за хищением следует незаконный оборот похищенного. Так, действия Ф. суд квалифицировал по совокупности п. «б» ч. 3 ст. 226, п. «б» ч. 3 ст. 222 УК РФ, установив, что «Ф., имея умысел на хищение боеприпасов, с использованием своего служебного положения, незаконно тайно похитил выданные ему 12 отечественных военных патронов калибра 5,45х39 мм в кармане своей одежды переместил их, и стал незаконно хранить указанные боеприпасы в нише над дверью в бане на участке возле дома вплоть до их обнаружения и изъятия сотрудниками УФСБ России» [5].

В юридической литературе справедливо отмечается, что для квалификации по совокупности необходимо установить, что лицо, похитившее оружие, не имело намерения его сбыть или использовать немедленно, а намеревалось хранить его продолжительное время [6]. Если же хищение совершено с целью немедленного использования оружия по назначению (например, для нападения), то дополнительная квалификация по ст. 222 УК РФ не требуется, поскольку хранение в данном случае выступает способом достижения преступного результата и поглощается составом более тяжкого преступления.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Противоправные проявления в сфере оборота оружия отличаются разнообразием как по внешним формам, так и по внутреннему содержанию. Основные сложности, с которыми сталкиваются следственные органы и суды при квалификации незаконного оборота оружия, сводятся к проблемам разграничения данной категории деяний со смежными составами преступлений. Объективные и субъективные признаки состава, закрепленного в ст. 222 УК РФ, зачастую пересекаются с признаками иных уголовно-правовых норм. Указанное обстоятельство обуславливает высокую практическую значимость для правоприменителя выработки и применения четких критериев, позволяющих отличить незаконный оборот оружия от смежных составов преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 370-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 48. Ст. 6651.
2. Шогенов К.М. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. ст. 222, 222.1 УК РФ // Традиции и новации в системе современного права: сборник статей научно-практической конференции. Уфа: Аэтерна, 2023. С. 107.
3. Кассационное определение Оренбургского областного суда от 14 августа 2012 г. по делу № 22-3704/2012 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/100745843/> (дата обращения: 15.03.2026).
4. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19 мая 2005 г. № 51-005-22 по делу № 2-70/03 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/LsPf3loflz5j/> (дата обращения: 15.03.2026).

5. Приговор Зенковского районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области от 28 сентября 2025 г. по делу № 1-102/2025 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Q1eDK0Fu0pmH/> (дата обращения: 15.03.2026).

6. Хазов Д.Е. Хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: проблемные вопросы // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практика: сборник статей научно-практической конференции. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. С. 683.

УДК 343.13:004

Петров Р.В., курсант 2 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
старший преподаватель кафедры информационных технологий
кандидат юридических наук, доцент, А.А. Шаевич

ПРОБЛЕМЫ РАБОТЫ С ЭЛЕКТРОННЫМИ НОСИТЕЛЯМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Уже больше четверти века уголовное судопроизводство сталкивается с необходимостью работы с доказательствами, которые существуют только в электронной форме, причем некоторые технические особенности ее хранения и передачи достаточно динамично развиваются. Так, например, магнитные дискеты уже давно ушли в прошлое и лазерные диски, которые в свое время пришли им на замену, также становятся редкостью. Современные компьютеры, чаще всего, не комплектуются устройствами для чтения или записи этих видов носителей информации.

Это и некоторые другие технические аспекты являются источником проблем для следователей и дознавателей, поскольку действующие нормы УПК РФ не всегда учитывают специфику цифровых носителей информации. В целом, мы согласны с утверждением С.В. Зубова в том, что процедура работы с электронными доказательствами, выступающими в качестве вещественных доказательств или документов, практически идентична обращению с традиционными письменными и предметными носителями, а следовательно, для их проверки и оценки полностью применимы стандартные, устоявшиеся правила уголовно-процессуального доказывания [1, с. 130], однако есть нюансы по работе с носителями этих доказательств. Но эти нюансы недостаточно конкретизированы в УПК, который, всё же, выделяет подобный вид доказательств, а наличие подобной недостаточной определенности, наложенное на недостаточный опыт, нередко приводит к тому, что даже добросовестные действия следователя могут стать основанием для признания электронных доказательств недопустимыми.

К тому же, как отмечает ряд авторов: «На сегодняшний день в российской правовой системе сохраняется терминологическая и классификационная

неопределенность в отношении электронных доказательств, что проявляется в их искусственном подразделении на вещественные доказательства и документы без учета их технологической специфики» [2, с. 46], что также, не упрощает их использование.

Однако, всё же, основная сложность заключается в самой природе электронных носителей. В отличие от традиционных вещественных доказательств, цифровая информация легко изменяется, копируется или удаляется. Любое неосторожное действие с устройством способно необратимо исказить данные, а еще необходимо учитывать вероятность целенаправленных действий злоумышленника по предотвращению получения изобличающей его информации правоохранительными органами.

Особое внимание следует уделить фиксации хода следственных действий. Часть 2 статьи 166 УПК РФ предусматривает использование технических средств, но не раскрывает особенности их применения к цифровым носителям. Между тем, протокол осмотра смартфона или ноутбука должен содержать не только описание внешних признаков устройства, но и реквизиты файлов: тип, дату создания, объем, электронную. Без этих данных невозможно проверить подлинность информации и обеспечить ее воспроизводимость в суде. А кроме того, при работе с электронными доказательствами необходимо соблюдать определенные правила, направленные на сохранность источника доказательств: сначала создается копия носителя с вычислением хэш-суммы, и только потом проводится исследование, т.к. запись хэш суммы при копировании данных позволяет удостовериться в их неизменности на протяжении всего процесса расследования, может удостовериться неизменность путем сверки хэш сумм оригинала файла и его копии или сверки с хэш-суммой, занесенной в протокол следственного действия [3, с. 146]. Однако на практике это требование выполняется не всегда, что ставит под сомнение достоверность полученных сведений.

Важно также учитывать вопросы конфиденциальности, на что указывают многие исследователи [4, с. 124-125; 5, с. 181] При изъятии электронных устройств часто получается доступ к информации, не имеющей отношения к расследуемому делу, но содержащей охраняемую законом тайну (адвокатскую, врачебную, коммерческую). Действующее законодательство не содержит четких механизмов фильтрации таких данных на этапе следствия. Это создает риск нарушения прав третьих лиц и может стать основанием для исключения доказательств из дела.

В заключение следует отметить, что эффективность расследования преступлений, в том числе и с использованием компьютерных технологий напрямую зависит не только от профессиональных качеств сотрудников правоохранительных органов, но и от совершенства процессуальных норм. Представляется, что законодателю, возможно, следует не просто адаптировать существующие статьи УПК РФ к цифровой реальности, но и разработать отдельные нормы, регламентирующие работу с электронными доказательствами. Такой подход позволит минимизировать риски признания доказательств

недопустимыми и обеспечит баланс между интересами следствия и правами участников процесса, но здесь возможны и новые проблемы. Так, можно допустить, что определенные жесткие регламенты и правила могут превратиться в помеху при появлении новых технических решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зуев, С. В. Доказательства в электронном виде и электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: общее, различия, перспективы / С. В. Зуев // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Уфа, 03–04 апреля 2025 года. – Уфа : Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2025. С. 128-131.

2. Васюков, В. Ф. Понятие и виды цифровой информации, используемой в доказывании по уголовным делам / В. Ф. Васюков, Э. И. Дамирчиев // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – № 2(34). С. 38-50.

3. Пономарев, В. Е. Применение хэширования для подтверждения неизменности файлов при копировании электронных доказательств / В. Е. Пономарев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 9. – С. 145-150.

4. Черкасов, В. С. Проблема обеспечения режима тайны электронной информации при уголовном преследовании / В. С. Черкасов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 2 (29). С. 122-127.

5. Веселкова А. Д. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве / А. Д. Веселкова, А. К. Пигусова; науч. рук. В. А. Ложкин // Информационно-телекоммуникационные системы и технологии : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (22-24 окт. 2025 г., г. Кемерово). – Кемерово : КузГТУ, 2025. С. 180-184

УДК 347.7

Пешков М.С., студент 2 курса
Иркутского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
Научный руководитель –
доцент кафедры гражданского права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент, Стерхов П.А.

**ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
КАК ИНСТРУМЕНТ ДЕОФШОРИЗАЦИИ:
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

В условиях санкционного давления со стороны недружественных государств отечественная правовая система столкнулась с необходимостью оперативной трансформации подходов к регулированию корпоративных правоотношений. Исторически процесс деофшоризации в России рассматривался преимущественно сквозь призму финансового и налогового права. В доктрине данный феномен справедливо определялся как комплекс правовых мер, направленных на предотвращение незаконного или недобросовестного использования офшорных юрисдикций, а также на создание предпосылок для репатриации капитала [1, с. 9]. При этом одним из ключевых элементов деофшоризации признавался переход к российским организациям прав собственности на неденежные активы (акции и доли), контролируемые отечественными бенефициарами через офшорные структуры [2, с. 44].

Однако с 2022 года акценты сместились: деофшоризация приобрела ярко выраженный гражданско-правовой, корпоративный характер. Многие иностранные холдинговые компании (далее – ИХК) под влиянием зарубежных регуляторов фактически самоустранились от управления российскими дочерними предприятиями, создав угрозу экономической безопасности государства [3, с. 92]. Классические стимулирующие механизмы деофшоризации, такие как редомициляция в специальные административные районы (САР), оказались недостаточными, поскольку они рассчитаны на добровольное волеизъявление собственника [4, с. 8]. Возникла острая потребность в экстраординарных правовых инструментах.

Ответом законодателя стало принятие Федерального закона № 470-ФЗ¹, который ввел в гражданский оборот принципиально новую правовую категорию – экономически значимую организацию (далее – ЭЗО). Представляется, что данный институт является не просто временной санкционной контрмерой, а фундаментальным инструментом принудительной деофшоризации корпоративного управления.

Анализ нормативных положений позволяет выделить строгие критерии отнесения хозяйственного общества к ЭЗО. Как справедливо отмечается в научной литературе, законодатель использует комплексный подход, включающий экономико-правовые характеристики (выручка свыше 75 млрд рублей, активы свыше 150 млрд рублей, штат более 4 тысяч человек), положение на рынке (субъекты критической информационной инфраструктуры, градообразующие предприятия, недропользователи), а также степень корпоративного контроля со стороны ИХК [3, с. 93].

Ключевым механизмом гражданско-правового воздействия в рамках данного института является процедура приостановления осуществления ИХК корпоративных прав в отношении ЭЗО. Законодатель предусмотрел исчерпывающий перечень оснований для такого вмешательства: отказ от

¹ Федеральный закон от 04.08.2023 № 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32 (часть I). Ст. 6202.

осуществления прав акционера, совершение действий, препятствующих функционированию ЭЗО, или действий, которые направлены на соблюдение антироссийских санкций. Дела данной категории отнесены к исключительной подсудности Арбитражного суда Московской области, что обеспечивает единообразие судебной практики.

С точки зрения гражданского права последствия вынесения решения о приостановлении прав носят беспрецедентный характер и делятся на две группы. Первая группа касается самой ИХК: она лишается права голоса на общем собрании, права распоряжаться акциями и права на получение дивидендов. Вторая, наиболее значимая для процесса деофшоризации группа последствий, затрагивает лиц, косвенно владеющих акциями ЭЗО через ИХК. Для российских граждан и резидентов возникает императивная обязанность вступить в прямое владение акциями ЭЗО [3, с. 95].

Фактически, закон осуществляет принудительное исключение промежуточного звена, отсекая иностранную (офшорную) холдинговую надстройку и трансформируя косвенное владение в прямое. Подобный подход уже был апробирован ранее в смежных правоотношениях. Релевантным примером судебной защиты национальных интересов является дело о принудительном преобразовании филиала компании «Салым Петролеум Девелопмент Н.В.» в российское ООО, где суд приостановил корпоративные права иностранного акционера, совершавшего действия, затрудняющие функционирование недропользователя на территории РФ¹. Данная судебная практика демонстрирует готовность правоприменителя защищать публичный экономический интерес.

Возникает закономерный вопрос о соблюдении баланса публичных и частных интересов, а также принципа неприкосновенности собственности. Анализ Закона № 470-ФЗ позволяет констатировать, что законодатель избежал прямой конфискации. Установлено, что нераспределенные акции учитываются как собственные акции ЭЗО, а ИХК сохраняет право требовать выплаты компенсации в размере их рыночной стоимости. Таким образом, институт ЭЗО сохраняет эквивалентно-возмездный характер гражданско-правовых отношений, заменяя право корпоративного контроля правом на получение справедливой денежной компенсации.

Подводя итог, следует заключить, что институт экономически значимых организаций знаменует собой новый этап в политике деофшоризации Российской Федерации. Сместив фокус с налоговых и административных стимулов на императивные нормы корпоративного права, государство получило эффективный правовой механизм защиты стратегических активов. Принудительная конвертация косвенного владения в прямое позволяет не только нивелировать негативный эффект санкций, но и системно очистить структуру собственности ключевых российских предприятий от недобросовестного

¹ Решение Арбитражного суда Московской области от 29 августа 2022 г. по делу № А41-54894/22 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/uLOnY8LzXij/> (дата обращения: 20.04.2026).

иностранный (офшорный) элемент, вернув корпоративное управление в юрисдикцию Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андрианова Н. Г. Деофшоризация как институт финансового права: основные тенденции формирования и развития : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022.
2. Кондукторов А. С. Деофшоризация финансовой системы Российской Федерации: понятие, цели, актуальные направления реализации // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 6 (151). С. 37-51.
3. Иванов Е. А. Особенности правового регулирования корпоративных отношений в экономически значимых и нефтегазовых организациях в условиях санкционного давления // Вопросы российской юстиции. 2023. № 30. С. 91-100.
4. Борзенко Е. А. Правовые инструменты реализации политики деофшоризации: обобщение российского и международного опыта // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 5-10.

УДК 94(47)

Пожидаева Д.Д., курсант 3 курса
Дальневосточного юридического институт
МВД России имени И.Ф. Шилова
Научный руководитель –
доцент социально-гуманитарных
и экономических дисциплин
кандидат исторических наук, М.О. Вафин

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

В условиях современной геополитической ситуации история становится одним из ключевых показателей и оснований аргументации, используемых государствами для легитимизации своих действий на политической арене и укрепления позиций в мировом сообществе. Представители стран, апеллируя к историческим фактам, обосновывают свою позицию и политическую волю. В результате формируются прецеденты, когда государственные действия необходимо представить в виде реализации значимой или высокой цели. Это порождает либо ложные аргументы в виде подмены реальных фактов на выгодные для определенной стороны, либо искажения, возникающие путем исключения исторических данных, опровергающих выдвинутую теорию. Результатом данного процесса выступает фальсификация истории, оказывающая прямое влияние на сознание личности, общества, нации и мирового сообщества в целом. Как справедливо отмечают В.В. Балахонский, В.И. Стрельченко и

Л.В. Балахонская, «онтологическим основанием современных попыток фальсификации истории является политика западных стран, направленная на манипулирование общественным сознанием в желательном для себя направлении» [1, с. 80].

Проблема фальсификации истории напрямую связана с «дилеммой установления четкого соотношения истины, заблуждения и лжи» [2, с. 8]. Бытие исторического знания носит интерпретативный характер, что формирует поэтапный процесс выявления фактов (событий), их описания и последующего анализа, затем непосредственной интерпретации.

Выделяют два подхода к изменению исторической трактовки исследователем: расширение интерпретации за счет дополнения новыми фактами и ее сужение путем исключения определенных данных о событиях прошлого.

Есть два способа изменения трактовки со стороны исследователя истории: расширение интерпретации, посредством дополнения другими фактами или сужение интерпретации, которое связано с исключением ряда данных о событиях прошлого.

При этом не следует отождествлять интерпретативный характер исторического знания с принципом релятивизма, отрицающим объективность исторического факта. В рамках релятивизма отрицается объективность существования исторического факта, тогда как научное историческое знание, несмотря на наличие субъективного компонента, стремится к объективной достоверности.

Историческое знание помимо интерпретативности обладает сложной многоуровневой структурой [3, с. 290].

На обыденно-психологическом уровне исторические факты трансформируются в мифы. Анализ длительного процесса становления общества показывает, что историческая мифология прочно укореняется в человеческом сознании, формируя менталитет, традиции и обычаи, которые выступают в роли коллективных архетипов. Историческая мифология представляет собой устойчивый феномен, повлиять на который можно лишь одним способом, а именно заменой одного мифа другим, поскольку полностью исключить мифологическую интерпретацию из общественного сознания невозможно в силу ее глубокой культурной укорененности.

Существование исторического знания на теоретико-идеологическом уровне проявляется в форме теорий, концепций и идей, характеризующихся высокой степенью изменчивости и мобильности по сравнению с мифологией. Таким образом, концепция в зависимости от эпохи приобретает различные субъективные трактовки и транслируется следующим поколениям в измененном виде, что свидетельствует о неустойчивости первоначального знания. Переход исторического события в форму теории в последующие эпохи создает пространство для вариативности интерпретаций благодаря гибкости ее структуры. Следовательно, образы исторических фактов и событий, транслируемые через индивидуальное и общественное сознание, формируют

ценностные установки. Передача ложных установок ведет к искажению сознания, что имеет негативные последствия с точки зрения сохранения исторической истины.

Фальсификация истории – это ложное описание исторических событий в угоду предвзятой идее [4, с. 6]. Данное явление следует рассматривать в двух аспектах: как целенаправленный процесс искажения и как его результат, закрепляющийся в общественных взглядах, эмоциях и ощущениях.

Ключевая особенность фальсификации истории заключается в том, что желаемый результат заранее определяется как цель исследования. Сначала формируется необходимая картина прошлого, а затем под нее подбираются соответствующие аргументы и выстраивается логика их подачи. Настоящий ученый выдвигает гипотезы, которые проверяются в ходе исследовательской работы, тогда как фальсификатор заранее принимает нужную версию за истину.

Широкое распространение данного явления обусловлено его функцией инструмента манипуляции общественным сознанием. Это искажает саму суть научного исследования, то есть поиска объективной истины, и негативно воздействует на онтологические и гносеологические основания знания. Причина массового использования исторических искажений кроется в политических амбициях. Создавая разобщенность внутри государств и разжигая межнациональные конфликты, фальсификаторы стремятся доказать «истинность» своих интерпретаций, которые в общественном сознании имеют возможность закрепиться в качестве неоспоримой истины.

Негативное влияние фальсификации особенно очевидно в контексте природы человеческого сознания. Как отмечают П. Курхинен и М.А. Гарвардт, «сознание ищет истину, и жизнь в тени мифологического сознания прекращает удовлетворять вечно ищущее..., что становится, ...основанием для недоверия, а вследствие чего разрушения общности» [5, с. 54]. Следовательно, замалчивание реальных фактов под предлогом неготовности общества к истине запускает необратимый процесс социального распада.

Подводя итог, отметим, что фальсификация истории выступает инструментом размывания национальной идентичности. Искажая историческую самобытность, она со временем ведёт к маргинализации нации и утрате обществом статуса самостоятельного социального субъекта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Балахонский В. В., Стрельченко В. И., Балахонская Л. В. Фальсификация истории как онтолого-гносеологическая проблема // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. № 2. С. 78–89.
2. Карабущенко П. Л., Вартумян А. А. Фальсификации политической истории: опыт исторической герменевтики : монография. Москва : КДУ : Добросвет, 2020. 374 с.
3. Балабушевич В. Ю. Фальсификация истории (опыт философского осмысления) // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3. С. 289–292.

4. Фальсификации источников и национальные истории : материалы 1-го круглого стола Программы «Актуальное прошлое: наука и общество», Москва, 17 сентября 2007 г. Москва : Институт востоковедения РАН, 2007. 53 с.

5. Курхинен П., Гарвардт М. А. Историческая истина с морально-философской точки зрения и актуальность создания комиссии по выяснению исторической истины и примирению // Дискурсы этики. 2022. № 3(15). С. 45–56.

УДК 343.5

Прокопьев Н.Ю., курсант 3 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры уголовно права и криминологии,
кандидат юридических наук, доцент, И.А. Фомина

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА (292 УК РФ), КАК КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Вопрос квалификации такого коррупционного преступления, как служебный подлог, предусмотренный статьей 292 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее УК РФ) является достаточно актуальным на сегодняшний день, поскольку разбор его деталей позволяет правоохранительным органам правильно оценить совершенное преступление. Поэтому, считаем необходимым разобрать некоторые проблемы, которые могут возникнуть в правильном право применении.

Квалификация преступлений начинается с правильного определения объективной стороны – в данном случае, ст. 292 УК РФ, устанавливает общественные отношения, связанные с достоверными юридическими сведениями, указанных в официальных документах. М.А. Митрофанова и С.П. Степанченко отмечают, что в рамках данного преступления документы должны быть оформлены должностным или уполномоченным на то лицом. [1, с. 5]

А.Т. Давлетов считает, что основным объектом преступления является правильная деятельность публичного аппарата власти и управления в сфере обращения с официальными документами. А в качестве дополнительного объекта следует считать конституционные права граждан, их экономические интересы, а также государства и организаций. [2, с.270]

Предмет преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ – это официальный документ. В настоящий момент в законодательстве уголовного права не имеет понятия «официальный документ», поэтому необходимо обратиться к другим отраслям права. Согласно Федеральному Закону от 29.12.1994 №77-ФЗ² официальным документом следует считать документы,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026). – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»

² Об обязательном экземпляре документов: Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 1. – Ст. 1.

принимаемые органами государственной власти РФ, власти субъектов РФ и документы, опубликованные от имени этих органов, носящие обязательный, рекомендательный или информативный характер.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ состоит из двух альтернативных вариантов совершения:

- внесение субъектом преступления в официальные документы заведомо ложных сведений;
- внесение исправлений в официальные документы, которые искажают их действительное содержание.

Исходя из определений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹ от 09.07.2013 № 24, вышеупомянутые действия понимаются как заверение уполномоченным на то лицом заведомо не соответствующих действительности фактов при помощи внесения таковых в уже существующие официальные документы, а также путем изготовления нового документа.

В науке уголовного права подлог разделяется на два аспекта:

Материальный подлог, под которым понимается намеренное изменение подлинного содержания официальной бумаги путём включения в неё ложных данных или корректировки существующих записей. Главная цель подобных действий – придать документу другое смысловое или юридическое содержание. К типичным примерам можно отнести подчистки и дописки. При подчистке из документа удаляются первоначальные верные сведения (например, механическое стирание или смывание текста, цифр), а затем на их место вносятся не соответствующие действительности. Дописка же представляет собой внесение в бумагу дополнительной информации, которой там ранее не было, чтобы исказить её суть.

Интеллектуальный – внесение заведомо ложных сведений в документ, которые не соответствуют действительности. Стоит отметить, что речь идёт о документах, которые изначально изготовлены правильно, с надлежащими реквизитами. Но суть такого деяния состоит в незаконном оформлении – подделка подписи, даты, имени, фамилии и т.д.

Очевидно, что формой совершения подлога является действие, которое направленно на обман и утверждение подлинности поддельного документа, однако, вызывает интерес мнения ученых, по поводу совершения подлога бездействием.

По мнению Журавлева Г.В., подлог – это разновидность обмана, который может заключаться не только в действии (внесение в документ ложных сведений), но и также в бездействии – утаивание некоторых обстоятельств, которые должны быть обязательно указаны в соответствии с законом. [3, с. 91]

А.В. Тюрина предлагает включить в объективную сторону преступления такого деяния, как составление и выдачу заведомо ложных документов [4, с. 300].

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9.

По нашему мнению, стоит согласиться с мнением А.В. Тюриной, поскольку судебная практика¹ показывает, что ложные сведения могут быть внесены как в уже существующий официальный документ, так и во вновь создаваемый.

Следующий элемент состава преступления – субъект преступления. Субъектом преступления ст. 292 УК РФ является лицо, которое наделено полномочиями по составлению, оформлению и продвижению документов. Отметим, что именно это положение относится к характеристике служебного подлога. Это отличает служебный подлог от подлогов, совершаемых лицами, не наделенных вышеупомянутых правомочий.

Субъективная сторона состоит в прямом умысле, когда субъект преступления полностью осознает общественную опасность своих действий и желает их наступления, путем введения в заблуждение заинтересованных лиц, используя поддельные документы.

На основании всего вышеизложенного стоит сказать, что необходимость правильной квалификации служебного подлога, предусмотренного ст. 292 УК РФ, занимает значимую роль в обеспечении правопорядка и законности.

Основной упор этого преступления направлен на подрыв доверия граждан к государственному аппарату и его должностных лиц. Решение проблем необходимо для повышения уровня эффективности борьбы с преступностью, во благо защиты прав и законных интересов граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Митрофанова М. А. Особенности квалификации служебного подлога (ст. 292 УК РФ) / М. А. Митрофанова, С. П. Степанченко // Научный подход: Юриспруденция. – 2025. – № 1(1). – С. 5–8.

2. Давлетов А. Т. Субъект служебного подлога: криминологическая характеристика / А. Т. Давлетов // Евразийское Научное Объединение. – 2021. – № 5-4 (75). – С. 269–271.

3. Журавлева Г. В. Уголовная ответственность за служебный подлог : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Г. В. Журавлева. – Москва, 2006. – С. 91.

4. Тюрина А. В. К вопросу об объективной стороне служебного подлога / А. В. Тюрина // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет". – 2023. – Т. 4, № 15. – С. 299–302.

УДК 347.1

Прыгунова К.А., студент 2 курса
Иркутского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
Научный руководитель – доцент кафедры гражданского права и процесса
кандидат юридических наук, доцент, Стерхов П.А.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.04.2011 № 5-О11-58. – Режим доступа: СПС «Гарант» / «КонсультантПлюс»

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ КРИПТОВАЛЮТ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Развитие цифровых технологий и интеграция криптовалют в экономические процессы ставят перед современной правовой наукой принципиальные вопросы: что такое криптовалюта с юридической точки зрения, каким образом она сопоставляется с традиционными объектами гражданских прав и какова ее правовая природа в российской правовой системе [1, с. 46].

Несмотря на активное использование криптовалют, их правовой статус остается неопределенным. Российское законодательство, включая Гражданский кодекс РФ¹, прямо не закрепляет криптовалюту как объект гражданских прав, что порождает правовые риски для участников оборота.

Криптовалюта — это цифровой актив, функционирующий на основе блокчейн-технологии, используемый для обмена, инвестирования и хранения стоимости.

С экономической точки зрения криптовалюта выполняет функции имущественного блага (ст. 130 ГК РФ - понятие имущества), а также может участвовать в сделках как объект гражданских прав (ст. 421 ГК РФ - свобода договора).

Согласно ст. 128 ГК РФ, объектами гражданских прав являются: вещи, деньги, ценные бумаги, имущественные права и иное имущество.

Научная доктрина выделяет несколько подходов к классификации криптовалюты:

1. как «иное имущество». Позволяет применять к криптовалюте нормы о вещах (ст. 129 ГК РФ - понятие вещи, ст. 209 ГК РФ - виды имущества), хотя она не имеет материальной формы [2, с. 69].

2. как цифровое право/имущественное право требования. Криптовалюта может рассматриваться как право на определенное благо (ст. 302 ГК РФ - права требования)

3. как самостоятельный объект гражданских прав. Предложение внести криптовалюту в отдельную категорию ГК РФ для юридической определенности.

Наиболее распространенная позиция - криптовалюта — это иное имущество, обладающее экономической ценностью и подлежащее обороту в гражданском праве.

Российское правовое регулирование криптовалют включает:

- ФЗ о цифровых финансовых активах (ДФА) регулирует смежные категории, но не делает криптовалюту законным средством платежа².

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

- Гражданский оборот криптовалют возможен на основании ст. 421 ГК РФ (свобода договора) и ст. 309 ГК РФ (исполнение обязательств в соответствии с договором) [3, с. 21].

- Владение и отчуждение криптовалют допускается как оборот имущества (ст. 209, 310 ГК РФ - переход прав на имущество).

К проблемам гражданско-правового регулирования криптовалют относят:

- неопределенность правовой природы. Отсутствие четкого понимания криптовалюты затрудняет применение норм ст. 128–130 ГК РФ.

- защита имущественных прав. Проблемы возникают при утрате доступа к криптовалюте - в российском праве это можно сравнить с потерей имущества (ст. 209, 234 ГК РФ - права собственности и переход имущества).

- ограничения в использовании. Криптовалюта не является законным платежным средством (ст. 381 ГК РФ - расчеты по деньгам).

- коллизии регулирования. Противоречие между частноправовыми нормами (ст. 421, 309 ГК РФ) и публичным регулированием (ДФА) создает сложности при правоприменении [4, с. 114].

направления совершенствования правового режима

1. законодательное закрепление. Необходимо четко определить криптовалюту как объект гражданских прав.

2. защита прав участников оборота. Разработка механизмов защиты доступа к криптовалюте и восстановления утраченных прав.

3. Гармонизация с международной практикой. Применение зарубежного опыта позволит выбрать единый подход к регулированию криптовалют и обеспечить баланс между свободой оборота и контролем государства.

Криптовалюта представляет собой новый объект гражданских прав, пересекающий границы экономики и права. На основании ст. 128, 130, 209, 421 ГК РФ ее можно квалифицировать как иное имущество, что позволяет применять нормы гражданского права для защиты имущественных интересов участников оборота.

Законодательство РФ должно развиваться для устранения неопределенности и обеспечения стабильного оборота криптовалют в рамках гражданского права [5, с. 28].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Наумов Д. Ю. Криптовалюта в России: современное состояние и правовое регулирование // Молодой ученый. 2024. № 10. С. 45-49.

2. Лапшин И. С., Шушания С. С., Анисимова А. М. Криптовалюты в России: от правовой неопределенности к экспериментальному правовому режиму // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. № 5. С. 112-118.

3. Белоусов А. Л. Формирование системы правового регулирования оборота криптовалют в Российской Федерации // Юрист. 2023. № 12. С. 18-23.

4. Волкова М. А., Букаева И. Н. Цифровые валюты в системе объектов гражданских прав // Право и политика. 2025. № 3. С. 67-74.

5. Лузан С. Н. Анализ российского законодательства о цифровой валюте: от легализации к ограничению // Журнал частного права. 2023. № 4. С. 25-31.

УДК 347.1

Пыхтина В.В., студент 2 курса
Иркутского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
Научный руководитель –
доцент кафедры гражданского права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент, Стерхов П.А.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

В современных условиях развития Российской Федерации особое значение приобретают традиционные духовно-нравственные ценности, которые рассматриваются как основа государственной политики и правового регулирования. Их закрепление на уровне стратегических документов свидетельствует о стремлении государства формировать правовую систему с учетом исторических и культурных особенностей общества.

Особое значение в данном вопросе имеет Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором прямо закреплены такие ценности, как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, крепкая семья и справедливость. Данный нормативный акт подтверждает, что ценностный подход становится не только политической, но и правовой основой государственного развития¹.

В то же время гражданское право рассматривается как отрасль, основанная на принципах автономии воли, равенства участников и свободы договора. В связи с этим возникает вопрос о допустимости и пределах влияния ценностей установок на частноправовое регулирование.

Конституция Российской Федерации закрепляет ключевые ценностные ориентиры, определяющие развитие всей правовой системы. Так, человек, его

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09 нояб. 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации.

права и свободы признаются высшей ценностью, а государство обязано обеспечивать их защиту¹. Кроме того, Российская Федерация определяется как социальное государство, что предполагает усиление роли публичных интересов².

Указанные положения находят отражение и в гражданском праве. В соответствии со статьей 1 Гражданского кодекса Российской Федерации гражданское законодательство основывается на принципах равенства участников процесса, неприкосновенности собственности и свободы договора. Однако также закрепляется требование добросовестного осуществления гражданских прав [1, с. 12].

Принцип добросовестности выступает одним из ключевых каналов влияния традиционных ценностей на гражданское право. Он позволяет учитывать моральные и этические аспекты поведения участников гражданского оборота. Запрет злоупотребления правом, установленный статьей 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, также направлен на обеспечение справедливости и недопущение недобросовестности поведения [2, с. 45].

Особую роль в современной судебной практике играет именно оценка поведения сторон с позиции разумности и добросовестности. Суды все чаще исходят не только из формального содержания договора, но и из фактического поведения участников правоотношений, что свидетельствует об усилении нравственного элемента в гражданско-правовом регулировании [3, с. 88].

Одним из наиболее ярких проявлений влияния традиционных ценностей является ограничение свободы договора. Несмотря на закрепление данного принципа в статье 421 Гражданского кодекса Российской Федерации, законодатель вводит определенные ограничения, направленные на защиту слабой стороны [4, с. 78]. Это особенно заметно в сфере потребительских отношений, где государство активно вмешивается в регулирование договорных связей.

Например, законодательство о защите прав потребителей предусматривает недопустимость включения в договор условий, ущемляющих права потребителя. Подобное ограничение свободы договора обусловлено необходимостью обеспечения социальной справедливости и защиты экономически более слабого участника гражданского оборота.

Кроме того, значительное внимание уделяется защите нематериальных благ. Гражданское законодательство предусматривает охрану таких ценностей, как честь, достоинство и деловая репутация. Это свидетельствует о том, что право учитывает не только имущественные, но и моральные аспекты общественных отношений [5, с. 102].

Особое значение данное направление приобретает в условиях цифровизации общественных отношений. Распространение информации в сети Интернет существенно увеличивает риски нарушения нематериальных прав

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. 1993. 25 дек.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. 1993. 25 дек.

граждан, что требует более эффективных механизмов судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации [6, с. 54].

Влияние традиционных ценностей также проявляется в усилении социальной направленности гражданского права, законодатель стремится обеспечить защиту уязвимых категорий граждан, включая несовершеннолетних и потребителей. Это отражает общую тенденцию к гуманизации правового регулирования.

Вместе с тем чрезмерное усилие публичного начала в гражданском праве может привести к негативным последствиям. В частности, возникает риск ограничения автономии воли участников гражданского оборота, а также снижения предсказуемости правоприменения [7, с. 67].

Излишняя оценочность правовых категорий может создавать правовую неопределенность, что негативно сказывается на стабильности гражданского оборота в инвестиционной привлекательности экономики. Поэтому внедрение ценностных ориентиров должно сопровождаться четкими критериями их применения в судебной и законодательной практике.

В связи с этим особую актуальность приобретает проблема баланс между публичными и частными интересами. Гражданское право должно сохранять свою специфику, обеспечивая свободу экономической деятельности и стабильность оборота, при одновременном учете базовых ценностных ориентиров.

Таким образом, традиционные ценности оказывают значительное влияние на развитие гражданского права в Российской Федерации. Однако данное влияние должно носить ограниченный характер и не подменять собой основные принципы частноправового регулирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов И.И. Принципы гражданского права: учебное пособие. — М.: Норма, 2020. — 256 с.
2. Петров П.П. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. — 2021. — № 5. — С. 40–50.
3. Белов В.А. Добросовестность и разумность в гражданском праве. — М.: Юрайт, 2023. — 198 с.
4. Сидоров С.С. Свобода договора и ее пределы. — СПб.: Юридический центр, 2019. — 180 с.
5. Кузнецов А.А. Защита нематериальных благ в гражданском праве // Вестник гражданского права. — 2022. — № 3. — С. 95–110.
6. Алексеев С.С. Защита чести, достоинства и деловой репутации в цифровую эпоху // Закон. — 2024. — N 2. — С. 50–60.
7. Смирнова Е.В. Публичные и частные интересы в гражданском праве. — М.: Статут, 2021. — 210 с.

УДК 343.1

Ратнер Е.М., курсант 4 курса
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
Научный руководитель -
кандидат юридических наук, доцент, Д.В. Теткин

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В КРИПТОВАЛЮТНОЙ СФЕРЕ

В условиях современного времени преступность, совершаемая в цифровой среде, занимает одно из основополагающих значений в статистике общего числа преступлений в России. Согласно данным, предоставляемым МВД России, за 2021 год было совершено 271,1 тыс. преступлений с использованием информационно коммуникационных технологий (далее - ИКТ)¹, за 2022 год - 522 тыс. преступлений², за 2023 год - 677 тыс. преступлений³, за 2024 год - 765,4 тыс. преступлений⁴, за 2025 год - 675,4 тыс. преступлений⁵.

И несмотря на то, что за период 2025 года показатели в сравнении с 2024 годом ниже на 90 тыс. выявленных преступлений, важно отметить неоспоримый факт - преступность в сфере ИКТ все еще продолжает занимать

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2021 года / МВД России. - URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения: 10.04.2026).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2022 года / МВД России. - URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 10.04.2026).

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года / МВД России. - URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 10.04.2026).

⁴ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2024 года / МВД России. - URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 10.04.2026).

⁵ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2025 года / МВД России. - URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/> (дата обращения: 10.04.2026).

значительную долю от числа всей зарегистрированной преступности (за 2025 год всего выявлено 1,771 тыс. преступлений, 38% от числа этих преступлений – преступность в сфере ИКТ).

В свою очередь в указанной группе преступлений особое место занимает мошенничество, которое совершается посредством использования криптовалюты. И хотя в настоящее время отдельная статистика преступлений, которые реализуются на криптовалютных платформах, не ведется, стоит отметить, что согласно публикуемым сведениям, полученным из исследования российской компании по безопасности цифровых активов «ШАРД», размер ущерба россиян от криптовалютной преступности за 2024 год составил свыше 150 млн. долларов (примерно 15 млрд рублей по текущему курсу). Это в свою очередь указывает на стремительную «популяризацию» заработка злоумышленников через реализацию *криптовалютных махинаций*. (под *криптовалютными махинациями* в рамках настоящего исследования стоит понимать такие общественно опасные деяния, которые связаны с извлечением злоумышленниками выгоды за счет обмана пользователей криптовалютной сферы (держателей или потенциальных покупателей)).

Судебная практика по привлечению к уголовной ответственности лиц, которые совершали преступления с криптовалютой в части обмана людей в корыстных целях достаточно мала, но тем не менее имеет место быть.

Так, в Республике Хакасия Абаканский городской суд на протяжении длительного производства по уголовному делу, возбужденному в отношении местного жителя, вынес приговор о признании обманных действий по похищению денежных средств, принадлежащих гражданам-пользователям криптовалютной финансовой платформы, путем их списывания на подконтрольные банковские счета через сеть «Интернет», мошенничеством. (в указанном случае мошенничество было совершено в составе организованной группы + легализация денежных средств, приобретенных преступным путем)¹.

При этом, при комплексном анализе системы противодействия преступности в сфере криптовалютного оборота, стоит отметить, что сейчас государственные и правоохранительные органы находятся на этапе постоянного совершенствования указанной системы, ввиду того, что вынуждены сталкиваться с определенными трудностями. К указанным трудностям можно отнести: 1) анонимность злоумышленников на криптовалютной платформе; 2) децентрализация и отсутствие централизованного управления.

Первая проблема напрямую связана с тем, что главная особенность криптобиржи заключается в псевдонимности транзакций. У пользователей не отображается их ФИО, номера телефонов или иные данные. Виден лишь логин, который указываются ими при регистрации. Следовательно, правоохранительные органы вынуждены устанавливать личность

¹ В Хакасии вынесен приговор по уголовному делу о мошенничестве при проведении операций с криптовалютой // Генеральная прокуратура Российской Федерации. – 2023. – 17 нояб. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_19/mass-media/news?item=106634392 (дата обращения: 16.04.2025).

злоумышленника достаточно длительное время, не имея прямого контакта с администратором криптобиржи.

В свою очередь, децентрализация и отсутствие централизованного управления лежит в основе функционирования крипто-сферы. Дело в том, что криптовалюта, находясь в онлайн-пространстве, не может локализоваться в пределах информационных систем одной страны и соответственно контролироваться каким-либо институтом или организацией. В связи с этим возникает трудность, связанная с установлением контрагента, который мог бы вступать с правоохранительными органами в отношения по решению вопросов противодействия преступности в криптовалютной сфере.

При затрагивании вопроса о решении указанных проблем, в первую очередь, стоит отметить такую меру, как *организация тесного взаимодействия правоохранительных органов с администраторами криптобирж*, у которых могут храниться данные о конечных банковских счетах/криптокошельках пользователей, на которые идет перевод денежных средств, а также история входов/выходов и транзакций пользователя, сведения о связанных аккаунтах и IP-адреса. Несомненно, механизм такого взаимодействия между органами предварительного расследования и представителями криптоплатформы/криптобиржи должен иметь законодательно-урегулированную форму, подобно связи между банковскими организациями и правоохранительными органами во время расследования преступлений по предоставлению сведений о банковских счетах¹.

Вместе с этим, при анализе системы противодействия важно отметить, что уже к 1 июля 2026 года запланировано вступление в юридическую силу разработанной Центральным банком России Концепции по регулированию криптовалют на российском рынке². Согласно данным, совершать операции с криптовалютами будет возможно через инфраструктуру, действующую на основании имеющейся лицензий. Также резиденты смогут приобретать криптовалюту за рубежом и переводить ранее купленную криптовалюту через российских посредников за границу, но через уведомление налогового органа, что в значительной мере позволит не только контролировать *иностранные транзакции*, но и будет способствовать взиманию налогов от таких переводов.

Подводя итог, стоит отметить, что на рубеже XXI века политика Российской Федерации, как и большинства развитых стран мира, направлена на совершенствование законодательства, а также научно-технического потенциала, применяемого относительно различных сфер жизни общества. Сфера регулирования криптовалютного оборота, действующего на данный момент, не является исключением. В связи с этим, следует сказать, что общественные отношения постепенно переходят в виртуальную сферу. А вместе с этим

¹Законом установлена обязанность кредитных организаций предоставлять информацию по запросу следственных органов // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/77620> (дата обращения: 15.04.2026).

² Будущее рынка криптовалют: предложения Банка России | Банк России // URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=28213>

расширяется и криминальный сектор, который в рамках криптоплатформ может быть выражен в хищении криптовалюты пользователей обманным путем – криптовалютное мошенничество.

В настоящее время при решении данной проблемы преимущественное значение имеет совершенствование самой системы противодействия таким преступлениям. В связи с чем необходимо рассмотреть возможность реализации тесного взаимодействия правоохранительных органов и представителей криптоплатформы в части предоставления личной информации о злоумышленниках, совершивших не только мошенничество, но и в целом иные преступления на криптоплатформе и в целом установить соответствующий государственный контроль над сферой криптовалют для обеспечения прозрачности транзакций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ляшенко, М. С. Теоретические методы правового регулирования цифровых финансовых валют (криптовалюты) в Российской Федерации / М. С. Ляшенко, О. А. Андреева // Вестник науки. – 2024. – № 1 (70). – Т. 1. – С. 107–111.
2. Chiu, J. The Economics of Cryptocurrencies — Bitcoin and Beyond / J. Chiu, T. W. Koeplla // Bank for International Settlements. – 2018. – Sept. – URL: (дата обращения: 16.04.2026).

УДК 343.98

Русаков С.С., курсант 3 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
старший преподаватель кафедры информационных технологий
кандидат юридических наук, доцент, А.А. Шаевич

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ ИЗЪЯТИИ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ

В 2012 году, в статью 182 УПК РФ, регламентирующую основания и порядок производства обыска Федеральным законом от 28.07.2012 N 143-ФЗ [1] введена часть 9.1¹, а в статью 183 УПК РФ, регламентирующую основания и порядок производства выемки, была введена часть 3.1, аналогичного с ч. 9.1 ст. 182 содержания, которые были дополнены и изменены очередным Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28 июля 2012 г. N 143-ФЗ.

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 28 июля 2012 г. N 143-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // Российская газета, Федеральный выпуск № 5847 от 10.08.12

Федерации»¹, что, закономерно сразу вызвало дискуссии в научном сообществе и на практике [1, 2]. А в 2018 году введение в действие статьи 164.1 УПК РФ и признание утратившими силу, указанных выше норм,² ознаменовало очередной сдвиг в процессуальном регулировании работы с цифровыми следами и вызвало новую волну дискуссий [3,4], которые не утихают до сих пор [5].

Следует отметить, что законодатель во всех описанных выше случаях, создавал такую законодательную конструкцию, которая императивно требует обязательного участия специалиста, не учитывая техническую неоднородность изымаемых объектов и, соответственно, его целесообразность. Анализ публикаций на эту тему показал, что можно выделить две диаметрально противоположные позиции исследователей. Первые полагают современные информационные технологии настолько простыми в обращении, что специальные знания при изъятии внешних накопителей не требуются, тогда как другая группа учёных настаивает на безусловном привлечении профильного эксперта в любой следственной ситуации, связанной с цифровой средой. Подобная полярность мнений свидетельствует о необходимости перехода от абстрактных нормативных предписаний к дифференцированному подходу, основанному на объективных технических характеристиках устройств и степени риска утраты или модификации данных, поскольку изымать такие объекты приходится всё чаще и, вероятно, есть смысл экономии ресурсов в данном вопросе, без риска, последующего признания полученных доказательств недопустимыми.

Критическое осмысление действующего порядка изъятия позволяет утверждать, что формальное соблюдение требования об участии специалиста не всегда гарантирует сохранность информации, а в ряде случаев лишь имитирует процессуальную безопасность. На практике нередки ситуации, когда специалист привлекается лишь для фиксации факта изъятия, не осуществляя фактических действий по блокировке каналов удалённого доступа или корректной упаковке антистатическими материалами, что сводит его роль к механическому подписанию протокола. В то же время, отсутствие чётких методических рекомендаций по упаковке и транспортировке изымаемых устройств приводит к тому, что даже при наличии специалиста электронные носители размещаются в обычные полиэтиленовые пакеты, подвергаясь риску статического разряда или механического повреждения. Как отмечают некоторые ученые, цифровые данные обладают высокой степенью уязвимости: они могут быть изменены, повреждены или удалены в результате как преднамеренных действий заинтересованных лиц, так и технических сбоев. Поэтому важное значение имеет

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Российская газета, Федеральный выпуск № 5951 от 03.12.12

² Федеральный закон Российской Федерации от 27.12.2018 N 533-ФЗ "О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2026).

обеспечение целостности электронных носителей информации с момента их изъятия и до передачи в суд [6, с. 183]. А это требует не только присутствия специалиста, но и применение специализированных технических средств упаковки и др. Между тем, законодатель пока не закрепляет на уровне нормативных актов требования к оснащённости следователей соответствующим оборудованием, оставляя решение этих вопросов на откуп ведомственным инструкциям, которые зачастую носят факультативный характер.

Перспективы дальнейшего совершенствования институтов участия специалиста в цифровой криминалистике видятся, в создании прозрачных алгоритмов взаимодействия следователя и профильного эксперта на разных этапах работы с электронными носителями. При этом, по нашему мнению, требует уточнения позиция, допускающая механическое применение нормы об обязательном участии специалиста без учёта реальной технической обстановки. Участие специалиста должно трансформироваться из формального процессуального атрибута в функциональный элемент системы технико-криминалистического обеспечения, чей объём и характер участия будут обусловлены типом устройства, условий его обнаружения и степенью потенциальной угрозы доказательствам. Только при условии системного подхода к дифференциации процедур изъятия, внедрению унифицированных методик упаковки и верификации, а также обеспечению следователей базовым аппаратным оснащением институт участия специалиста сможет в полной мере реализовать свой потенциал, обеспечивая баланс между оперативностью расследования, достоверностью доказательственной базы и соблюдением прав участников процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шаевич, А. А. Об участии специалиста при изъятии электронных носителей информации в ходе производства обыска и выемки / А. А. Шаевич, И. П. Родивилин // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сборник научных трудов. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. – Вып. 3, 4. С. 153-157.

2. Козолупенко, А. Р. К вопросу о роли специалиста при осмотре мобильного устройства по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков / А. Р. Козолупенко // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 5(13). С. 57-69.

3. Старичков М. В. Об участии специалиста в изъятии электронных носителей информации / М. В. Старичков // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения) : сборник статей Международной научно-практической конференции (Москва, 18 мая 2018 г.). – Москва : Академия управления МВД России, 2018. С. 285–287.

4. Кузора С. А. Изъятие при производстве по уголовным делам электронных носителей информации требует уточнений / С. А. Кузора //

Актуальные проблемы науки и практики : сборник научных трудов по итогам научно-практических мероприятий (Хабаровск, 24–27 марта 2020 г.). Вып. 6 / Дальневосточный юридический институт МВД России. – Хабаровск : ДВЮИ МВД России, 2020. С. 644–647.

5. Смушкин, А. Б. К вопросу об участии специалиста в ходе изъятия электронных носителей информации / А. Б. Смушкин // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : XXVII международная научно-практическая конференция: в 2-х частях, Красноярск, 04–05 апреля 2024 года. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2024. С. 259-260.

6. Веселкова А. Д. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве / А. Д. Веселкова, А. К. Пигусова; науч. рук. В. А. Ложкин // Информационно-телекоммуникационные системы и технологии : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (22-24 окт. 2025 г., г. Кемерово). – Кемерово : КузГТУ, 2025. С. 180-184.

УДК 343.43

Садовникова Е.А., курсант 3 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук, доцент, И.А. Фомина

ДОБРОВОЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОХИЩЕННОГО КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЕЛЫ СТАТЬИ 126 УК РФ

Статья 126 Уголовного Кодекса Российской Федерации, содержащая состав о похищении человека, относится к 17 главе и нацелена на защиту свободы, чести и достоинства личности. Это значит, преступник, похищая и удерживая лицо, лишает его права на свободное передвижение, на принятие самостоятельного решения находиться в том или ином месте. Позднее, к статье было вынесено примечание. Оно устанавливало, что «Лицо, добровольно

освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления»¹.

Для освобождения по данному примечанию виновным лицом должны выполняться два условия. Для начала преступник должен действительно добровольно освободить удерживаемого. Это значит, что он понимает о наличии у него возможности дальше удерживать и скрывать лицо, но самостоятельно принимает решение отпустить его. Для оценки не имеет значения отпускает он его из нравственных побуждений или по каким-то другим домыслам, независимо от этого условие добровольности будет соблюдаться. Но здесь стоит также уточнить, что не будет считаться добровольным освобождение потерпевшего в момент, когда правоохранительные органы уже осуществляют пресечение преступления и освобождение лица. Также не будет признака добровольности, если преступник отпустил потерпевшего в связи с получением от его удержания желаемой выгоды, чаще всего это денежный выкуп от близких².

Вторым условием для освобождения от ответственности за похищение согласно примечанию будет отсутствие составов других преступлений. То есть преступник, похищая человека, не должен совершить других преступных действий, которые могут образовать совокупность [1]. По логике закона нарушение этого условия влечет невозможность применения примечания, но изучив судебные решения, можно увидеть, что суды иначе применяют данное положение. Лицо, которое добровольно отпустило человека, но при этом совершила иные правонарушения, все равно освобождается от ответственности по статье 126 УК РФ, и несет ответственность только за другие свои преступные действия³. Получается, что к лицу, не зависимо от того что одно из условий не выполнено, применяется примечание. Такая судебная практика делает второе условие неважным и противоречит закону, что влечет за собой нарушение уголовного принципа законности.

Вводя примечание, законодатель считал, что такое условие увеличит вероятность потерпевшего быть освобожденным и избежать иных насильственных действий в свою сторону. Что лицо, совершившее преступление посчитает для себя более выгодным самостоятельно отпустить свою жертву, нежели в конечном итоге быть пойманным сотрудниками полиции [1, с. 25]. Но анализируя норму, становится понятно, что добавленное к ней примечание вызывает вопросы и непонимание.

Одна из проблем, это отсутствие упоминания временных рамок удержания лица против его воли [2, с. 191]. Получается, не имеет значения на протяжении какого времени преступник удерживает жертву, он все равно может избежать наказания за преступление при добровольном освобождении. В истории

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 дек. 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20 янв. 2026 г.). — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по делам похищения человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019г. № 58 // Российская газета. № 296. 31.12.2019

³ Апелляционное постановление Тюменского областного суда № 22-423/2016 от 16 февраля 2016 г. // СПС «Консультант плюс».

встречались случаи похищения людей на дни, месяцы и даже годы. Зная это, кажется несправедливым уравнивать все случаи и давать всем возможность уйти от ответственности. Такое положение ничуть не защищает потерпевшее лицо, а наоборот лишает его права на возмещении причиненного вреда.

Следующий недочет, который можно выявить в примечании к статье 126 УК РФ – это отсутствия условия запрещающего освобождения лицам, неоднократно совершающим похищение человека. Получается, что даже если лицо неоднократно совершает указанное в норме статьи преступление, но при этом, каждый раз добровольно отпуская удерживаемого, оно все равно не лишено поощрительного права.

Для анализа и справедливой оценки российской статьи о похищении человека можно провести сравнение с аналогичными зарубежными статьями.

В немецком законе характеристика состава о похищении человека расписана довольно подробно: любой, кто захватывает другого человека силой, под угрозой серьёзного зла или хитростью с целью подвергнуть его беспомощное положение или привести его на службу в военное или аналогичное военное учреждение за рубежом, наказывается лишением свободы сроком от одного до десяти лет. В менее серьёзных случаях наказание — лишение свободы от шести месяцев до пяти лет. В норме появляется право на уменьшение наказания: «Суд может смягчить наказание в соответствии с разделом 49, если правонарушитель позволит жертве вернуться в свой жизненный круг, отказавшись от запрашиваемой выплаты. Если такой результат происходит без участия нарушителя, его серьёзные усилия по достижению этого показателя достаточны»¹. На первый взгляд германская норма ближе всех походит на нашу отечественную, но между ними всё равно есть большое отличие: иностранная не освобождает виновное лицо полностью, как это делает примечание к статье 126 УК РФ.

Похищение человека во Франции — это незаконный захват живого человека, его перемещение с места проживания (постоянного или временного) и удержание против его воли в ином месте. Статья 224-1 УК Франции предусматривает ответственность за похищение человека в виде 20 лет тюремного заключения. Согласно части 3 статьи 224-3 Уголовного кодекса Франции, «срок тюремного заключения за похищение человека может быть снижен до 10 лет, если похищенный будет освобождён добровольно в срок до наступления «семи полных суток», исчисляемых со дня фактического захвата»². Здесь мы видим ограничение по сроку удержания человека, которое не было в выше изученных законах.

Изучив 126 статью УК РФ и зарубежные уголовные нормы, устанавливающие ответственность за похищение человека, можно сказать, что они очень схожи друг с другом. Формулировки определений имеют незначительные отличия. Неизменно отношение к преступному посягательству на свободу человека как к общественно опасному. Но что так же можно заметить,

¹Уголовный кодекс Германии, В версии объявления от 13.11.1998 года (Федеральный закон I, стр. 3322), последний раз изменённый Законом от 20.03.2026 года (Федеральный закон I, стр. 95) с поправкой от 02.04.2026. // dejure.org

² Уголовный кодекс Франции [Электронный ресурс] // Библиотека Пашкова.

никакая из зарубежных статей не даёт лицу возможность полностью избежать ответственности за преступление.

Исходя из проведённой работы, можно предположить, что лучшим решением для реформирования статьи 126 УК РФ будет включение в примечание предельного срока удержания, превышая которое преступник лишается права на освобождение от ответственности. А также добавления как обязательного условия отсутствия судимости по этой статье и уже раннего случая освобождения по данному примечанию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонов А.Г. Специальное основание освобождения от уголовной ответственности при похищении человека // Человек: преступление и наказание. - 2010. - №4. С. 24-27.

2. Кабанова Е. С. Примечание к ст. 126 УК РФ: проблемы практического применения и пути их решения // Актуальные вопросы публичного права: Материалы XVII Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2018. С. 187-192.

УДК 347.2/.3

Самусенко Р. Р.,
Командир отделения 3 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирский институт МВД России
Научный руководитель –
старший преподаватель кафедры основ российской
государственности и цивилистики Жалене Ю.С.

ИНСТИТУТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Институт права собственности по праву считается фундаментальным элементом как гражданского права, так и всей системы российской государственности. Собственность определяет характер экономических отношений в обществе, формирует границы допустимого поведения субъектов права и

выступает одной из несущих конструкций гражданского оборота. Неслучайно именно с регулирования имущественных отношений начинается систематизация частного права в любом развитом правовом порядке.

Исследование исторической эволюции данного института представляет не только академический, но и практический интерес. Понимание исторических закономерностей формирования законодательства о собственности позволяет критически оценить действующее регулирование, выявить унаследованные противоречия и наметить направления его совершенствования. По справедливому замечанию Ю.В. Чесноковой, законодательное закрепление права собственности в России прошло длительный путь развития, начиная с осознания самого понятия «собственность» как такового [1, с. 41].

Цель настоящей статьи состоит в системном анализе основных этапов становления и современного состояния института права собственности в контексте соотношения частноправовых и публичноправовых начал российской государственности.

Истоки правового регулирования имущественных отношений на Руси восходят к эпохе Древнерусского государства. В нормах Русской Правды (XI–XII вв.) отсутствовало единое понятие «собственность», однако уже фиксировались правомочия владения и распоряжения имуществом, а также санкции за их нарушение. Последующее развитие — через Псковскую судную грамоту (1467 г.), Соборное уложение (1649 г.) — постепенно конкретизировало содержание имущественных правомочий и разграничивало отдельные виды вотчинного и поместного землевладения.

Принципиальный шаг в институционализации права собственности был сделан в эпоху Российской империи. Как отмечают Д.В. Углицких и Е.А. Раненкова в своем историко-правовом анализе, именно в Своде законов Российской империи 1832 года гражданское право впервые было признано самостоятельной отраслью права, а статья 420 Тома X прямо закрепила понятие «право собственности» как власть «исключительную и независимую» над имуществом в порядке, установленном гражданскими законами [2, с. 46]. Этот момент знаменует окончательное оформление данного института в отечественной правовой системе.

Революционные преобразования 1917 года коренным образом изменили правовую природу собственности. Декрет о земле (1917 г.) и последовавшие за ним акты советской власти упразднили институт частной собственности на средства производства и землю, заменив его системой государственной и кооперативно-колхозной собственности. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года восстановил в ограниченном объеме институт частной собственности применительно к предметам личного потребления и мелкому производству, однако в дальнейшем курс на огосударствление экономики неуклонно сужал сферу частноправового регулирования имущественных отношений.

А.Ф. Чупилкина в исследовании, посвященном экономическому конституционализму советского периода, убедительно показывает, что Конституции СССР 1918 и 1924 годов заложили правовые основы плановой экономики, опираясь

на принцип исключительной государственной собственности на стратегические ресурсы и обобществленные средства производства [3, с. 36]. При этом вектор работы Госплана СССР, по мнению автора, был предопределен именно конституционной преемственностью двух указанных основных законов.

Конституция Российской Федерации 1993 года кардинально изменила правовую архитектуру собственности. Статья 35 закрепила право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им; статья 8 гарантировала равное признание и защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности. Конституционные нормы стали непосредственной нормативной основой всего гражданского законодательства, а Гражданский кодекс Российской Федерации 1994 года, воспроизводя и конкретизируя их, выстроил детальный механизм регулирования имущественных прав.

Вместе с тем соотношение конституционных и гражданско-правовых норм о собственности вызывает в доктрине обоснованные дискуссии. В.А. Процевский и Е.В. Горлов, анализируя конституционно-правовое регулирование экономики, констатируют, что Конституция Российской Федерации определяет существенные черты экономики: нормы-принципы Конституции Российской Федерации обладают наиболее мощной силой влияния на развитие рыночных отношений, устанавливают функции государства в экономической сфере и тем самым образуют несущий каркас правового регулирования собственности [4, с. 90].

В условиях современной российской экономики все более острой становится проблема соотношения частной и публичной форм собственности при осуществлении предпринимательской деятельности. В.К. Андреев и В.А. Лаптев обосновывают необходимость переосмысления регулирования основ конституционного строя в нормах Гражданского кодекса Российской Федерации о формах собственности. По мнению авторов, в современных условиях сама вещь не может рассматриваться как обобщенное понятие, охватывающее все виды материального продукта, а вещное право — охватывать все элементы права собственности: собственность является многоаспектным понятием, и экономическое понимание отношений собственности не тождественно правовому [5, с. 403].

Самостоятельной проблемой выступает закрепление оснований возникновения права собственности на недвижимое имущество. А.Д. Наймушина фиксирует ряд актуальных направлений развития цивилистических подходов в данной сфере, в том числе концептуальное внедрение понимания «основания возникновения права собственности» как базовой категории (в отличие от понятия «приобретение права»), а также выработку предложений по повышению уровня защищенности прав добросовестных приобретателей недвижимости [6, с. 21]. Данные проблемы напрямую связаны с устойчивостью всего гражданского оборота.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, институт права собственности в России прошел многовековой путь от первичных нормативных закреплений в Русской Правде до современного конституционно-

гражданского регулирования, и этот путь характеризуется устойчивой преемственностью при кардинальных политических трансформациях. Во-вторых, конституционные основы права собственности, закрепленные в 1993 году, формируют несущую правовую конструкцию, внутри которой функционирует гражданское законодательство; при этом конституционное и цивилистическое понимание собственности не совпадают по объему. В-третьих, взаимодействие частной и публичной форм собственности в современных условиях порождает правовые коллизии, требующие доктринального и законодательного разрешения.

Дальнейшее совершенствование правового регулирования отношений собственности в России должно опираться на исторический опыт отечественного законодательства, принципы конституционной соразмерности ограничений права собственности, а также на потребности развивающегося гражданского оборота в условиях цифровой трансформации экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чеснокова, Ю. В. История возникновения и развития института права собственности в России // Наука. Общество. Государство : электрон. науч. журн. ПГТУ. 2023. Т. 11, № 1 (41). С. 40–48. DOI: 10.21685/2307-9525-2023-11-1-5.

2. Углицких, Д. В., Раненкова, Е. А. Историко-правовой анализ развития отечественного законодательства о недвижимом имуществе // История государства и права. 2024. № 10. С. 45–50. DOI: 10.18572/1812-3805-2024-10-45-50.

3. Чупилкина, А. Ф. Экономический конституционализм в эпоху Советского государства // История государства и права. 2024. № 10. С. 34–38. DOI: 10.18572/1812-3805-2024-10-34-38.

4. Процевский, В. А., Горлов Е. В., Запорожец С. А. Конституционно-правовое регулирование в сфере экономики России // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 5 (186). С. 89–97. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.089-097.

5. Андреев, В. К., Лаптев В. А. Современные правовые проблемы взаимодействия частной и публичной собственности при осуществлении предпринимательской деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2025. Т. 29, № 2. С. 400–415. DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-2-400-415.

6. Наймушина, А. Д. Право собственности в гражданском праве Российской Федерации // Молодой ученый : электрон. науч. журн. 2023. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54073795> (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 343.13:004

Свиридов С.И., курсант 3 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –

ПРИМЕНЕНИЕ ВКС ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ И СЛЕДСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Проблема применения технических средств органами дознания и предварительного следствия для оптимизации доказывания и полноценной реализации процессуальных гарантий УПК РФ уже много лет остаётся в центре научной полемики. Однако в настоящее время на фоне смещения законодательного акцента в сторону защиты прав личности и стремительного технологического роста, породившего в том числе, принципиально новые технические средства фото, аудио, видеофиксации, защищённые каналы связи и т.п., актуальность темы количество проблемных зон, только увеличивается.

Наиболее показателен в этом контексте опыт интеграции видео-конференц-связи (ВКС): её активное использование в судебных заседаниях уже сформировало устойчивую практику, одновременно став предметом пристального внимания исследователей, а введение регламентации в уголовно-процессуальном законе возможности проведения в дистанционном формате допроса, очной ставки, предъявления для опознания, отображенная в ст. 189.1 УПК РФ¹ открыло новые возможности и породило новые вопросы, требующие разрешения. Так, например, Ю.В. Одноралова, признавая позитивный и даже долгожданный характер введения данного института применительно к стадии предварительного расследования, о необходимости регламентации которого настойчиво отмечалось в специальной литературе, справедливо указывает на то, что не все актуальные вопросы, возникающие в связи с внедрением режима производства следственных действий в дистанционном формате, получили достаточное отражение [1, с. 100].

Несмотря на большое количество исследований, многие проблемы, так и остаются нерешенными. Например, в современной следственной практике нередко возникает ситуация, когда следователь, располагая видеозаписью допроса, проведённого посредством видео-конференц-связи, сталкивается с возражениями защиты относительно правомерности использования данной записи в качестве источника доказательств. Эти возражения основаны на претензиях к полноте фиксации: камера передаёт лишь ограниченный сектор обстановки, что ставит под сомнение объективность доказательственного материала, что делает актуальным внедрение перспективных решений, таких как сферическая видеофиксация с углом обзора 360 градусов [2, с. 60].

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2021 года N 501-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" [Электронный ресурс]// СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ дата обращения: 12.03.2026

Кроме того, у многих исследователей, озабоченность вызывает использование видео-конференц-связи в досудебном производстве, т.к. несмотря на многочисленные поправки, сохраняются сомнения в достаточной эффективности и безопасности применения ВКС [3, с. 95], в объективности показаний и в возможности полного технического оснащения всех органов предварительного расследования [4, с. 134].

Учёные справедливо указывают, что доказательство может быть признано недопустимым при отсутствии данных о характеристиках применённых технических средств [5, 239].

Подобные ситуации, возникая всё чаще и уже становясь типичными, поднимают широкую проблему обеспечения процессуальной достоверности этого и иных видов доказательств, которые принято относить к цифровым следам в условиях, когда нормативная база «догоняет» технологический прогресс.

Представляется, что ключ к решению лежит не в отказе от инноваций, а в их взвешенной интеграции с учётом как криминалистических требований, так и гарантий прав участников процесса. Информационные технологии в уголовном судопроизводстве, под которыми понимается совокупность методов и технических средств сбора, организации, хранения, обработки, передачи и представления информации, расширяющая знания людей и развивающая их возможности по управлению техническими и социальными процессами [6, с. 15], действительно способны ускорить расследование, предоставить новые источники доказательств и оптимизировать взаимодействие между правоохранительными органами.

Анализ международной практики демонстрирует, что внедрение ВКС в уголовное судопроизводство давно вышло за рамки экспериментальных проектов и стало устойчивым элементом цифровой трансформации правосудия не только в отечественной практике, а значит этот опыт может и должен изучаться, чтобы избегать повторения уже совершенных ошибок и адаптировать успешный опыт для внедрения в отечественную практику. В странах с обширной территорией (США, Канада, Австралия) ВКС первоначально использовалась для оптимизации логистики и сокращения издержек при первоначальном появлении подозреваемого перед судом, а также при рассмотрении дел о неуплате штрафов. В Европейском Союзе развитие данного инструмента получило импульс в рамках Плана действий «Электронное правосудие» (2009–2013 гг.) и Конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам (ст. 10), которая прямо допускает проведение допросов свидетелей и экспертов по ВКС в трансграничных делах при условии соблюдения фундаментальных принципов права запрашиваемого государства, наличия технической базы и согласия запрашиваемого лица.

Примечательно то, что уже 15 лет назад, исследователи фиксировали ряд системных рисков, созвучных проблемам российской следственной практики. К ним относятся:

1. Ограничение права на защиту и ухудшение коммуникации. Адвокатское сообщество отмечает, что дистанционный формат снижает качество взаимодействия «защитник–подзащитный», затрудняет контроль судьи за ходом процесса и может влиять на поведенческие стратегии участников (феномен «мониторного захвата», когда фокус внимания смещается на экран, а не на непосредственный контакт).

2. Проблемы объективности и полноты фиксации. Зарубежные исследователи указывают на риск утраты контекста обстановки допроса при использовании стандартных камер с ограниченным углом обзора, что ставит под вопрос достоверность доказательственного материала и требует внедрения стандартизированных протоколов технической фиксации.

3. Риск «механизации» правосудия. Доминирование экономической целесообразности над процессуальными гарантиями способно подрывать легитимность решений, особенно при вынесении итоговых процессуальных актов исключительно дистанционно. [7, 19-23]

Таким образом, можно заключить, что эффективное применение технических средств органами дознания и предварительного следствия в целях доказывания возможно при выполнении следующих условий: развитие материально-технической базы, повышение цифровой грамотности участников процесса и дальнейшее совершенствование нормативной базы с учётом как отечественной практики, так и адаптированного зарубежного опыта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Одноралова, Ю. В. Видео-конференц-связь как средство формирования доказательств: проблемы интеграции в уголовное судопроизводство / Ю. В. Одноралова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2025. – № 1(47). С. 99-107.

2. Еремченко, В. И. Сферическая видеофиксация как перспективное направление развития криминалистической видеозаписи// Общество и право. 2020. № 3(73). С. 59-63.

3. Плахóта, К. С. Использование видео-конференц-связи при расследовании преступлений// Вестник КРУ МВД России. 2021. № 3(53). С. 94-98.

4. Тарасов, А. В., Темзоков, А. Р. Проблемы и перспективы использования современных технико-криминалистических средств в уголовном судопроизводстве (на примере внедрения видео-конференц-связи в уголовный процесс)// Теория и практика общественного развития. 2022. № 9(175). С. 132-137.

5. Морозова, Н. В. Проблемные вопросы использования результатов применения технико-криминалистических средств в процессе доказывания// Современная научная мысль. 2017. № 4. С. 236-241.

6. Брановский, Ю. С. Информационные инновационные технологии в профессиональном образовании: учеб. пособие. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2001. 415 с.

7. Van der Vlis, E.-J. (2011). Videoconferencing in criminal proceedings. In Braun, S. & J. L. Taylor (Eds.), Videoconference and remote interpreting in criminal proceedings. Guildford: University of Surrey, 11-25.

УДК 343.132.1

Свободный Т.Д., студент 4 курса
Дальневосточного юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Научный руководитель –
кандидат юридических наук, доцент, Е.В. Зубенко

К ВОПРОСУ О ПОДМЕНЕ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМ ОСМОТРОМ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Выполнение указанных в статье 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ первоначальных следственных действий зачастую бывает недостаточно для установления фактических обстоятельств дела, следствием чего становится необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела, что влечет нарушение законных прав потерпевших.

Имея ограниченный арсенал следственных действий, невозможно в полной мере установить все необходимые сведения, достаточные для возбуждения уголовного дела. Ввиду этого следователям (дознателям) приходится идти на уловки, фактически нарушая требования уголовно-процессуального законодательства.

Так, на примере расследования дорожно-транспортных преступлений, фактически происходит маскировка единственного необходимого для выяснения всех обстоятельств дела следственного действия – следственного эксперимента под дополнительный осмотр места происшествия.

Согласно статье 181 УПК РФ, в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события. При этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность происшедшего события и механизм образования следов. Производство следственного эксперимента допускается, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц.

В 80 % случаев возникает необходимость проведения следственного эксперимента, поскольку его результаты в 70 % случаев составляют исходную

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: с изм. и доп. // СПС КонсультантПлюс.

информацию для проведения экспертного исследования при расследовании ДТП [5, с. 142].

Однако ввиду прямого запрета на его проведение на стадии проверки сообщения о преступлении происходит его подмена дополнительным следственным осмотром. Среди ученых существует позиция о том, что УПК РФ напрямую не содержит запрета на осуществление экспериментальных действий в ходе осмотра, поэтому некоторые действия, не требующие предварительной подготовки (определение видимости, обзорности, работоспособности различных приборов транспортного средства и объектов дорожной инфраструктуры) можно проводить и в рамках осмотра места происшествия [3, с. 120].

Сторонники данной позиции (Абрамочкина В.В. [1, с. 94], Пинчук Л.К. [6, с. 162], Кольчурин А.Г. [3, с. 120]) акцентируют внимание на том, что указанные действия хоть и проводятся в рамках следственного эксперимента, но при этом их целесообразнее и логичнее осуществлять в рамках следственного осмотра, их реализация не противоречит сущности следственного осмотра, а для следственного эксперимента они, напротив, являются чрезмерно простыми и не соответствуют его предназначению в связи с чем как таковой подмены нет.

Однако мнения большинства теоретиков, а также судебная практика в ряде регионов свидетельствуют о том, что эта позиция не имеет места в действительности и какие-либо опытные действия не должны осуществляться в рамках следственного осмотра [2, с. 378]:

– совершения опытных действий в рамках следственного осмотра в дальнейшем будут исключать проведение следственного эксперимента, так как значительная часть сведений будет дублироваться, что вызовет сомнения в законности получения таких доказательств и повлечет признание их всех недопустимыми. Исключение указанных материалов из доказательственной базы, как следствие, повлечет невозможность назначения автотехнической экспертизы, которая является обязательной по указанной категории уголовных дел, либо же также станет основанием для признания заключения эксперта недопустимым доказательством. Результатом этих действий станет либо вынесение оправдательного приговора, либо возвращение материалов дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

– зачастую указывается, что спор о необходимости производства следственного эксперимента на стадии проверки сообщения о преступлении не имеет места быть в связи с тем, что следственный эксперимент должен характеризоваться производством сложных опытов, носить комплексный характер. В связи с чем на стадии проверки сообщения о преступлении его осуществить невозможно ввиду нехватки информации. Следствием попыток его реализации станет неточность и неубедительность выводов, что в дальнейшем приведет к признанию полученных доказательств недопустимыми и утрате наиболее ценной доказательственной информации [7, с. 255].

Однако, проецируя данную позицию на расследование ДТП, ее сторонники указывают на необходимость данного следственного действия и в качестве одного из решений предлагают применительно к преступлениям в сфере дорожного движения

и эксплуатации транспорта упразднить стадию возбуждения уголовного дела [4, с. 203].

В свою очередь, в случае попытки осуществления следственного эксперимента после возбуждения уголовного дела, имеется серьезный риск невозможностью его выполнения, что обуславливается достаточно серьезными и жесткими требованиями к его проведению.

Ввиду того, что с момента получения сведений о преступлении до момента возбуждения уголовного дела и проведения следственного эксперимента зачастую проходит значительный период времени, может происходить существенное изменение обстановки (состояния дорожного покрытия, климатические и погодные условия, освещение и т.д.), что исключает возможность использования следственного эксперимента как средства доказывания, так как он требует максимального соответствия всех условий обстоятельствам, существовавшим на момент совершения преступления.

В данном случае происходит утрата необходимой для установления истины по уголовному делу информации, исключается возможность проверки версий участников уголовного процесса и алиби, невозможно назначить автотехническую экспертизу.

Таким образом, подмена следственного эксперимента дополнительным следственным осмотром недопустима. В целях решения указанной проблемы предлагается расширить перечень первоначальных следственных действий путем включения в него следственного эксперимента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамочкин, В.В. Время производства следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений относительно стадий уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 93-94.
2. Зубенко, Е. В. Сложности, возникающие в процессе расследования дорожно-транспортных преступлений // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1(205). С. 376-379.
3. Кольчурин, А.Г. Особенности проведения следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Юрист – Правоведъ. №. 4 (91). 2019. С. 119-122.
4. Неупокоева, И.А. Следственный эксперимент или дополнительный осмотр места происшествия: тактические рекомендации // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : Сборник материалов XXVII международной научно-практической конференции. Иркутск. 03 июня 2022 года. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. С. 201-204.
5. Песенкова, Д. П. Особенности проведения следственного эксперимента при расследовании ДТП // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Том Часть 54. Томск : Издательство Томского университета. 2012. С. 142-144.

6. Пинчук, Л. В. К вопросу об участниках следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 162-165.

7. Сучков, А.И. Следственный эксперимент под видом дополнительного осмотра места происшествия, по материалам проверки, связанным с рассмотрением сообщения о дорожно-транспортном происшествии // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. Т. 2. № 1(2). С. 251-258.

УДК 343.28/.29

Ситников А.Е., аспирант 2 года обучения Института юстиции
Байкальского государственного университета (г. Иркутск)
Научный руководитель -
доктор юридический наук, профессор, В.С. Ишигеев

К ВОПРОСУ ОБ УЧЁТЕ ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА ОБ ОТМЕНЕ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

В действующем уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации вопросы применения отсрочки отбывания наказания в отношении беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, традиционно рассматриваются сквозь призму принципа гуманизма и приоритета защиты интересов ребёнка. Вместе с тем анализ нормативного регулирования и судебной практики свидетельствует о наличии отдельных коллизионных ситуаций, способных существенно повлиять на правовое положение осуждённых [1, с. 83]. К числу таких ситуаций относится самопроизвольное прерывание беременности по обстоятельствам, не зависящим от воли осуждённой, правовые последствия которого в полной мере не урегулированы.

Так, в пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2023 г. № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания»¹ разъясняется, что в случае смерти ребёнка либо прерывания беременности по медицинским показаниям вопрос об освобождении осуждённой от наказания либо о замене оставшейся части наказания более мягким видом подлежит разрешению в соответствии с частью 4 статьи 178 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации² (далее по тексту – УИК РФ). Однако ни указанное разъяснение, ни положения

¹ О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2023 г. № 47 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 2.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

статьи 82 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее по тексту – УК РФ) и статьи 178 УИК РФ не содержат критериев, позволяющих определить достаточность медицинских показаний, а также не охватывают случаи самопроизвольного прерывания беременности, не обусловленного медицинским вмешательством [2, с. 96].

Отсутствие прямого нормативного регулирования влечёт возникновение правовой неопределённости, способной привести к принятию противоречивых решений, в том числе к необоснованной отмене отсрочки без фактического улучшения правового положения осуждённой. Подобная ситуация вступает в противоречие с принципом гуманизма уголовного права, а также с целями предоставления отсрочки, заключающимися в обеспечении исправления осуждённой без изоляции от общества при сохранении интересов семьи и ребёнка [3, с. 111-120].

Указанные проблемы находят отражение и в правоприменительной практике. Так, постановлением Октябрьского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 16 июля 2024 г. по делу № 4-6-2/2024² рассмотрено представление уголовно-исполнительной инспекции об отмене отсрочки отбывания наказания, предоставленной осуждённой, либо, альтернативно, об освобождении её от наказания или замене неотбытой части наказания более мягким видом.

Приговором от 21 декабря 2023 г. лицо, признанное виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 и ч. 2 ст. 187 УК РФ, осуждено к шести годам лишения свободы. На основании ч. 1 ст. 82 УК РФ ей была предоставлена отсрочка отбывания наказания на период беременности и до достижения ребёнком четырнадцатилетнего возраста. После вступления приговора в законную силу у осуждённой произошли два самопроизвольных выкидыша, что подтверждается медицинскими документами.

В условиях отсутствия чёткого правового регулирования последствий самопроизвольного прерывания беременности уголовно-исполнительная инспекция была вынуждена обратиться в суд с представлением, содержащим взаимоисключающие требования: об отмене отсрочки и направлении осуждённой для отбывания наказания в исправительное учреждение либо, напротив, об освобождении от наказания или замене его более мягким видом.

Суд, руководствуясь ч. 2 ст. 82 УК РФ и пунктом 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 47, обоснованно указал, что отмена отсрочки допускается исключительно в случаях умышленного прерывания беременности без медицинских показаний, отказа от ребёнка либо уклонения от его воспитания. Поскольку указанные обстоятельства в рассматриваемой ситуации

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Постановление Октябрьского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 16 июля 2024 г. по делу № 4-6-2/2024 // СПС Гарант.

отсутствовали, в удовлетворении представления об отмене отсрочки было отказано.

Вместе с тем при разрешении вопроса о дальнейшей судьбе наказания суд сослался на часть 4 статьи 178 УИК РФ и пункт 9 Постановления Пленума № 47 и применил положения о замене оставшейся части наказания более мягким видом. Данное решение представляется дискуссионным, поскольку разъяснения Верховного Суда Российской Федерации связывают возможность такой замены с наличием медицинских показаний либо фактом смерти ребёнка [4, с. 38-41]. В рассматриваемом случае прерывание беременности носило самопроизвольный характер и не было обусловлено медицинскими основаниями, что не позволяет отнести его к числу обстоятельств, прямо предусмотренных действующим регулированием.

Фактически суд допустил расширительное толкование части 4 статьи 178 УИК РФ, что привело к смешению различных юридически значимых ситуаций и отклонению от критериев, сформулированных в разъяснениях высшей судебной инстанции. В результате правоприменение утратило внутреннюю согласованность: признав отсутствие оснований для отмены отсрочки и направления осуждённой к фактическому отбыванию наказания, суд одновременно применил нормы, не предназначенные для регулирования подобных обстоятельств [5, с. 235-238].

Таким образом, анализ законодательства и судебной практики позволяет констатировать наличие пробела в правовом регулировании последствий самопроизвольного прерывания беременности, не зависящего от воли осуждённой. Его сохранение обуславливает возникновение ситуаций, при которых уголовно-исполнительные инспекции вынуждены формулировать взаимоисключающие представления, а суды - прибегать к расширительному толкованию норм. Это, в свою очередь, создаёт риск произвольного усмотрения и может повлечь необоснованное ухудшение правового положения осуждённой.

Таким образом, устранение выявленной неопределённости возможно посредством нормативного закрепления правовых последствий самопроизвольного прерывания беременности в системе положений статьи 82 УК РФ и статьи 178 УИК РФ с одновременной конкретизацией критериев, подлежащих учёту при разрешении вопроса о судьбе отсрочки. Такая регламентация будет способствовать обеспечению единообразия судебной практики, укреплению принципа гуманизма и более полной защите интересов семьи и ребёнка в сфере исполнения уголовных наказаний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабушкина Л.П. Применение уголовного права в практике / Л.П. Бабушкина. – Воронеж: ВГУ, 2020. – 300 с.
2. Волкова Т.Н. Уголовное право: актуальные проблемы / Т.Н. Волкова. – Екатеринбург: УрФУ, 2019. – 300 с.

3. Громова Н.С. Правовые аспекты отсрочки отбывания наказания / Н.С. Громова. – Казань: Издательство КФУ, 2022. – 180 с.

4. Гальчун Е.А. Проблемы реализации института отсрочки отбывания наказания / Е.А. Гальчун, Г.М. Радянская // XIII Дагелевские чтения. Уголовное право: от русской правды до наших дней: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Владивосток, 17 декабря 2022 года. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2023. – С. 38-41.

5. Григорьева Л.В. Проблемные вопросы института отсрочки отбывания уголовного наказания, предусмотренного статьей 82 уголовного кодекса Российской Федерации / Л.В. Григорьева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 4(153). – С. 235-242.

УДК УДК 378.147

Ступина Е.Н., курсант 1 курса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Научный руководитель –
преподаватель кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин В.С. Бушмакина

ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В современном мире образование стремительно изменяется, процесс цифровизации требует учитывать тенденции развития технологий. Качество получаемого образования напрямую зависит от этих процессов.

Как уже было сказано ранее в настоящее время система образования претерпела серьезные изменения, одной из причин данных изменений является внедрение онлайн-платформ, которые становятся неотъемлемой частью обучения. Российский рынок онлайн-образования демонстрирует стабильный рост: по данным исследования EdTech России, в 2025 году его объем достиг 117 миллиардов рублей, увеличившись на 20% по сравнению с предыдущим годом¹. Возможность получения образования онлайн повышает ее доступность, что оказывает благотворное влияние на личностную ценность образования как «непрерывного процесса». В современном мире прерогатива получения образования не принадлежит только молодому населению. Согласно опросу, в котором приняло участие 2,5 тыс. россиян в возрасте от 18 до 64 лет, 98% взрослого населения знают об онлайн-образовании, а 64% уже имеют личный опыт обучения в интернете. Каждый третий респондент учился онлайн за последний год или учится сейчас, а более половины опрошенных (58%)

¹ Российские образовательные платформы для онлайн-обучения // Sky.pro : образовательная платформа.- Режим доступа: <https://sky.pro/wiki/profession/rossijskie-obrazovatelnye-platformy-dlya-onlajn-obucheniya/> (дата обращения: 06.04.2026)

планируют пройти обучение в ближайшие 12 месяцев¹. В свою очередь доступность образования способствует поднятию мотивации школьников и студентов, так как возможность быстрого получения большого количества учебного материала, а также использование онлайн-платформ, которые лучше позволяют усвоить учебный материал, повышают заинтересованность в образовательном процессе и личную ответственность за его результаты. Приведенные аспекты оказывают всестороннее влияние на образовательный процесс, упрощая его и увеличивая доступность.

Быстрый рост в 2020-х годах искусственного интеллекта так же сыграл не малую роль в цифровизации обучения. За десять месяцев 2025 года совокупный трафик на ИИ-сервисы вырос почти в шесть раз. Лидером платформ в России стал ChatGPT, его доля достигла почти 40%, на втором месте – Deepseek с долей в 27,8%, на третьем – GigaChat, его доля составила 7,3%². Искусственный интеллект используют и педагогами, и обучающимися. Говоря о преподавателях искусственный интеллект может быть использован для автоматизации рутинных задач, управление расписанием и планированием, анализ учебных данных, благодаря чему у педагога появляется больше времени для выполнения тех задач, с которыми не справится искусственный интеллект (взаимодействие со студентами, разработка учебных материалов, проведение исследований) [1]. Однако для качественного использования ИИ необходим достаточный уровень подготовки преподавателей, без данного уровня обучение может являться бесполезным.

Искусственный интеллект в образовательных целях используют и обучающиеся, которые пользуются им чаще чем педагоги. Согласно исследованиям газеты ПРАВМИР в России 30% учителей и 80% школьников используют искусственный интеллект³. Из опроса Высшей школы экономики, проведенного среди российских студентов, следует, что нейросетями пользуются 87% респондентов⁴. Помимо школ, колледжей и высших учебных заведений искусственный интеллект используется и при получении дополнительного образования. Ключевыми моментами такого использования являются: автоматизация проверки заданий, персонализация обучения, генерация учебных материалов, анализ прогресса.

Хотя на первый взгляд кажется, что ИИ-сервисы используются обучающимися только для того чтобы как можно быстрее выполнить работу, на самом деле это не всегда так, во многих случаях технологии позволяют искать

¹ Онлайн-образование вошло в привычку: 64% россиян уже имеют опыт обучения // CNews.- 2025.- 21 нояб.- URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-11-21_onlajn-obrazovanie_voshlo (дата обращения: 06.04.2026).

² Полонская В. В ИИ все боты хороши: трафик нейросетей в РФ увеличился в шесть раз // Коммерсантъ.- 2025. - 27 ноября. - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8231573> (дата обращения: 06/04/2026)

³ В России треть учителей и 80% школьников используют ИИ // Правмир.- 2025.- 21 августа.- URL: <https://www.pravmir.ru/v-rossii-tret-uchitelej-i-80-shkolnikov-ispolzuyut-ii/> (дата обращения: 06.04.2026)

⁴ ИИ в образовании: как преодолеть соблазн готовых решений // Высшая школа экономики: сайт.- 2025.- 22 апреля.- URL: <https://www.hse.ru/news/edu/1038459152.html> (дата обращения: 06.04.2026)

идеи, структурировать материал, чтобы в последствие использовать полученные сведения для собственного ответа.

То есть, если грамотно использовать искусственный интеллект он принесет больше пользы (быстрота и простота получения информации, автоматизация рутинных процессов и др.) в образовательном процессе, чем вреда. И в настоящее время ИИ-сервисы являются не объемлемыми членами всего процесса обучения.

Внедрение онлайн-платформ и мобильных приложений, использование искусственного интеллекта все это способствует персонализации образования, что в свою очередь является еще одним критерием образования в цифровую эпоху. Персонализация – это процесс, при котором содержание, темп, методы обучения адаптированы под конкретное лицо (обучающегося), для обеспечения глубокого усвоения материала и вовлеченности. Говоря проще, персонализация является технологией обеспечения цифровизации. При этом персонализация должна стремиться не только к повышению охвата изучаемого материала, но и учитывать физические особенности человека, чтобы не допустить его перегрузки.

Преимущества персонализации образования заключается в том, что обучающийся может самостоятельно выбирать форму и методы обучения, подстраивать задания под свой уровень, контролировать и анализировать динамику достижений, тем самым повышая эффективность своей работы, доступность информации и мотивацию обучающегося.

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что в период цифровизации образование стало более доступным для всех категорий населения. Использование онлайн программ и приложений, ИИ-сервисов и прочее продолжает положительно влиять на качество получаемых знаний. В настоящей статье приведены лишь некоторые аспекты динамики образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аманова А., Чарыходжаев Д., Джуманазаров Г. Влияние искусственного интеллекта на современное образование // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2025. – № 2 – С. 240 – 241

УДК 343.3/.7

Суконько И.С., слушатель 4 курса
Волгоградской академии МВД России
Научный руководитель –
кандидат юридических наук И.А. Нифталиева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ РАЗБОЯ И СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Проблема отграничения разбоя от смежных составов преступлений является одной из наиболее практически значимых в уголовном праве, поскольку ошибки квалификации в данной сфере влекут существенные последствия как для обвиняемых, так и для потерпевших. Рассмотрение критериев отграничения разбоя от смежных составов имеет ключевое значение для обеспечения единообразия правоприменительной практики.

Наиболее сложным и распространенным является отграничение разбоя от насильственного грабежа, предусмотренного пунктом «г» части 2 статьи 161 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ). Разграничительным критерием выступает характер примененного насилия: при грабеже насилие не является опасным для жизни или здоровья, тогда как при разбое насилие создает реальную угрозу указанным благам.

Пленум Верховного Суда РФ в пункте 21 постановления № 29 разъяснил, что под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли, не повлекших причинения вреда здоровью¹.

Вместе с тем на практике установление границы между опасным и неопасным насилием вызывает значительные затруднения. Оценка характера насилия в значительной мере зависит от позиции правоприменительного органа и сложившейся местной практики, что порождает многообразие судебных решений по аналогичным делам. В частности, спорным остается вопрос о квалификации действий виновного, нанесшего потерпевшему один удар кулаком в область лица, повлекший кратковременное расстройство здоровья. В одних случаях суды квалифицируют такое деяние как разбой, указывая на опасность удара в жизненно важную область, в других – как насильственный грабеж, ссылаясь на незначительность причиненного вреда.

А.И. Бойцов предлагает для разрешения указанного противоречия использовать комплексный критерий, учитывающий не только последствия насилия, но и способ его применения, орудия, обстановку совершения деяния [1, с. 325]. Данная позиция согласуется с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ и способствует формированию единообразной практики квалификации.

Существенные трудности вызывает отграничение разбоя от вымогательства, предусмотренного статьей 163 УК РФ. Оба преступления могут сопровождаться насилием или угрозой его применения, однако различаются по ряду принципиальных признаков. Н.А. Лопашенко указывает, что при разбое виновный стремится немедленно завладеть имуществом потерпевшего путем нападения, тогда как при вымогательстве предъявляется требование передать имущество в будущем [2, с. 286]. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что если виновный требует передачи имущества и одновременно применяет насилие, квалификация зависит от того, направлены ли действия на немедленное

¹ См.: О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

завладение имуществом (разбой) или на принуждение к передаче имущества в будущем (вымогательство).

Характер угрозы при разбое и вымогательстве также существенно различается. При разбое угроза носит непосредственный характер: виновный угрожает применить насилие немедленно, в случае оказания сопротивления. При вымогательстве угроза может быть обращена в будущее: виновный угрожает применить насилие, уничтожить имущество, распространить порочащие сведения, если потерпевший не выполнит требование о передаче имущества.

С.М. Кочои подчеркивает, что при совпадении момента угрозы и момента предполагаемого завладения имуществом содеянное следует квалифицировать как разбой, а при наличии временного разрыва между угрозой и предполагаемой передачей – как вымогательство [3, с. 123]. Данный подход позволяет провести четкую границу между двумя составами преступлений.

Анализ судебной практики показывает, что наиболее распространенными ошибками при квалификации разбоя являются: неправильная оценка характера примененного насилия (квалификация разбоя как грабежа или наоборот), неверное определение момента возникновения умысла на хищение, ненадлежащее установление квалифицирующих признаков. Значительная часть ошибок обусловлена недостаточным исследованием субъективной стороны деяния и обстоятельств применения насилия. Для минимизации ошибок квалификации необходимо последовательное применение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, а также учет сложившейся судебной практики по аналогичным делам.

В целях совершенствования правового регулирования, реализации принципа справедливости [4, с. 9–14; 5, с. 40–48] представляется целесообразным уточнение законодательной дефиниции насилия, опасного для жизни или здоровья, в контексте статьи 162 УК РФ. Действующая формулировка не содержит исчерпывающих критериев отграничения опасного и неопасного насилия, что вынуждает правоприменителей опираться на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и собственное усмотрение. Целесообразно рассмотреть вопрос о включении в текст уголовного закона легального определения понятия «насилие, опасное для жизни или здоровья», что способствовало бы единообразию правоприменения.

Таким образом, отграничение разбоя от смежных составов преступлений является одной из наиболее сложных проблем уголовно-правовой квалификации. Судебная практика выработала правила квалификации, однако отдельные вопросы нуждаются в дальнейшем законодательном урегулировании и доктринальном осмыслении, что свидетельствует о необходимости продолжения научных исследований в данной области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бойцов А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 755 с.

2. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография / Н.А. Лопашенко. Москва: Норма; ИНФРА-М, 2012. 528 с.
3. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности / С.М. Кочои. Москва : АНТЭЙ, 2000. 286 с.
4. Третьяков В.И., Стрилец О.В. Реализация принципа справедливости на современном этапе развития российского уголовного законодательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 9–14.
5. Нифталиева И.А. Формирование и развитие принципа справедливости в российском уголовном законодательстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 40–48.

УДК 343.1

Сырбу С.Г., курсант 3 курса
Уральского юридического института МВД России
Научный руководитель –
старший преподаватель кафедры
конституционного права, административного права
и административной деятельности органов внутренних дел
Д.А. Кошелев

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СФЕРЕ РАБОТЫ С ВЕЩЕСТВЕННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ

В современном уголовном судопроизводстве процесс доказывания занимает центральное место, во многом предопределяя весь ход и итог расследования преступления. Ключевым институтом уголовно-процессуального права при этом выступает собирание доказательств, ведь именно они концентрируют в себе такие неотъемлемые свойства, как относимость к делу, достоверность сведений и достаточность их совокупности, что в конечном счёте позволяет полно и всесторонне установить истину. Любое отступление от правил оформления доказательств, малейшая неопределённость в их источнике или нарушение процедуры фиксации способны поставить под сомнение весь массив собранных материалов и напрямую повлиять на разрешение уголовного дела. На современном этапе практика всё чаще сталкивается с трудностями именно в области процессуального оформления, изъятия и технического сопровождения вещественных доказательств, которые занимают совершенно особое место в доказательственной иерархии [4, с. 212].

Вещественные доказательства представляют собой материальные объекты — предметы, документы, вещества, цифровые носители, — способные благодаря своим физическим свойствам, признакам или локации пролить свет на обстоятельства, подлежащие доказыванию. Их исключительная ценность

кроется в способности придать доказательственной базе объективность и достоверность, не зависящую напрямую от показаний свидетелей или субъективного восприятия участников процесса. Именно материальный характер таких объектов позволяет им либо неопровержимо подтверждать значимые факты, либо столь же однозначно их опровергать, создавая прочную основу для вынесения справедливого судебного решения. Вместе с тем практика выявила острейшую проблему, лежащую в самой основе работы с вещественными доказательствами: отсутствие в законе чётко сформулированного, однозначного понятия, определяющего, какие именно предметы и при каких условиях могут быть отнесены к данной категории. Размытость критериев неизбежно порождает необоснованное изъятие широкого круга объектов, многие из которых впоследствии длительное время удерживаются органами расследования, не приобретая никакого процессуального статуса [5, с. 125].

Усугубляет ситуацию и то обстоятельство, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не устанавливает конкретного, предельно определённого срока, в течение которого должностное лицо обязано принять решение о признании изъятого предмета вещественным доказательством. Данный пробел ведёт к тому, что предметы и документы, по сути, выпадают из правового поля: они не являются вещдоками со всеми вытекающими гарантиями хранения и учёта, но при этом не могут быть возвращены владельцу, так как формально удерживаются в рамках доследственной проверки или следствия. Подобная правовая неопределённость не только нарушает имущественные права граждан и организаций, но и создаёт почву для злоупотреблений, безосновательного растягивания сроков расследования и риска утраты или порчи объектов, имеющих потенциальное доказательственное значение. Для разрешения существующей коллизии необходима не только конкретизация законодательных дефиниций и установление чётких временных рамок для признания предметов вещественными доказательствами, но и комплексная модернизация процедур их фиксации, хранения и контроля за перемещением, в том числе с использованием современных информационных технологий, обеспечивающих прослеживаемость каждого действия и укрепляющих доверие к доказательственной базе. Информационные технологии, в свою очередь, дают возможность создавать централизованные системы учёта, которые регистрируют каждый объект с момента изъятия, отслеживают его движение и исключают дублирование и ошибки, присущие ручному учёту, а применение штрихкодов и специализированных программных комплексов упрощает логистику и контроль за оборотом вещественных доказательств в уголовном процессе.

Проведённый анализ позволяет заключить, что информационные технологии выступают мощным катализатором повышения эффективности уголовного судопроизводства именно там, где материальные объекты приобретают значение решающих улик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 22 декабря.
3. Караева А. А. Доказывание и доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / А. А. Караева. – 2-е изд. – Оренбург ОГУ, 2021. – 107 с.
4. Безлепкин Б. Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный): комментарий / Б. Т. Безлепкин. – 16-е изд. – Москва: Проспект, 2023. – 659 с.
5. Мельников В. Ю., Джамалова Б. Б., Саидов М. О. Проблемы доказывания по уголовным делам: учебник / В. Ю. Мельников, Б. Б. Джамалова, М. О. Саидов. – 3-е изд. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2020. – 432 с.
6. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. – 2-е изд. – Москва: Кнорус, 2022. – 752 с.
7. Назарова А. Д., Стойко Н. Г., Тузова А. Г. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко, А. Г. Тузова. – 2-е изд. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. – 445 с.
8. Головинская И. В. Уголовный процесс: учебное пособие / И. В. Головинская. – 2-е изд. – Владимир: ВлГУ, 2021. – 802 с.
9. Кузнецов В. А. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве / В. А. Кузнецов // Молодой ученый. – 2021. – № 51. – С. 223 – 226.
10. Шалякина О. С. Порядок, способы и условия хранения вещественных доказательств в российском уголовном судопроизводстве / О. С. Шалякина // Сибирские уголовно-процессуальные чтения. – 2014. – № 1. – С. 147 – 153.
11. Попова Н. А. Вещественные доказательства в уголовном процессе / Н. А. Попова // Вестник ТГУ. – 2007. – № 1. – С. 73 – 81.
12. Головкин Л. В. Курс уголовного процесса: учебник / Л. В. Головкин. – 2-е изд. – Москва: Статут, 2017. – 1280 с.

УДК 349.6

Тамкович Р.А. студент 2 года обучения
Дальневосточного юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Научный руководитель –
кандидат юридических наук, доцент, Е. В. Зубенко

«НЕЗАКОННАЯ ДОБЫЧА ЗОЛОТА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭКОЛОГИИ ПО МАТЕРИАЛАМ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ»

Мерзлая земля отдает миллиарды. Именно так характеризуют Амурскую область российские СМИ, в силу рекордных приростов в золотодобыче региона в последние годы. Министерство природных ресурсов Амурской области отмечает, что за первый квартал 2026 года добыча драгоценного металла выросла на рекордные в истории субъекта 40–41 процент, что составило порядка двух тонн полученного золота¹. Приамурье традиционно признается сильнейшим субъектом золотодобычи в Дальневосточном федеральном округе, что выражается в комплексном развитии и растущих инвестициях отрасли, а также появлении новых предприятий, осуществляющих добычу. Несмотря на то, что законодательством Российской Федерации установлены нормативы добычи и другие механизмы, защищающие окружающую среду, недобросовестные субъекты, которыми выступают как физические, так и юридические лица, в силу корыстных интересов пренебрегают установленными ограничениями. В результате такой деятельности наносится ущерб как экономике, так и экологическому богатству Амурской области.

Приведённые обстоятельства порождают необходимость изучения экологических последствий, вызванных незаконной золотодобычей. Анализ доктрины экологического права позволяет выделить следующие актуальные проблемы неконтролируемой и незаконной золотодобычи: загрязнение почвы тяжелыми металлами; загрязнение вод взвешенными веществами; необходимость при обработке использования значительных объемов пресной воды и энергии; выбросы токсичной пыли в атмосферу; ухудшение качества пресной воды [2, с. 401].

Наличие указанных экологических последствий при осуществлении золотодобычи обуславливают необходимость комплексного правового обеспечения данной отрасли. В системе законодательства Российской Федерации регулирование данной сферы общественных отношений осуществляет ряд нормативных правовых актов, к числу которых относят Закон Российской Федерации «О недрах», Федеральный закон Российской Федерации об охране окружающей среды», Водный кодекс Российской Федерации, Земельный кодекс Российской Федерации, а также Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) в вопросах наложения юридической ответственности за нарушение специализированного законодательства.

Так как деятельность по добыче золота связана с повышенной экологической опасностью, действующее природоохранное законодательство

¹ Добыча полезных ископаемых в Амурской области: ключевые итоги I квартала 2026 года // Официальный сайт Правительства Амурской Области : URL https://www.amurobl.ru/posts/news/dobycha-poleznykh-iskopaemykh-v-amurskoy-oblasti_klyuchevye-itogi-i-kvartala-2026-goda/?ysclid=mofjmpuxex798351258.

устанавливает ряд обязательных к исполнению требований, направленных на минимизацию наносимого окружающей среде вреда, а также на поддержание экономического и экологического равновесия. Вышеуказанные акты закрепляют за недропользователями обязанность осуществления хозяйствующей деятельности с учетом допустимо установленных норм загрязнения окружающей среды и соблюдение нормативов качества добычи золота [1, с. 100].

Для минимизации экологического ущерба, а также в целях превентивного воздействия на недобросовестных субъектов золотодобычи, законодатель устанавливает уголовную и административную ответственность за правонарушения в данной сфере. Так, УК РФ в главе 26 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за экологические преступления, к которым в контексте золотодобычи можно отнести загрязнения вод и порчу земли¹. Положения КоАП РФ закрепляют уже административную ответственность за пользование недрами без лицензии статья 7.3 КоАП, самовольную добычу драгоценных металлов статья 7.5 КоАП, загрязнение вод статья 8.13 КоАП, а также за порчу земель статья 8.6 КоАП.

Особый интерес представляет анализ судебной практики, поскольку она способствует выявлению тенденции квалификации преступлений, связанных с нарушением норм золотодобычи.

Показательным является дело ООО «ГОРНЯК». В ходе разбирательства Арбитражным судом Амурской области было установлено, что ООО осуществляло добычу рассыпного золота, превысив нормативы сбросов отходов производства и существенно загрязнив ручей Спиридоновский, являющийся притоком более крупной реки Селемджа. При вынесении решения суд учел те обстоятельства, что «ГОРНЯК» не предпринял никаких меры по предотвращению загрязнения вод, которое могло спровоцировать существенный вред реке Селемджа. В ходе проверки Росприроднадзором было установлено превышение концентрации взвешенных веществ в воде. Руководствуясь положениями Водного кодекса Российской Федерации и Федеральным законом «Об охране окружающей среды» суд удовлетворил иск и взыскал с ответчика ущерб в размере 70 167 рублей.

Чрезмерное загрязнение русел рек является наиболее частыми последствиями при нарушении нормативов добычи золота и допустимых сбросов. В 2021 году Арбитражный суд Амурской области рассмотрел иск о взыскании ущерба с золотодобывающей компании ООО «Россзолото» в размере 3.5 миллиона рублей. В ходе проверки было зафиксировано превышение загрязняющих веществ в ручье Отрядный в результате сброса таковых в составе сточных вод в поверхностный водный объект. Заслушав доводы сторон, было принято решение об удовлетворении иска в полном размере, доводы добывающей компании об уменьшении ущерба были отклонены в силу

В сфере уголовно-правового пресечения незаконного оборота драгоценных металлов можно рассмотреть решение Райчихинского городского суда. При анализе обстоятельств, было установлено, что работники АО ЗДП

¹ "Уголовный кодекс Российской Федерации" статья 254 // СПС «Консультант плюс»

«Коболдо» и сотрудники охраны, действуя группой лиц по предварительному сговору систематически осуществляли хищение золота с производственных участков, а после металл незаконно хранился и перевозился. Общий объем похищенного драгоценного металла составил 6 килограммов стоимостью около 14 миллионов рублей, что образует особо крупный размер. Действия подсудимых квалифицированы по п. «б» ч.4 ст. 158 УК РФ и ч.5 ст.191 УК РФ. При назначении наказания суд учел признание вины подсудимыми, активное сотрудничество со следствием, а также отсутствие отягчающих наказание обстоятельств. В результате троим осужденным назначено наказание в виде лишения свободы условно, а одному в виде реального лишения свободы с отбыванием срока в исправительной колонии общего режима.

Как показывает правоприменительная практика, деяния, связанные с незаконной добычей золота и последующим его использованием, квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 158 и 191 УК РФ.

Резюмируя вышеизложенное, проблема незаконной добычи и реализация золота в Амурской области представляет комплексную проблему, затрагивающую как экономическое положение субъекта, так и экологическую ситуацию в нем. Несмотря на наличие развитой системы экологического законодательства уровень правонарушений в отрасли остаётся значительным, на что указывает само Министерство природных ресурсов Амурской области в своих отчетах. Судебная практика в свою очередь демонстрирует разные подходы к квалификации таких правонарушений, при этом опираясь на тяжесть нанесённого экологического ущерба. Такой ущерб представляет для окружающей среды серьезную опасность, поскольку во многих случаях он носит необратимый характер и наносит глубокий ущерб водным и земельным ресурсам. Таким образом решение данной проблемы требует усиленного и более точного внимания государственных органов на конкретные субъекты, осуществляющие золотодобычу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алешичев, А. Н. Лесовозобновление на нарушенных землях после золотодобычи на примере Селемджинского района Амурской области / А. Н. Алешичев // Вестник КрасГАУ. – 2011. – № 6(57). – С. 98-101. – EDN NUSZKN.
2. Амиан, А. Я. Экологические последствия золотодобычи / А. Я. Амиан // Аллея науки. – 2018. – Т. 4, № 3(19). – С. 399-404.

УДК 343.1

Таюрский Д.С., курсант 2 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
старший преподаватель кафедры информационных технологий
А.С. Тюменцева

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПРАВОВЫЕ РАМКИ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Внедрение систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) в деятельность следственных органов перестало носить экспериментальный характер и стало элементом оперативной реальности. Цифровизация предварительного расследования вызвана объективным ростом объемов информации, содержащейся на электронных носителях, и потребностью в ускорении процессуальных действий без нарушения конституционных гарантий. О.В. Овчинникова фиксирует переход от теоретических дискуссий к прикладным задачам: автоматическое распределение уголовных дел, чат-боты для приема заявлений о преступлениях, виртуальные дознаватели, снижающие психологическое давление на опрашиваемых [1, с. 91].

Отечественные авторы последних лет демонстрируют расхождение позиций относительно роли ИИ. Т.В. Плотникова указывает на принципиальную ограниченность ИИ-систем в сфере, требующей судебного усмотрения и оценки морально-этических аспектов [2, с. 28]. О.В. Овчинникова, напротив, рассматривает ИИ как рабочий инструмент повышения доступности правосудия и минимизации коррупционных рисков при распределении нагрузки [1, с. 92]. З.И. Хисамова и И.Р. Бегишев акцентируют внимание на уголовно-правовых последствиях применения автономных систем, предлагая признать ИИ источником повышенной опасности и разработать стандарты сертификации [3, с. 596]. Е.В. Марковичева и И.Г. Смирнова анализируют предиктивные системы предупреждения преступности, отмечая необходимость законодательного закрепления процедур работы с цифровыми данными [4, с. 58].

Предиктивная аналитика оперирует историческими массивами данных для построения вероятностных моделей. Полиция Чикаго применяет систему HunchLab¹, прогнозирующую время и место совершения преступлений на основе статистических паттернов, что позволяет оптимизировать маршруты патрулирования. Алгоритмы оценивают факторы рецидива, тяжесть деяния, возраст, наличие предыдущих судимостей. Российские следственные органы пока применяют предиктивные модули преимущественно в рамках ведомственных аналитических платформ без процессуального оформления выводов.

Автоматизированный анализ больших данных позволяет оптимизировать затраты сотрудников полиции на исследование улик: алгоритмы выявляют скрытые связи между фигурантами, строят графы взаимодействий. И.Я. Сабуров отмечает, что глубокое обучение позволяет извлекать семантические признаки из неструктурированных текстов и сопоставлять их с судебной практикой [5, с. 91]. Машинная обработка ускоряет проверку алиби, выявляет несоответствия в показаниях через анализ временных меток. Отсутствие единого стандарта экспорта данных из операторских систем осложняет верификацию исходных

¹ Predictive policing. – Текст : электронный // nplus1.ru : [сайт]. – URL: https://nplus1.ru/material/2021/09/16/predictive-policing?fbclid=IwAR3ApwtzcCAxh7FV8Hg_Xcugee_9aMWHp7rtfdsApRkwdalL5FSWPYt9rq4 (дата обращения: 27.04.2026).

массивов. Следователь получает конечный отчет, не всегда имея возможность проверить процесс и достоверность обработки.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит понятия «алгоритмическое решение», «предиктивная модель» или «машинная классификация». Ч. 2 ст. 93 НК РФ и ст. 434 ГК РФ допускают электронный документооборот, однако УПК РФ сохраняет требование материального носителя при изъятии информации (ст. 164.1). О.В. Химичева и А.В. Андреев констатируют отсутствие специальных процессуальных норм, регламентирующих создание, использование и оценку ИИ-выводов в досудебном производстве [6, с. 242].

Алгоритмические выводы допустимо использовать исключительно как ориентирующую информацию для составления собственных выводов. Предиктивные рекомендации не заменяют доказательственную базу, требуют перевода в традиционные процессуальные формы: заключения эксперта, протокола осмотра, рапорта следователя. Пробелы в нормативном регулировании информационных технологий способны кардинально изменить характер уголовного производства. Пробелы в правовом регулировании цифровых технологий могут превратить обычное уголовное дело в сложную, нестандартную ситуацию – с рисками для прав участников процесса.

Эксперты выделяют четыре сценария уголовно-правового регулирования в сфере ИИ: программная ошибка разработчика, неправомерный доступ и модификация функций системы, автономное решение ИИ без участия человека, использование ИИ в преступных целях.

УК РФ (ст. 272-274) регулирует только первые два случая. Автономные действия ИИ остаются вне правового поля.

Проблема усугубляется тем, что следователи иногда опираются на предиктивные оценки (прогнозы вероятности преступления) как на основание для процессуальных решений. При этом традиционная проверка фактов может не проводиться, что создаёт риски для соблюдения прав граждан. Авторы подчёркивают, что пробелы в уголовно-процессуальном кодексе РФ, касающиеся использования цифровых инструментов, уже сейчас ограничивают право на защиту. Алгоритмизация процессов только усилит эти риски. Кроме того, в рамках антропоцентристской модели российского права ИИ не может быть признан субъектом преступления – поскольку требования вменяемости и осознания общественной опасности применимы исключительно к физическим лицам. Расхождение между Т.В. Плотниковой, исключающей замену человеческого усмотрения алгоритмами, и О.В. Овчинниковой, допускающей делегирование ИИ вспомогательных функций, свидетельствует о потребности в дифференцированном правовом регулировании в зависимости от характера задач.

Процессуальный контроль требует введения обязательной экспертизы алгоритмов перед использованием в досудебном производстве. И.Я. Сабуров предлагает закрепить в ГПК РФ (с последующей адаптацией к УПК РФ) статус ИИ как электронного помощника с запретом на замену человеческого фактора, ввести механизмы пересмотра решений, принятых с участием алгоритмов, определить ответственность разработчиков [5, с. 96]. О.В. Химичева и

А.В. Андреев выделяют принцип актуальности программного обеспечения: алгоритмы должны соответствовать действующему законодательству и правовой практике, требуя совместной работы IT-специалистов и юристов для постоянной корректировки весов [6, с. 243]. З.И. Хисамова и И.Р. Бегишев предлагают систему стандартизации и сертификации деятельности по созданию и введению в эксплуатацию ИИ, создание компенсационных страховых фондов, обязательную регистрацию вводимых систем [3, с. 570]. Внедрение независимого аудита исходного кода, обязательное протоколирование версии модели и даты обучения формируют минимальный набор гарантий.

Допустимые границы применения ИИ в досудебном производстве определяются строгой привязкой к вспомогательным функциям без делегирования оценочных полномочий. Алгоритмы обрабатывают массивы, выявляют паттерны, генерируют ориентиры, но не формируют доказательственную базу самостоятельно. Процессуальный акт должен фиксировать человеческую проверку каждого вывода, указывать версию модели, источник данных, метрику точности и результаты независимой верификации.

УПК РФ требует дополнения положениями о статусе алгоритмических систем как технических средств предварительного расследования, запрете на прямое использование предиктивных оценок как оснований для возбуждения дела или избрания меры пресечения без традиционного доказывания, обязательном приобщении к материалам дела сертификата соответствия и отчета о тестировании на смещение. Необходима разработка ГОСТов верификации ИИ-модулей, устанавливающих требования к прозрачности, воспроизводимости, защите от неправомерного доступа, процедуре обновления весов при изменении судебной практики. Следователям, использующим в своей работе системы искусственного интеллекта, необходимо проходить аттестацию по основам машинного обучения, интерпретации метрик и методам выявления алгоритмических ошибок. Интеграция ИИ в досудебное производство допустима только при условии сохранения антропоцентрического ядра процесса, исключающего автоматизацию правосудия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Овчинникова О.В. Перспективы применения искусственного интеллекта в досудебном производстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 1(32). С. 89-93.
2. Плотникова Т.В. Пределы применения искусственного интеллекта в судебной и правоохранительной деятельности // Горизонты гуманитарного знания. 2022. № 2. С. 25-29.
3. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 564-574.
4. Марковичева Е.В., Смирнова И.Г. Влияние пандемии COVID-19 на цифровую трансформацию уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 51-67.

5. Сабуров И.Я. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2025. Т. 40, Вып. 3. С. 89-99.

6. Химичева О.В., Андреев А.В. Некоторые замечания о принципах использования технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве России // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 240-243.

УДК 159.9

Телятьева А.А., курсант 4 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент, О.В. Трубкина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ТЕРРОРИСТОВ

Актуальность исследования психологических особенностей допросов террористов предопределяется множеством факторов. При традиционной сложности использования знаний психологии как следователем, так и специалистом, при истребовании информации у подозреваемых и обвиняемых, проблема усугубляется наличием конфликтных ситуаций и приобретает особую остроту при допросах асоциальных лиц, обладающих патопсихологическими характеристиками.

На сегодняшний день расследование преступлений террористического характера выходит на новый уровень, в виду того, что такие деяния стали встречаться намного чаще. Обращаясь к статистическим данным МВД России за период 2025 года, необходимо отметить, что по данной категории преступлений было возбуждено 5920 уголовных дел, что почти на 60 % больше, чем было в прошлый отчетный период. Значительный рост количества преступлений террористической направленности обусловлен нынешней геополитической обстановкой в стране и в мире, а именно – крайне отрицательным отношением к Российской Федерации на мировой арене в связи со специальной военной операцией на территории Украины. Данную ситуацию также усугубляет рост числа незаконных мигрантов из ближнего зарубежья в нашей стране¹, так, значительный вербовочный интерес эмигранты международных террористических организаций и украинские спецслужбы проявляют к выходцам из стран Центральной Азии, проживающим в России².

¹Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 21.04.2026). Режим доступа: свободный.

² В России пресекли 18 терактов, которые готовили мигранты. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24762267>. (дата обращения: 21.04.2026). Режим доступа: свободный.

Исторически множество людей, начинающих преступную деятельность в сфере террористической направленности, фанатично преданы своим идеям, благодаря которым они реализуют месть, религиозные идеи, при безусловном психологическом расстройстве в виде нарушения восприятия действительности, поведенческих, эмоциональных отклонений. Однако, на территории России все чаще происходят акты терроризма в результате поступления определенных заказов или обмана в результате мошенничества. Как указывает П.Л. Сердюк, «...хотя украинский террор против гражданского населения и стоит над законом, действия этих властей направлены на нарушение международных норм конституционных прав и свобод человека, искусственно прикрываясь различными надуманными предложениями [1, с. 178]». Нередко, лица, совершающие террористические акции, заранее проходят соответствующую подготовку в террористических сообществах. Однако, в подавляющем большинстве случаев все террористы, не зависимо от мотивации действий, во время допросов ведут себя вызывающе, дерзко, выражая свое недовольство властями, что обуславливает необходимость особого психологического подхода следователя.

В таких ситуациях достаточно типичны характерные конфликтные сценарии, когда террорист:

- демонстрирует полный отказ от коммуникативного взаимодействия с любым сотрудником;
- проявляет избирательную коммуникативную изоляцию, исключая контакт только с конкретным следователем;
- воздерживается от предоставления показаний по существу расследуемого дела;
- сознательно фальсифицирует предоставляемую информацию, предоставляя заведомо недостоверные сведения;
- признаёт исключительно аподиктически установленные факты, отвергая те обстоятельства, которые представляются ему недоказанными;
- реализует стратегию перекалывания ответственности на иных субъектов (соучастников, третьих лиц) с целью минимизации собственной процессуальной ответственности;
- принимает на себя полную меру ответственности, осуществляя защиту (выгораживание) соучастников, организаторов и иных причастных лиц.

Разрешение подобных конфликтных ситуаций достигается посредством применения комплекса психолого-тактических приёмов, ключевым элементом которых выступает установление психологического контакта и равенства с подозреваемым (обвиняемым), направленное на формирование у последнего мотивации к предоставлению достоверных сведений и даче правдивых показаний. В ситуациях, когда субъект демонстрирует ригидное неприятие любых коммуникативных инициатив, следователь осуществляет тактическую смену фокуса диалога, переходя к обсуждению нейтральных тем (семейный статус, наличие детей, профессиональная деятельность, сфера интересов), не относящихся к предмету доказывания [2, с. 45]».

Допрос лиц, подозреваемых или уличенных в террористической деятельности, безусловно, требует учета их психоэмоциональных особенностей и применения специальных психологических техник. Важнейшими способами достижения психологического контакта с террористом выступают:

1. Перцептивный анализ, при котором следователь формирует образ допрашиваемого лица, путем проведения анализа его видимых особенностей характера и сопоставления их с психическими свойствами.

2. Построение вербальных стратегий поведения, осуществляемое при использовании диалога, направленного на уменьшение эмоционального напряжения и повышение рациональности мышления.

3. Использование манипулятивных и убеждающих техник, осуществляемое с помощью воздействия на мотивационную сферу мышления допрашиваемого с целью склонения его к даче правдивых показаний.

Эффективность проведения допроса как комплексной, многоаспектной процедуры регламентированного коммуникативного взаимодействия, ограниченного нормативными рамками, в значительной степени детерминирована глубиной осмысления психических характеристик допрашиваемого лица. Этому процессу способствует тот факт, что любой акт межличностной коммуникации неизбежно включает в себя перцептивный компонент, направленный на конструирование образа контрагента. Указанный образ формируется на основе способности субъекта интерпретировать физические атрибуты индивида как маркёры его психических свойств и поведенческих паттернов.

Внешние проявления личности предоставляют наблюдателю данные о её внутренних устойчивых качествах, специфике актуального психоэмоционального состояния и отношения к отдельным элементам коммуникативной ситуации.

Данная возможность обусловлена тем, что с общетеоретических позиций человек представляет собой генетически детерминированную индивидуальность, выражающуюся в морфологических (структурных) и психических (функциональных) особенностях, между которыми существует объективная корреляция [3 с. 393]».

Оценивать произошедшие события всегда проще, чем их предвидеть и это не зависит от достижений в области технологий или прорыва в науке. К большому сожалению, современные психологические аспекты, на которых основываются деяния террористического характера, не принимаются во внимание в сравнении с иными исследованиями в этой сфере. В наши дни имеет место более детальное изучение психологии террористов с целью пресечения преступлений на этапе подготовки. Лица, совершающие преступления террористического характера, внешне ничем не отличаются от других людей, но, при этом у них есть общие черты личности, групповых функций и психологических диссоциативных механизмов, знание которых может помочь при истребовании информации у террористов, а также решить задачу профилактики данного рода преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сердюк П. Л. Вопросы формирования психологии современного терроризма // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 176-180.

2. Зазыбова И. В. Тактика допроса подозреваемых (обвиняемых) в совершении террористического акта / И. В. Зазыбова // Инновационный потенциал развития науки в современном мире : Сборник трудов по материалам XII Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ, Уфа, 20 марта 2023 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2023. С. 42-48.

3. Гамова О. Л., Заруба А.В. Психологические и социальные характеристики террориста // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Воронеж, 17–18 мая 2023 года. Воронеж: Строки, 2023. С. 391-395.

УДК 343.13:004

Титов Д.В., курсант 3 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
старший преподаватель информационных технологий
кандидат юридических наук, доцент, А.А. Шаевич

СОХРАНЕНИЕ НРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛ РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Как справедливо отмечает ряд авторов: «глобальная цифровая трансформация, охватившая все сферы общественной жизни, принципиально меняет парадигму уголовного судопроизводства» [1, с. 518]. При этом стремительное проникновение цифровых технологий в уголовно-процессуальную сферу перестало быть исключительно организационной задачей, превратившись в фундаментальный вызов, ставящий под вопрос сохранность нравственных основ Российского судопроизводства. Современный этап развития информационных систем демонстрирует определенное отставание нормативно-этических механизмов призванных обеспечивать конституционные права и свободы человека от роста технической оснащенности правоохранительных органов, которые применяются как в рамках оперативно-розыскных мероприятий, так и при проведении следственных действий, поэтому, вопросы нравственных аспектов цифровизации уголовного судопроизводства уже не первый год являются объектом изучения ученых-процессуалистов [См. напр. 2, 3, 4].

Отсутствие принятых и понятных стандартов цифровизации уголовного судопроизводства создает опасный правовой вакуум, в котором технологическая

экспансия рискует вытеснить традиционные гарантии справедливости, непосредственности и уважения человеческого достоинства. Возникает закономерная исследовательская задача: выработать такие нормативные ориентиры, которые не просто констатировали бы допустимость применения цифровых инструментов, но и жестко регламентировали их взаимодействие с нравственными началами процесса, выступая своего рода аксиологическим фильтром. Никто уже не пытается спорить с тем, что цифровизация уголовного судопроизводства неизбежна и исследователи в области права лишь задаются вопросом: «... сможем ли мы провести ее грамотно, сохранив при этом основы справедливого судопроизводства» [1, с. 522].

В этой связи особую значимость приобретает систематизация базовых стандартов, каждый из которых призван защищать конкретный аспект, так называемой, процессуальной нравственности. Так, приоритет защиты прав и свобод личности в условиях цифровизации выступает не абстрактным лозунгом, а обязательным императивом, требующим безусловного разрешения любых коллизий между эффективностью алгоритмов и безопасностью участников процесса в пользу последних. Данный стандарт напрямую связан с презумпцией невиновности и охраной достоинства личности и его соблюдение должно быть обеспечено при использовании систем распознавания лиц.

Анализ научных публикаций на эту тему позволяет выделить еще несколько критически важных направлений нормативного регулирования в этой области. Обеспечение доступности и прозрачности информационных технологий, применяемых в сфере уголовного судопроизводства, приобретает особую остроту в свете использования коммерческого программного обеспечения, алгоритмы которого зачастую скрыты в рамках обеспечения защиты интеллектуальной собственности. Так, например, в отечественных статьях уже приводились известные зарубежные ситуации, демонстрирующие гендерную или расовую предвзятость алгоритмов оценки рисков рецидива, наглядно свидетельствуют: отсутствие механизмов верификации кода превращает правосудие в «черный ящик», лишая стороны защиты и суда возможности реализовать принцип свободы оценки доказательств [5, с. 67-68]. В отечественном контексте это означает необходимость законодательного закрепления требования к алгоритмической объяснимости любых систем, влияющих на процессуальные решения. А также, мы полностью разделяем мнение И.Г. Смирновой о том, что у правоприменителя при производстве по уголовным делам должно сохраняться на данном этапе развития общества право на вариативность выбора: обращаться к возможностям, например, больших данных или нет [6, с. 240].

Параллельно стандарт свободы доступа к информации в уголовном судопроизводстве требует переосмысления института следственной тайны в цифровую эпоху. С одной стороны, полная открытость досудебного производства невозможна, с другой — архаичные механизмы ознакомления с материалами дела на бумажных носителях уже не отвечают требованиям оперативности и состязательности. Переход к электронному уголовному делу,

предполагающий дифференцированный доступ участников процесса через защищенные личные кабинеты, видится не просто технической модернизацией, а нравственной необходимостью, восстанавливающей баланс процессуальных возможностей сторон [См. напр., 7].

Таким образом, необходимо признать, что внедрение современных технологий неизбежно порождает серьезные этические дилеммы, которые требуют четкого нормативного оформления. Запрет на причинение вреда в процессе применения цифровых технологий, выходящий далеко за рамки физической безопасности, охватывает психологическое давление, риск ложных обвинений вследствие ошибок биометрической идентификации и моральные травмы, вызванные некорректной работой автоматизированных систем, а также нарушение прав на сохранение тайны личной жизни.

Необходимость законодательной регламентации в этой сфере представляется очевидной и бесспорной, вместе с тем, существует опасность излишней зарегулированности, способной заморозить технологический прогресс и создать искусственные барьеры для оптимизации процессуальной деятельности. Цифровизация должна оставаться инструментом достижения назначения уголовного судопроизводства, а не самоцелью, ради которой приносятся в жертву нравственные начала. Только при условии последовательного внедрения этических фильтров, алгоритмической прозрачности и приоритета человеческих прав технологическая трансформация уголовного процесса сможет стать подлинным прогрессом. Будущее отечественного судопроизводства зависит от готовности законодателя и правоприменителя принять эти стандарты как обязательный каркас цифровой эволюции, гарантирующий, что за каждым электронным протоколом и алгоритмическим расчетом по-прежнему будет стоять человек и его неотъемлемое право на справедливость.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Изаксон, Р. А. Цифровизация уголовного судопроизводства: цифровое уголовное дело, искусственный интеллект и электронные доказательства / Р. А. Изаксон, Н. Л. Романова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 518–522.
2. Попова, И. П. Нравственные основания уголовного судопроизводства в аспекте цифровых технологий / И. П. Попова // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : материалы VI Московского юридического форума : XVI Международная научно-практическая конференция : в 3 ч. – Москва : Проспект, 2019. – Ч. 3. – С. 144–149.
3. Апостолова, Н. Н. Цифровые технологии и нравственный закон в российском уголовном судопроизводстве / Н. Н. Апостолова // Российский судья. – 2022. – № 12. С. 2–5.
4. Миронова, Е. Ю. Пределы цифровизации уголовного процесса: нравственный аспект / Е. Ю. Миронова // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : Материалы X Международной научно-

практической конференции, Севастополь, 29–30 апреля 2022 года. – Симферополь: «Издательство Типография «Ариал», 2022. С. 46-48.

5. Мичурина, О. В. Искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства / О. В. Мичурина // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3. С. 65-68.

6. Смирнова, И. Г. Аксиологические риски цифровизации уголовного судопроизводства: постановка проблемы / И. Г. Смирнова // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 3. С. 236-242.

7. Зуев, С. В. Электронное уголовное дело: теоретическая модель / С. В. Зуев, Н. А. Моругина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – Т. 15, № 3(57). С. 83-94.

УДК 343.98

Туц М.В., курсант 4 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент, О.В. Трубкина

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАДАЧ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ

Зарождение и становление преступности обусловлено развитием истории, социальными процессами, присущими любому обществу при взаимодействии его граждан, а ее характеристики соответствуют этапам эволюции общества и уровню его развития, находясь в прямой зависимости от изменений, происходящих в экономической и политической системах общества [1, с. 208]. На сегодняшний день в Российской Федерации наблюдается снижение уровня преступности; в соотношении с аналогичным периодом 2024 года, в 2025 году ее количество снизилось на 7,3 %, в том числе зарегистрировано 675,4 тысячи преступлений, совершенных посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что свидетельствует об их снижении в процентном соотношении с периодом 2024 года на 11,8 %¹. Данные показатели, безусловно, свидетельствуют об успехах борьбы с преступностью, однако, ее значительность предопределяет поиск инновационных методов раскрытия и расследования, а в условиях активного развития технического прогресса и качественного изменения преступности, внедрения соответствующих ей информационных технологий.

Криминалистическая диагностика, являясь одной из основ раскрытия и расследования преступлений, направлена на выявление причин и условий,

¹ Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 05.04.2026).

которые способствовали слеодообразованию, а также установление механизма действий, восстановление события преступлений. Главная задача данного криминалистического учения состоит в установлении обстоятельств, при которых было совершено преступление, на основе знаний, которые соответствуют действительности и не зависят от субъекта познания, посредством изучения свойств и состояний объектов. Следует отметить, что в широком смысле задачи криминалистической диагностики определяются как:

- определение пространственного размещения, в условиях которого было совершено преступление;
- определение количества преступников, вида оружия и транспортных средств, используемых ими при реализации преступного умысла, а также порядка их применения;
- установление и исследование последовательности и особенностей развития этапов события преступления;
- изучение причинно-следственных связей и прогнозирование действий преступников по сокрытию преступления;
- отождествление показаний, полученных в ходе проведения следственных действий, от участников уголовного процесса, с механизмом преступления, который был установлен посредством изучения следов и вещественных доказательств;
- установление детерминант преступности, лежащих в основе совершенного преступления [2, с. 126].

Таким образом, задачи криминалистической диагностики охватывают широкий спектр направлений, ориентированных на всестороннее восстановление картины преступления. В их число входит анализ обстановки происшествия, исследование механизмов действий отдельных объектов и процессов, которые имели место во время совершения преступления.

Предмет криминалистической диагностики является спорным аспектом. Ученые представляют его определение с разных позиций, в первом случае выделяя любые криминалистически значимые сведения, которые содержат в себе сущность изучаемого объекта или процесса, а во втором – подразумевая под предметом состояние изучаемых объекта или явления. На наш взгляд, при определении предмета криминалистической диагностики следует учитывать, как внешние, так и внутренние характеристики исследуемого объекта, так как в случае изучения только внешней природы, отсутствие информации о внутренних свойствах приведет к недостоверности криминалистического диагностирования. Определяя объект криминалистической диагностики, следует понимать, что речь идет о материальном носителе информации, содержащем в себе криминалистически значимые сведения, отражающие его природу и состояние, изучение которых имеет значение для раскрытия и расследования преступления.

В условиях модернизации общества и активного применения преступниками информационных технологий, использование в ходе расследования преступлений привычных методов криминалистической диагностики становится все менее эффективным, что является вызовом для

пересмотра диагностических подходов, применяемых сотрудниками правоохранительных органов.

Ю.В. Глебова в своей работе отмечает, что развитие современных технологий находит свое отражение в судебно-экспертной деятельности. На сегодняшний день использование информационных технологий способствует эффективному собиранию, анализу и передаче криминалистически значимой информации между участниками уголовного процесса. Внедрение информационных технологий в судебно-экспертную деятельность позволяет создавать удобное программное обеспечение, применение которого упрощает процессы сбора, обработки и хранения информации, необходимой для расследования. При этом автор отмечает существование аспектов, которые обуславливают пробелы в применении информационных технологий в ходе расследования преступлений, для устранения которых требуется совершенствование отраслей криминалистики и судебной экспертизы, реализация которого может быть осуществлена поэтапно и комплексно [3, с. 101].

Внедрение информационных технологий в различные области криминалистической диагностики является аспектом, который требует особого внимания, так как ее методы применяются сотрудниками правоохранительных органов, экспертами и специалистами на ранних, наиболее важных, стадиях предварительного следствия.

Так, одним из эффективных инструментов криминалистической диагностики, посредством внедрения в нее информационных технологий, может стать искусственный интеллект, использование которого, безусловно, ускорит решение задач рассматриваемой криминалистической области. Например, программное обеспечение искусственного интеллекта способно восстановить примерную обстановку на месте происшествия, до и после совершения преступления, имея в своем арсенале незначительное количество исходных данных. Кроме того, также посредством использования искусственного интеллекта возможно успешное решение задачи определения количества преступников, совершивших преступление, установление места их расположения и перемещения.

Имея первоначальные данные о характере и элементах обстановки на месте происшествия до и после совершения преступного деяния, искусственный интеллект способен предложить варианты последовательности действий преступников и потерпевших, что также оптимизирует процесс построения версий о событии преступления.

Внесение в программное обеспечение искусственного интеллекта типичных личностных характеристик виновных и элементов способа совершения преступления, обеспечит возможность получения информации о дальнейших действиях преступников после совершения преступления, в частности, по сокрытию преступления. Кроме того, искусственный интеллект, посредством своего инструментария, способен осуществлять анализ заданной ему информации. Например, возможно отождествление показаний участников

уголовного процесса с установленным механизмом преступления в ходе проведения следственных действий посредством использования информационных технологий.

Таким образом, цифровизация криминалистической диагностики способствует повышению эффективности решения конкретных задач, способна актуализировать методы и рекомендации науки, повышая тем самым результативность борьбы с преступностью. Дальнейшее развитие цифровой криминалистики требует технического оснащения и создания необходимых алгоритмов машинного обучения, которые будут содержать в себе криминалистически значимую информацию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Трубкина О.В., Поляков Н.В. К вопросу о комплектности применения средств противодействия расследованию // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 4 (28). С. 207-218.
2. Белкин Р.С. Криминалистика. Учебник. Москва: НОРМА-Инфра, 2000. - 990 с.
3. Глебова Ю.В. Применение современных технологий в судебно-экспертной деятельности России // Молодой ученый. 2023. № 38 (485). С. 101-103.

УДК 343.13

Фабиянский Д.А., курсант 3 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
старший преподаватель кафедры информационных технологий
А.С. Тюменцева

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: УРОКИ ДЛЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ

Цифровая инфраструктура уголовного судопроизводства перестала быть вспомогательным инструментом и превратилась в структурный элемент доказывания. Соединенные Штаты Америки, страны Европейского Союза, Объединенные Арабские Эмираты и Сингапур внедрили программные платформы, меняющие последовательность процессуальных действий. Российская модель сохраняет фрагментарность: отдельные подсистемы государственной автоматизированной системы «Правосудие» не обеспечивают сквозную интеграцию органов предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Анализ зарубежного опыта позволяет выделить три доминирующие архитектурные парадигмы: централизованно-стандартизированную (США), контрольно-процессуальную (ЕС) и алгоритмически-валидируемую (ОАЭ, Сингапур). Каждая из них прошла проверку на практике, однако условия их адаптации к российской правовой системе требуют не механического копирования, а выборочного заимствования с учетом ограничений.

Соединенные Штаты Америки реализуют модель, в которой технический стандарт предшествует процессуальному регулированию. Подразделение Федерального бюро расследований использует облачную платформу, которая объединяет три ключевые базы: розыск лиц, статистику преступлений и дактилоскопические данные. Электронный документооборот закрепляется на уровне федеральных уголовно-процессуальных норм, где документы признаются допустимыми при условии аутентификации через процесс цифровой идентификации и подтверждения квалифицированным специалистом [1, с. 121].

Европейская модель исходит из другого приоритета: не ускорить процесс, а обеспечить прозрачность и судебный надзор на каждом этапе. Рекомендации Европейской комиссии по эффективности правосудия от 2023 года предписывают фиксировать все – от заявления потерпевшего до исполнения приговора – в единой цифровой среде, где судья может в любой момент проверить ход производства. Германия внедрила общеевропейскую систему электронной идентификации: вход в систему – через подтвержденную учетную запись, документы формируются автоматически и подписываются квалифицированной электронной подписью [1, с. 125].

Однако автоматизация процессуальных сроков создает риски. Если судья не может вручную приостановить автоматическое уведомление, это может нарушить право на справедливое разбирательство. Немецкие законодатели учли эту критику и сохранили возможность «ручного тормоза» для автоматических процедур. Вывод: европейская модель выигрывает в прозрачности, но требует гибкого законодательства. Для России это значит, что внедрение подобной платформы без точечной правки уголовно-процессуального кодекса может создать больше проблем, чем решить.

Сингапур использует интегрированную систему электронных судебных разбирательств, где более 84% документов подаются в цифровом виде, а доступ к материалам регулируется через национальный идентификатор с усиленной подписью [1, с. 127].

Страны постсоветского пространства демонстрируют поэтапный переход: в Казахстане более 90% уголовных дел расследуются в электронном формате благодаря модулю «Электронное уголовное дело» в Едином реестре досудебных расследований, а в Азербайджане система «Электронный суд» на основе распределенного реестра фиксирует каждое следственное действие в неизменяемой цепочке [1].

Если США доверяют техническим стандартам, а Европа – судьям, то Сингапур и ОАЭ выбрали третий путь: алгоритмическая валидация с последующим утверждением прокурором. В Дубае с 2021 года работает реестр

уголовных дел на основе технологии неизменяемого журнала: каждое следственное действие – допрос, выемка, экспертиза – записывается в цепочку блокчейн, которую нельзя отредактировать. Прокурор видит всю историю изменений, а система сама подсвечивает пробелы в материалах. Платформа проверяет обвинительный акт на соответствие требованиям местного уголовно-процессуального законодательства и генерирует предупреждения, если не хватает ссылок на доказательства. Это минимизирует ошибки при рутинной работе, но если логика алгоритма составлена с ошибкой, система будет массово пропускать дефектные документы.

Российское уголовно-процессуальное законодательство содержит минимальное количество норм, регулирующих цифровые технологии. Статья 164.1 УПК РФ устанавливает особенности изъятия электронных носителей, а статья 474.2 регламентирует порядок использования электронных документов в досудебном производстве, однако легальные дефиниции «цифрового доказательства», «электронного документа» и «усиленной квалифицированной электронной подписи» в УПК РФ отсутствуют [2, с 83].

Цифровизация уголовного процесса имеет не только организационное, но и социальное измерение. Транспарентность судопроизводства, обеспечиваемая цифровыми платформами, способствует укреплению доверия общества к правоохранительной системе и реализации превентивной функции правосудия [3, с. 50]. Развитие информационных технологий создает условия для укрепления роли институтов гражданского общества, однако реализация этого потенциала требует баланса между открытостью и защитой охраняемой законом тайны, а также учета проблемы цифрового неравенства. Предложения о трансляции судебных заседаний в формате веб-конференции рассматриваются как инструмент общественного контроля, но их массовое применение ограничивается техническими рисками и вопросами информационной безопасности [3, с. 51].

Анализ показывает, что в странах СНГ технологическая база для цифровизации уголовного процесса уже создана, однако остаются проблемы нормативного регулирования, технической оснащенности рабочих мест и готовности персонала к работе в новой среде

Цифровая трансформация российского уголовного процесса не требует импорта зарубежных платформ. Достаточно селективно заимствовать проверенные принципы: от американской модели – сквозную маршрутизацию запросов при разработке отечественных технических стандартов; от европейской – приоритет процессуального контроля с сохранением дискреционных полномочий судьи; от сингапурской и казахстанской – алгоритмическую валидацию рутинных операций при прокурорском утверждении результатов; от опыта стран СНГ – поэтапный переход с сохранением смешанного формата на переходный период [4, с. 212]. Приоритеты для России включают создание единого реестра уголовных дел со сквозным идентификатором, законодательное закрепление статуса метаданных и контрольных сумм, признание видеозаписи самостоятельным доказательством, публикацию методологии валидации

автоматизированных процедур и обеспечение баланса между прозрачностью и защитой охраняемой законом тайны. Только при реализации этих условий цифровизация станет фактором повышения качества правосудия, а не источником новых процессуальных рисков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Моругина Н. А. Зарубежный опыт использования электронного производства по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 1(67). С. 117–143.
2. Батманов С. А., Агibalова О. Р. Определенность законодательства и цифровизация уголовного судопроизводства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10, № 3. С. 81–85.
3. Спесивов Н. В. Социальное назначение цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2024. Т. 24, № 4. С. 48–53.
4. Гришин Д. А. Цифровизация досудебного уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 208–215.

УДК 343.98

Хаванская А.А., курсант 3 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент, С.В. Унжакова

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ «ЦИФРОВОЙ АМНЕЗИИ»: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Современное общество переживает глубокие изменения когнитивных процессов, обусловленных тотальной цифровизацией. Психологи фиксируют феномен «цифровой амнезии» – тенденцию мозга передавать функцию запоминания внешним цифровым устройствам. Если ранее свидетель полагался на собственную память, то сегодня он сделает фото или видео происходящего. Парадоксально, но в отсутствие цифрового устройства показания очевидца становятся неточными, а иногда и вовсе невозможными [1, с. 409].

Согласно ч. 2 ст. 193 УПК РФ, опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявленное для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать. Однако практика последних лет свидетельствует о том, что допрос всё чаще сводится к формальному воспроизведению информации из гаджета [2, с. 87].

«Цифровая амнезия» порождает три группы проблем: когнитивную – снижение способности к детальному описанию внешности без опоры на фотографию; тактическую – необходимость пересмотра традиционных рекомендаций; процессуальную – отсутствие в УПК РФ чёткого регулирования статуса цифровых изображений [3, с. 80]. Судебная практика показывает, что результаты опознания оспариваются чаще других следственных действий [4, с. 170].

Законодатель предусмотрел опознание по фотографии при невозможности предъявления лица (ч. 5 ст. 193 УПК РФ). Однако данная норма была сформулирована применительно к «аналоговой» фотографии и не учитывает специфику цифровых изображений. Сегодня же мы наблюдаем принципиально новую реальность: «информационные технологии часто используются для фиксации хода и результатов предъявления для опознания», но этого недостаточно [5, с. 24].

Наиболее перспективно использование видео-конференц-связи (ВКС). Исследователи отмечают, что следователь как главный субъект должен непосредственно проводить следственные действия [6, с. 120]. Е. Л. Козлова и Е. Д. Баринаева провели сравнительный анализ опознания по ст. 193 УПК РФ и ст. 189.1 УПК РФ [7, с. 13]. К числу ключевых проблем они относят: отсутствие гарантий качества видеосвязи, риски искажения цветопередачи, сложности с конфиденциальностью и неурегулированность статуса видеозаписи [7, с. 16].

Видеозапись помогает зафиксировать эмоции опознаваемого и опознающего, что подтверждает объективность показаний [1, с. 410]. Однако, как справедливо констатирует А. С. Крюкова, использование фото- и видеосъёмки законодательно не закреплено, за исключением опознания с ВКС [1, с. 411]. Это создает риск признания результатов недопустимым доказательством.

Наиболее радикальные изменения может внести искусственный интеллект. Нейросеть StyleGAN от Nvidia способна создавать лица людей, которых не существует, заимствуя элементы внешности из разных изображений [8, с. 22].

Сторонники узаконивания такого подхода апеллируют к эффективности розыска. Противники указывают на неприемлемость использования искусственного образа в доказывании, поскольку опознающий должен взаимодействовать с реальным объектом (или его фотографией). Представляется, что нейросетевая генерация может использоваться исключительно в оперативно-розыскных целях – для сужения круга подозреваемых, но не в качестве самостоятельного доказательства [9, с. 127].

В России разработаны системы «КРИМНЕТ», «Портрет 4.3», «Образ++». Однако разнообразие систем показывает, что ни одно из решений не является оптимальным, и они не предназначены для следователей [9, с. 129–130].

Особого внимания заслуживает проблема анонимности в цифровой среде. Как отмечают А. Я. Аснис и Ш. Н. Хазиев, «в настоящее время активно развивается тактика, технико-криминалистическое и судебно-экспертное обеспечение установления личности неизвестного автора компьютерных

материалов, телекоммуникационных сообщений и рассылок» [10, с. 18]. Однако применительно к предъявлению для опознания ситуация осложняется тем, что опознающий в интернет-среде воспринимает не реального человека, а его цифровой образ, который может быть намеренно искажен [10, с. 22].

Внедрение цифровых технологий сопряжено с серьёзными процессуальными рисками. В УПК РФ нет определения электронного доказательства [3, с. 78]. Отсутствие легальной дефиниции порождает споры о допустимости скриншотов, видеозаписей, файлов мессенджеров [3, с. 85].

Особо остро стоит вопрос о соотношении ст. 13 УПК РФ и необходимости получения судебного решения на доступ к цифровым следам¹. Судебная практика стабильно игнорирует доводы о необходимости получения судебного решения на доступ к переписке при осмотре телефона или компьютера². Верховный Суд РФ исходит из необходимости судебного решения только при следственных действиях, предусмотренных ст. 186 и 186.1 УПК РФ³. Конституционный Суд РФ также не даёт однозначного ответа⁴. Эти вопросы остаются открытыми, создавая спорную территорию для процессуальных нарушений [7, с. 15]. Проблема усугубляется тем, что результаты опознания оспариваются чаще других [4, с. 173].

Преодоление последствий «цифровой амнезии» требует комплексного решения. В законодательной сфере необходимо [1, с. 411; 7, с. 17]: дополнить ст. 193 УПК РФ положением об обязательной фото- и видеосъёмке; легализовать понятие «электронное доказательство» [3, с. 88]; урегулировать опознание с использованием ВКС в ст. 189.1 УПК РФ [6, с. 122]; законодательно запретить использование сгенерированных нейросетями изображений в качестве объектов опознания, допустив их только в ОРД [9, с. 130].

В тактике [2, с. 91; 5, с. 27]: модифицировать методику допроса, акцентируя самостоятельное припоминание признаков до обращения к гаджетам; разработать алгоритм работы с цифровыми изображениями (фиксация источника, проверка подлинности, создание хэш-суммы) [3, с. 86]; обеспечить обязательное участие IT-специалиста при опознании с ВКС [7, с. 16]; внедрить автоматизированный подбор статистов с использованием программ, адаптированных для следователей [9, с. 129].

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

² Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 01.08.2019 № 67-АПУ19-8. // СПС КонсультантПлюс.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С. на нарушение его конституционных прав статьей 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

«Цифровая амнезия» – реальность, требующая пересмотра тактических подходов в криминалистике. Игнорирование данного феномена неизбежно приведёт к снижению качества расследования и росту числа судебных ошибок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Крюкова А. С. Перспективы развития криминалистической тактики предъявления для опознания // Молодой ученый. 2025. № 4 (555). С. 408–411.
2. Зинин А. М. Криминалистическое исследование внешности человека : учебное пособие. М. : Юрлитинформ, 2019. 168 с.
3. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // LEX Russica. 2019. № 7 (152). С. 77–89.
4. Татьяна Л. Г. Проблемы допустимости доказательств при производстве следственных действий с использованием видеоконференцсвязи // Вестник Удмуртского университета. 2021. № 2. С. 168–174.
5. Ильин Н. Н. Предъявление для опознания: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты // Российский следователь. 2025. № 4. С. 24–29.
6. Титов П. М., Шараева Я. А., Гриценко Т. В. Дистанционные следственные действия в уголовном процессе России // Российский следователь. 2023. № 5. С. 118–123.
7. Козлова Е. Л., Барина Е. Д. Процессуальные и тактические особенности опознания в условиях использования видео-конференц-связи // Российский следователь. 2024. № 3. С. 13–17.
8. Отаров А. А. Нейросетевые технологии в криминалистической идентификации // Информационное право. 2023. № 1. С. 20–25.
9. Отаров А. А. Автоматизированные системы идентификации личности: современное состояние и перспективы развития // Информационное право. 2022. № 3. С. 126–131.
10. Аснис А. Я., Хазиев Ш. Н. Анонимность в праве, криминалистике и судебной экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 3. С. 16–27.

УДК 342.9

Чернышева И.Р., адъюнкт 3 курса
ВИПК МВД России, юрисконсульт 1 отделения ПО ФКУ
«ГЦХТиСО ГУ МВД России по г. Москве»
Научный руководитель -
профессор кафедры подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
и подразделений по вопросам миграции
Центра подготовки сотрудников полиции

для подразделений по охране общественного порядка,
доктор юридических наук, доцент,
Адмиралова И.А.

ИНТЕГРАЦИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Ежегодно в Россию пребывают миллионы мигрантов, нередко целыми семьями. Наиболее популярная цель – трудоустройство для дальнейшего получения вида на жительство, и как следствие гражданства РФ. По заявлению заместителя начальника миграционной службы РФ Валентины Львовны Казаковой, в 2024 году в Россию прибыло около 6,3 мил. мигрантов, половина из которых с целью трудоустройства¹.

За период 2025 года число работающих в России иностранцев, по количеству патентов, составило 2,3 мил. человек².

Один из основных факторов формирования экономики, это количество трудовых ресурсов. Привлечение мигрантов на постоянное место жительства, активно способствует приросту экономики. Наравне с иностранцами достигшими трудоспособного возраста, налаженный процесс социализация детей – мигрантов в раннем возрасте, дает потенциал для получения высококвалифицированных кадров в будущем. Дети – будущее страны, поэтому вопрос формирование законодательной базы миграционной сферы, должен содержать информацию о правах и обязанностях несовершеннолетних мигрантов и их представителей на территории России.

Культурные различия способны создать препятствия в коммуникации между представителями различных национальностей [1. с. 156].

В российском законодательстве процесс адаптации и социализации не раскрыт в полном объеме и требует совершенствования.

Факторы влияющие на социализацию детей - мигрантов это в первую очередь ответственность родителей, в обязанность которых входит преодоление языкового барьера, путем заблаговременного изучения нового языка, оказание психологической поддержки, полный и своевременный сбор всех необходимых документов для комфортного проживания ребенка и подача их в органы государственной власти.

Образовательные организации со своей стороны, во время занятий знакомят детей с историей и культурой страны. В окружении ровесников ребенок-иностранец впитывает основные правила и нормы поведения, отличные от норм и правил страны рождения. Ребенок ярко выделяющийся на фоне остальных может быть не принят в круг сверстников, что способствует развитию

¹ Хорчевникова П.А. МВД: в 2024 году в Россию прибыло около 6,3 мил мигрантов [Электронный ресурс] URL: <http://www.murmansk.rbc.ru> (дата обращения: 06.04.2026).

² За 12 месяцев 2025 года общее число иностранцев, работающих в России по патенту, составило 2,3 мил человек [Электронный ресурс] URL: <http://www.tass.ru> (дата обращения: 07.04.2026).

отстраненности или даже агрессии. Педагогу в свою очередь необходимо предотвращать развитие конфликтных ситуаций.

Помимо культурных, существуют и религиозные различия. Как закреплено в Конституции РФ¹ – каждому гарантируется свобода вероисповедания, что подчеркивает светский характер российского государства. Таким образом, изучая различные религии в школьной программе, дети учатся осознанно и с пониманием относиться к особенностям иных вероисповеданий.

Непринятие детьми представителей иных национальностей, способствует созданию последними групп по национальному признаку, что так же негативно влияет на процессы социализации, создавая культурные барьеры [2. с. 27].

Ребенок – мигрант не интегрируемый в российское общество, в будущем рискует стать маргинальным элементом. Грамотная социализация детей – мигрантов способствует снижению уровня преступности в будущем.

Успешное развитие государства и общества, возможно лишь с сохранением национальных особенностей, поэтому важно, учитывать ценности иностранных граждан, но без ущерба национальным интересам.

Для эффективного применения адаптивных мероприятий необходимо их законодательное закрепление.

Как уже отмечалось ранее знание языка, обязательное условие успешной интеграции.

С этой целью 1 апреля 2025 г. внесены изменения в порядок приема детей в образовательные организации. Так в соответствии со ст. 78 Федерального закона от 29.12.2012-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», ребенок не имеющий гражданства Российской Федерации принимается на учебу после успешной сдачи вступительного испытания на знание русского языка. Такое решение снимает часть ответственность и нагрузку с педагогов и ускоряет процесс социализации.

Согласно Федеральному закону от 31.07.2025 № 314 – ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», организации в сфере образования обязаны предоставлять сведения в органы МВД России в части касающейся: результатов тестирования на знание русского языка, приема и отчисление с обучения в образовательной организации, включения родителей и несовершеннолетнего обучающегося (обратившихся с целью поступления на обучение) в реестр контролируемых лиц.

Согласно п. 5 ст. 30 Федерального закона от 25.07.2002 № 115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» межведомственное информационное взаимодействие включает следующие сведения: персональные данные несовершеннолетнего иностранного гражданина и его родителей, реквизиты документов удостоверяющих личность, адрес места проживания, а также информация о наличии сведений о прохождении процедуры идентификации.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

Развитие межведомственного взаимодействия правоохранительной сфере и органами управления в сфере образования оказывает положительную динамику в области контроля за надлежащим исполнением родителями детей мигрантов своих обязанностей.

Как отметил заместитель министра внутренних дел Российской Федерации Игорь Зубов, поправки нужны для «социализации и интеграции» в российское общество людей. Зафиксированное количество пребывающих в Россию несовершеннолетних мигрантов, по данным МВД России, не соответствует количеству обучающихся в организациях дошкольного образования, общего и среднего профессионального¹.

27.01.2026 официальный представитель МВД России – Ирина Волк, отметила что «В отношении иностранцев, допустивших грубое нарушение обязанности по обеспечению законности пребывания (проживания) детей и возможности получения ими основного общего образования, может быть принято решение о нежелательности пребывания в РФ»².

Таким образом, межведомственное взаимодействие поможет выявить родителей и законных представителей в должной мере не осуществляющих реализацию прав ребенка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Розбицкая М.Д. Проблема интеграции детей мигрантов в российское общество // Социальные риски в современном обществе: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Мурманск, 05-06 декабря 2024 г. – Мурманск: Мурманский арктический университет, 2025. – С. 154 – 161. – EDN EKMXT.

2. Булатов Р.Б. Культурная интеграция мигрантов в российское общество: проблемы и подходы к их решению // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 25-29. – EDN RKUUCU.

УДК 343.21

Чернявская Л.Н., курсант 4 курса ФПС по ПВО,
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России
Научный руководитель –
М.Н. Пигузов

¹ Замглавы МВД Зубов: значительная часть детей мигрантов в России не учится [Электронный ресурс] URL: <http://www.ria.ru> (дата обращения: 07.04.2026).

² Мотызлевская П.А. Дети иностранцы попали под новый учет [Электронный ресурс] URL: <http://www.kommersant.ru> (дата обращения: 07.04.2026).

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Российская правовая система демонстрирует высокую степень адаптивности к актуальным вызовам, как внутреннего, так и глобального характера. В частности, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) выделяется своей стремительной эволюцией и постоянным совершенствованием в ответ на меняющиеся общественные и международные условия. П. Н. Панченко в своём научном издании справедливо отмечает, что: «Как и любое иное законодательство, законодательство уголовное не стоит на месте. Как не стоит на месте и сама эта жизнь, которой оно служит. Развиваясь, законодательство наглядно демонстрирует нам определенные тенденции своего развития. Его развитие сопровождается развитием соответствующих экономических, социальных и других факторов, о которых тоже нельзя забывать» [1, с. 24]. Отмечая тенденцию развития уголовного законодательства в Российской Федерации можно отметить положительную тенденцию и большой ряд перспектив в данной области. Российское уголовное законодательство переживает период активной трансформации, что влечет за собой как благоприятные, так и нежелательные эффекты для сферы правоприменения. С одной стороны, это позволяет оперативно реагировать на возникающие новые формы преступной деятельности (например, в сфере киберпреступности, экстремизма и экономических преступлений). С другой стороны, частые изменения в законодательных нормах ставят под сомнение стабильность правового регулирования и предсказуемость его применения. Данный процесс характеризуется возрастающей тенденцией к демократизации, либерализации и гуманизации, одновременно демонстрируя усиление прагматизма, рациональности, оптимальности, унификации и систематизации. Одной из главных сложностей является двойственность правового регулирования: одни действия криминализируются избыточно, в то время как другие, столь же опасные для общества, остаются вне поля зрения закона. Яркий пример – сфера компьютерной информации: несмотря на бурное развитие технологий, отсутствие четких правил квалификации преступлений затрудняет привлечение виновных к ответственности.

Дубровина Е.С. в своей научной работе отмечает, что: «Происходящие процессы модернизации уголовного законодательства вызваны процессами мировой глобализации, необходимостью последовательного развития и реализации провозглашенных в УК РФ принципов, а также быстрыми темпами научно-технического прогресса. На фоне процесса глобализации происходит проникновение норм международного права в другие правовые семьи, в разные системы законодательства, в том числе в отраслевое законодательство с таким основным методом регулирования, как метод властных предписаний. Необходимость обеспечения охраны и защиты прав человека и гражданина способствовала распространению глобализационных процессов на уголовное

право Российской Федерации. Сегодня влияние международно-правовых норм на отечественное уголовное право заключается в определении основных направлений развития правовой политики» [2, с. 37]. В то же время Алексеева Е. А. отмечает, что: «В стремлении успеть за трансформацией социальных реалий, законодатель ежегодно наращивает темп изменений норм уголовного законодательства, что особенно заметно в Особенной части Уголовного кодекса РФ, зачастую жертвуя юридической техникой, обуславливающей системность норм уголовного закона» [3, с. 74].

Современные трансформации, охватывающие различные сферы нашей жизни, зачастую интерпретируются как следствие глобализации. Этот комплексный феномен, определяющий облик нынешнего мира, является предметом пристального изучения для исследователей из самых разнообразных научных дисциплин, включая философию, политологию, социологию, биологию и физику. Правовая сфера тоже не остается в стороне от осмысления глобализации и глобализма; юристы исследуют их сущность, а также возможные трудности и риски для безопасности как на международном, так и на национальном уровнях, учитывая современный этап эволюции общества. Как справедливо отмечает Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, «глобализация – это вызов, который надо уметь достойно встретить» [4, с. 380]. М.Н. Марченко определяет глобализацию с точки зрения системного подхода и отмечает, что: «глобализация представляет из себя системную, многоаспектную и разноуровневую интеграцию различных существующих в мире государственно-правовых, экономико-финансовых и общественно-политических институтов, идей, принципов, связей, морально-политических, материальных и иных ценностей, разнообразных отношений» [5, с. 12-13].

По нашему мнению, принципы глобализации могут быть применимы к решению комплексных задач в сфере борьбы с киберпреступностью. Глобальный характер проблемы киберпреступности обусловлен ее трансграничной природой и формированием единого информационного пространства. Возникнув всего несколько десятилетий назад, эта преступная деятельность продемонстрировала стремительный рост. Развитие ИТ-сектора содействовало тому, что незаконные деяния в сети стали глобальной проблемой, угрожающей как отдельным лицам, так и национальной безопасности государств.

Борьба с цифровыми преступлениями требует консолидированных усилий международного сообщества. Формирование фундаментальной правовой базы для обеспечения кибербезопасности, учитывающей расширяющееся транснациональное киберпространство, чрезвычайно актуально для научных исследований и практической деятельности. Сегодня угрозы, связанные с неправомерным использованием информационных технологий в цифровой среде, не вызывают сомнений. Они представляют собой значительную опасность, побуждая государства на высшем уровне обсуждать меры противодействия киберпреступности и ставить этот вопрос в центр своей внутренней политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Панченко, П. П. Уголовное законодательство в XXI веке: современное состояние, проблемы трактовки и применения его положений с учетом задач дальнейшего укрепления экономического правопорядка. Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 1 марта 2012 года) / П. П. Панченко. — Нижний Новгород, 2012. — 26 с. — Текст : непосредственный.
2. Дубровина, Е. С. Актуальные проблемы модернизации уголовного законодательства в Российской Федерации / Е. С. Дубровина. — Текст : непосредственный // Новый юридический вестник. — 2018. — № 5 (7). — С. 35-40. — URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/106/3658>.
3. Алексеева, Е. А. Основные тенденции развития уголовного законодательства России / Е. А. Алексеева. — Курган. — 108 с. — Текст : непосредственный.
4. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп. М., 2008. С. 419.
5. Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации: монография. М.: Проспект, 2008. 400 с.

УДК 343.01

Чуйко С.Р., курсант 2 курса
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России
Научный руководитель –
А.Х. Василиади

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЕЗ ПОТЕРПЕВШЕГО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ТУПИК
ИЛИ БУДУЩЕЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА (ОТ ДЕКАБРИСТОВ
ДО ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ XXI ВЕКА)**

В этой статье подробно анализируется, как со временем менялось представление о так называемых «преступлениях без потерпевшего» в уголовно-правовой теории и на практике. Иными словами, необходимо шаг за шагом проследить путь этой темы, начиная с либеральных проектов декабристов, затем через теорию «вреда» Джона Стюарта Милля и криминологическое либертарианство XX века, и вплоть до современных вызовов, связанных с цифровой эпохой. С одной стороны, можно ли считать декриминализацию (то есть отказ от наказания) таких действий, которые не причиняют прямого вреда другому человеку, например, употребление наркотиков, эвтаназию или азартные игры – шагом вперёд к правовому государству? С другой стороны, не служит ли сама идея об «отсутствии потерпевшего» всего лишь пеленой, за которой

скрывается неочевидное становление общества и государства жертвой? В условиях цифрового контроля, как например появление искусственного интеллекта и развития трансгуманизма, возможно, старая концепция «преступлений без потерпевшего» снова станет актуальной, но уже в новом качестве — как инструмент для защиты так называемой «цифровой личности человека».

Итак, что любопытно, первая в России попытка узаконить идею о том, что «действия без жертвы не должны наказываться», связана вовсе не с либералами 1990-х годов, а с декабристами. Например, П.И. Пестель в своей «Русской Правде» [1] и Н.М. Муравьев в проекте Конституции предлагали значительно сократить список того, за что можно наказывать по уголовным статьям. Если говорить проще, их логика была сугубо практической: государство не имеет права карать человека за его пороки — будь то пьянство, разврат или бессмысленная трата денег, — если эти действия никак не нарушают «безопасность и права других граждан» [2]. Настоящим философским основанием для данной концепции стал принцип «вреда», предложенный Джоном Стюартом Миллем в 185 году. Он звучит так: "Единственное обоснование для применения государственной власти против воли человека — это предотвращение вреда другим" [3, с. 9-11]. Этот тезис оказал значительное влияние на развитие западной правовой мысли на протяжении полутора веков. В СССР, напротив, любые обсуждения "преступлений без потерпевшего" были строго запрещены. Советское уголовное право исходило из того, что любое преступление обязательно влечёт за собой вред - либо конкретному лицу, либо социалистическому государству, которое воспринималось как высшая форма коллектива. Здесь возникает противоречие: например, тунеядство - статья Уголовного кодекса РСФСР - формально не имела конкретной жертвы, но считалась настоящим преступлением, за которое следовало наказание.

Дальнейшее развитие обсуждаемой концепции связано с именами Эдвина Шура, особенно с его книгой "Преступления без потерпевших", а также Герберта Пэкера. Они сосредоточились на трех классических примерах: добровольной проституции, употреблении наркотиков и азартных играх, а также - до момента легализации - абортах. Аргументы в пользу декриминализации были достаточно убедительными. Во-первых, существует принцип "нулевой суммы вреда": такие действия осуществляются по обоюдному согласию сторон, и, следовательно, нет явного пострадавшего. Во-вторых, запрет вызывает криминогенные последствия: сам факт запрета создает черный рынок, способствует коррупции и приводит к так называемым вторичным преступлениям, как, например, в случае с бандами наркоторговцев. Экономическая неэффективность также вызывает серьезные вопросы: значительные государственные ресурсы расходуются на борьбу с явлениями, которые, по сути, не приносят пользы обществу, кроме удовлетворения "морального чувства большинства". Например, уже в первые годы в США и Западной Европе началась частичная декриминализация различных сфер - были разрешены аборты, гомосексуальные отношения, а в

Нидерландах легализовали легкие наркотики. В то время многим казалось, что мы на пороге полного признания этих идей.

К началу 2000-х годов стала очевидной одна важная проблема. Понятие "отсутствие потерпевшего" зачастую оказывается лишь юридической фикцией, за которой скрываются либо отложенные, либо скрытые последствия. Чтобы пояснить это, в качестве примера следует рассмотреть наркоторговля по согласию. Формально потребитель утверждает, что он является добровольным потерпевшим.

Проблема преступления «без жертвы» или «без потерпевшего» остаётся открытым вопросом, лишаясь прежних смыслов и трактовок. Это происходит по нескольким причинам. Во-первых, в нашем современном глобализированном мире почти не осталось действий, которые не причиняли бы косвенного вреда третьим лицам или целым системам, будь то экология или общественное здоровье. Во-вторых, несмотря на принцип ненападения, государство всегда будет рассматривать как преступления те деяния, которые ставят под угрозу его стабильность. Например, уклонение от налогов - разве это не пример преступления без потерпевшего? На первый взгляд может показаться, что нет конкретной жертвы, но, если подумать, потерпевшим здесь выступает государственный бюджет. Тем не менее, будущее уголовного права лежит вовсе не в том, чтобы вернуться к тотальной криминализации всех пороков, а в создании так называемых дифференцированных режимов ответственности — с учётом цифровой реальности. Проще говоря, старое понятие «преступления без потерпевшего» постепенно трансформируется в «преступление с размытым потерпевшим» или даже в «преступление против автономии воли». Собственно, что здесь самое важное? На смену привычному вопросу: «Есть ли у этого деяния жертва?», приходит совершенно другой вопрос: «Было ли согласие человека добровольным?». И если ответ на этот вопрос отрицательный — значит, состав преступления налицо, даже если никто в прямом смысле не плакал и не жаловался.

Идея, которая когда-то была рождена декабристами как гуманный протест против полицейского государства, прошла пик своей популярности в XX веке, а к началу века XXI вдруг обнаружила, что она, прямо скажем, исторически ограничена. Иными словами, «преступление без потерпевшего» — это, не тупик, но и не магистраль. Скорее, это своего рода переходный этап в том, как мы понимаем сам вред. Что же дальше? Судя по всему, будущее за тем, чтобы отказаться от бинарной логики (то есть от простого деления на «жертва есть» и «жертвы нет») в пользу градуальной шкалы — иными словами, оценки вероятности и степени отдалённого вреда, которую можно измерять уже цифровыми методами. И здесь возникает любопытный парадокс.

Таким образом, именно тотальный цифровой контроль, который многие сегодня считают злом, вполне может стать инструментом для проверки того, насколько согласие человека было добровольным. А это, в свою очередь, позволило бы возродить чистоту старого доброго принципа Милля — но уже на совершенно новом, технологическом уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Невский, С. А. Идеи о правосудии в "Русской правде" П.И. Пестеля / С. А. Невский // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 51-53. – EDN XTGHRZ.
2. "Конституция" Н. М. Муравьева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 9(61). – С. 221-234. – EDN KEIXLR.
3. Толчинская, Т. И. Проблема свободы в работах Джона Стюарта Милля / Т. И. Толчинская, А. М. Толчинская // Современная наука: тенденции развития. – 2016. – № 12. – С. 8-12. – EDN VSXWPF.

УДК 343.1

Шмаленко С.А., курсант 3 года обучения переменного состава
Восточно-Сибирского института МВД России
Научный руководитель –
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
кандидат юридических наук, доцент, В.Н. Гапонова

**ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ИНСТИТУТОВ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ**

Прежде чем перейти к рассмотрению системной взаимосвязи между приостановлением производства по делу и механизмом его прекращения, необходимо проследить специфический синтез норм материального и процессуального права. Подобное сочетание материально-правовых оснований и процессуальных форм порождает уникальную юридическую конструкцию исследуемого института, теоретическая и практическая сложность которого предопределяет многообразие дискуссионных подходов в современном научном дискурсе.

Рациональность законодательных новелл о специальной военной операции (далее - СВО) проявляется в передаче полномочий по отбору кандидатов от следствия Министерству обороны. В периоды действия особых режимов только военное ведомство даёт оценку годности лица к службе. Само по себе зачисление в ряды Вооружённых Сил не снимает обвинения, а лишь временно приостанавливает следствие [1, с. 48]. Пока субъект проходит службу, он остаётся подозреваемым, и при ненадлежащем несении службы расследование возобновляется. Полностью закрыть дело смогут только при выполнении конкретных условий, установленных законом.

Согласно пунктам «а» и «б» ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, основанием прекращения преследования является не факт заключения контракта, а наступление следующих условий:

1) награждение государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

2) со дня увольнения с военной службы по определённым основаниям.

В свою очередь, основания, указанные п. «б» ч. 1 ст. 78.1 УК РФ прописаны в пп. «а», «в», «о» пункта 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»:

1) увольнение по достижении предельного возраста пребывания на военной службе;

2) по состоянию здоровья - в связи с признанием военно-врачебной комиссией не годным к военной службе, за исключением военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, изъявивших желание продолжить военную службу на воинской должности, которая может ими замещаться;

3) в связи с окончанием периода мобилизации, отменой военного положения и (или) истечением военного времени.

Только при документальном подтверждении одного из указанных фактов сведения передаются в соответствующие органы, что служит легитимным основанием для окончательного прекращения уголовного преследования¹. Таким образом, мы наблюдаем сложный механизм правовой трансформации, где достижения военной службы становятся юридическим эквивалентом реализации целей уголовного наказания.

Связь ст. 78.1 УК и ст. 28.2 УПК РФ разграничивает временное приостановление дела и его итоговое прекращение [1, с. 49]. Последнее возможно лишь при условии, что производство ранее было приостановлено по ходатайству командования, а от компетентных органов получено подтверждение фактов, предусмотренных материальным правом (награждение или увольнение²).

На текущем этапе возникает существенная необходимость перейти к рассмотрению этапов формирования неразрывной связи между институтами приостановления производства и последующего прекращения уголовного дела. Несмотря на кажущуюся процедурную ясность, данная сфера правового регулирования характеризуется наличием серьезных доктринальных противоречий и неоднозначностью правоприменительной интерпретации.

Основой дискуссии стал ныне утративший силу Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее - ФЗ № 270;

¹ Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 № 53-ФЗ

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: фед. закон Рос. Федерации от 18 дек. 2001 г. №174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собр. законодательства РФ. - 2001. - №52. (ч. 1). Ст. 4921.

положения перенесены в законы 2024 года № 64-ФЗ и № 340-ФЗ)¹. Он спровоцировал коллизии в соотношении специальных и общих норм, а также исказил понимание процессуального алгоритма связи между приостановлением и прекращением дела².

Тезис о факультативности приостановления в рамках ФЗ № 270 допускал необоснованное прекращение преследования сразу при зачислении на службу [2, с. 34-35]. Подобная трактовка игнорировала необходимость выполнения условий ст. 78.1 УК РФ и противоречила базовым правовым принципам.

Данная точка зрения, вопреки утрате силы ФЗ № 270, продолжает функционировать в современной научной литературе, порождая риск герменевтических искажений. В рамках такого подхода положения ст. 78.1 УК РФ, ст. 28.2 и п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ интерпретируются как автономные, изолированные друг от друга нормы, несмотря на их очевидную системную взаимозависимость. Это создает почву для опасной коллизии, при которой прекращение уголовного преследования и реабилитация лица признаются возможными вне зависимости от того, было ли производство по делу предварительно приостановлено [3, с. 52-55].

Для лиц, обвиняемых в преступлениях, исключаящих последующее освобождение от ответственности, приостановление дела (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) остается единственным инструментом. Оно диктуется физической недоступностью фигуранта, находящегося в зоне боевых действий.

Таким образом, модель, содержащая в себе постулаты о приоритете института прекращения дела как «главного» при одновременном низведении приостановления до статуса «факультативного», подрывает саму логику системного регулирования. Отказ от признания приостановления обязательной стадией, предшествующей прекращению преследования, приводит к фактической невозможности четкой процессуальной регламентации и создает условия для произвольного толкования норм, регулирующих статус участников СВО в уголовном процессе [4, с. 30].

Институты приостановления (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) и прекращения (ст. 28.2 УПК РФ) уголовного преследования участников СВО взаимосвязаны. Прекращение без предварительного приостановления невозможно. Приостановление же без последующего прекращения допустимо в случае невыполнения условий для последнего, после чего дело возобновляется, подтверждая обеспечительный, а не определяющий характер приостановления.

Согласно официальным разъяснениям, за военным командованием закрепляется исключительная компетенция по отбору участников СВО,

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 02.10.2024 № 340-ФЗ

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: фед. закон Рос. Федерации от 23 мар. 2024 г. №64-ФЗ

находящихся под уголовным преследованием. Это обязывает органы предварительного расследования и суды приостанавливать производство по таким делам.

Геополитические вызовы актуализировали нормы УПК РФ, связанные с военным временем (п. 3.1 части 1 статьи 208 и части 4 статьи 238). В мирное время они не применяются. Приоритет безопасности временно вытеснил классические ценности судопроизводства, которые восстановятся после решения оборонных задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Звечаровский И. Э. Новый вид освобождения от уголовной ответственности: минусы и плюсы законодательной регламентации // Законность. 2024. № 10. С. 48-49.
2. Скрибайло В.Т.С. Закон об освобождении от уголовной ответственности участников СВО. Применение в суде // Уголовный процесс. 2023. № 11. С. 34-35
3. Стельмах В. Ю. Приостановление предварительного расследования в отношении обвиняемого (подозреваемого), участвующего в боевых действиях // Законность. 2024. № 10. С. 52-55.
4. Цветков Ю.А. Прекращение уголовного преследования в отношении участника СВО // Уголовный процесс. 2023. № 11. - Текст электронный //: [сайт]. - URL: <https://e.ugpr.ru/1051890> (дата обращения: 21.04.2026).

Научное электронное издание

Трибуна молодых исследователей права

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
(15 мая 2026 г.)

Восточно-Сибирский институт МВД России,
г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110